

Министерство образования Российской Федерации
Уральский государственный педагогический университет

ЛИНГВИСТИКА

Бюллетень
Уральского лингвистического общества

ТОМ 14

Екатеринбург
2004

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

Л 59

Редакционная коллегия:

Доктор филологических наук, профессор А.П. ЧУДИНОВ (отв. ред.)

Доктор филологических наук, профессор Л.Г. БАБЕНКО

Доктор филологических наук, профессор В.И. ТОМАШПОЛЬСКИЙ

Доктор филологических наук, профессор Н.Б. РУЖЕНЦЕВА

Ассистент ШИНКАРЕНКОВА М.Б.

Л 59 Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2004. Т. 14. 216 С.

ISBN 5-7186-0131-3

Бюллетень издается Уральским лингвистическим обществом. Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвистики; обсуждение фундаментальных и прикладных проблем языкознания, а также вопросов взаимоотношения языка, культуры и общества. Бюллетень предназначен для ученых-языковедов всех специальностей. Он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов, всех тех, кто интересуется проблемами лингвистики.

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Том 14

Подписано в печать _____ Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. ____ Тираж 120 экз. Заказ 1084

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620219 Екатеринбург, ГСП – 135, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@dialup.uk.ru

ISBN 5-7186-0131-3

© Лингвистика, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Будаев Э.В.	О системности и среде в ракурсе теории когнитивной метафоры.....5
Даулетова В. А.	«Я идеальное» в русской и английской автобиографической прозе политических деятелей.....11
Кушнерук С.Л.	Сопоставительная характеристика прецедентных имен в российской и американской рекламе.....28
Макарова В.	О метафоризации политического скандала в литовских масс-медиа.....41
Нахимова Е.А.	Прецедентные имена как ментальное поле в политической коммуникации...47
Перескокова А.Ю.	Манифестация власти в метафорическом контексте СМИ.....61
Пименова М.В.	Концептуализация <i>памяти</i> в «Воспоминаниях» П.Н. Милюкова.....69
Стрельников А.М.	Оценочный портрет В.В. Путина в дискурсе кампании по выборам президента в России 2004 года.....81
Сурина А.В.	Метафоры со сферой-источником «насилие» в мемуарах Б.Н. Ельцина)...90
Телешева И.В.	Политическая ситуация как сфермагнит для морбиальной метафоры в российских и американских СМИ.....97
Шаова О. А.	Метафорическая репрезентация образа России в дискурсе масс-медиа Франции.....107
Шехтман Н.Н.	Зрелищные искусства и жанры представлений как источник метафорической экспансии в политическом дискурсе России и США.....118

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гридина Т.А., Иванилов В.М.	Мотивационный код народных снотолкований.....128
Кабаченко Е.Г.	«На учебном фронте»: метафора в идиостиле А.С. Макаренко.....146
Коурова О.И.	Особенности коннотации традиционно-поэтической лексики и фразеологии.....154
Палютина З.Р.	Античные истоки языка медицинской науки.....162
Попова Э.Ю.	Варваризмы в деловой речи.....172
Хабибрахманова Ю.Р.	Категория тональности в жанре очерка.....179
Шевнин А.Б.	Эрратология: лингвистические и методические аспекты.....186
Шустрова Е.В.	Тропеическая организация афроамериканских автобиографий конца 18 – начала 19 вв.....198

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ОПУБЛИКОВАННЫХ СТАТЕЙ.....	213
---	-----

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Будаев Э.В.

О СИСТЕМНОСТИ И СРЕДЕ В РАКУРСЕ ТЕОРИИ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ

С момента выхода книги Т. Куна «Структура научных революций» [Кун, 1975] понятие «научная парадигма» прочно закрепилось в научном терминологическом аппарате, несмотря на последовавшую пространную критику и выдвижение исследователями философии науки альтернативных понятий (например, «исследовательская программа» у И. Лакатоса [Лакатос, 2003]). Накладывая понятийную сетку куновской методологии на эволюцию той или иной науки, исследователи рассматривают становление и развитие науки как смену научных парадигм (научных революций). С середины 70-х годов в области гуманитарных наук (в первую очередь, в психологии и лингвистике) появляется тенденция обращения к когнитивным структурам и когнитивным механизмам оперирования этими структурами для объяснения феноменов, которые не поддавались адекватному изучению в рамках традиционной позитивистской методологии. Впоследствии этот процесс получил название когнитивной революции (cognitive revolution), когнитивного поворота (cognitive turn).

В современной лингвистике принято говорить о когнитивной парадигме или когнитивном подходе [Вишнякова, 2003; Демьянков, 1994; Кубрякова, 2004; Рудакова, 2002 и др.], конституирующим целесообразность апеллирования к ментальным структурам при экспликации тех или иных феноменов. В этом отношении когнитивный подход противопоставляется системному подходу, а при более широком рассмотрении когнитивный подход относится к антропоцентричному подходу в изучении языка в противовес подходу системоцентричному (анализ оппозиции подходов [Алпатов, 1993]). При этом заметим, что, говоря о когнитивной лингвистике, необходимо различать два основных ее направления. Первое направление связано с так называемой «компьютерной метафорой», постулирующей аналогию между принципами функционирования вычислительных машин и процессами мышления. В данной работе внимание фокусируется на теории концептуальной метафоры, послужившей отправной точкой второго – когнитивно-психологического – направления когнитивной лингвистики, рассматривающего когнитивные структуры

(динамичные и диффузные образования) неотрывно от их взаимодействия со средой (прагматический аспект) и языком (собственно когнитивный аспект).

Идущая от Ф. Соссюра лингвистическая традиция анализа языковой системы, достигшая своего апогея в структурализме (особенно в глоссематике), сменяется традицией анализа дискурса, вовлечением в методологический аппарат лингвистики прагматических, психологических, социокультурных и др. факторов. Как верно отмечает Г. Юл, лингвисты и философы языка долгое время проявляли сильный интерес к формальному, математическому анализу языка и имели склонность игнорировать особенности повседневного языка (*ordinary language*) [Yule, 2000: 6].

Очевидно, что последовательный структурализм вынужден признавать одинаково верными предложения 1. и 2. (примеры из [Yule, 2000: 6-7]): 1. *The dog ran up to Mary and licked her* (Собака подбежала к Мэри и лизнула ее); 2. *The bottle of ketchup ran up to Mary and licked her* (Бутылка кетчупа подбежала к Мэри и лизнула ее). Структурно-семантический подход, преодолевая узость чистого структурализма, также сталкивается с большими трудностями. Например, как отмечает А.Е. Бочкарев, ссылаясь на знаменитый пример Ф. Катца (семный анализ слова *bachelor*) и работы Лайонза и Растье, «семы не минимальны», «впечатление, будто сложное содержание 'bachelor' делится на элементарные компоненты иллюзорно» [Бочкарев, 2003: 129] Один из основоположников теории концептуальной метафоры, Дж. Лакофф, анализируя примеры идеализированных когнитивных моделей, отмечает вслед за Филлмором, что существительное «холостяк» может определяться как «неженатый взрослый мужчина», но сфера его применимости ограничена средой, типом общественных отношений. Вряд ли это слово уместно по отношению к мужчине, состоящему в гражданском браке, или Папе Римскому [см.: Скребцова, 2000: 96]. В таком понимании вектор когнитивной лингвистики располагается по направлению от системы языка к среде функционирования системы (когнитивные структуры, экстралингвистические факторы), что ни в коем случае не означает отказа от самого принципа системности. Осознание сложности объекта исследования приводит к поиску системности другого (концептуального) уровня. Примечательно, что еще Бодуэн де Куртенэ предвидел эту тенденцию, говоря о том, что «языковые обобщения будут охватывать все более ши-

рокие круги и все более соединять языкознание с другими науками: с психологией, с антропологией, с социологией, с биологией» и о том, что некоторые лингвистические «исследования окажут огромное влияние на психологию и дадут ей совершенно новый материал для выводов и обобщений» [цит. по Макаров, 2003: 25]. Язык (созданная лингвистами абстрактная сущность) выводится из среды, говорения, понимания и др., поэтому именно прагматико-семантическая проблематика стала камнем преткновения позитивистского подхода к языку. Именно из критики этого подхода вышла когнитивная лингвистика, что, конечно же, не отменяет ее альтернативного характера в лингвистических исследованиях корреляции языка, речи, сознания и среды.

Итак, осознание сложности объекта исследования приводит к поиску системности другого (концептуального) уровня. В теории концептуальной метафоры эта системность проявляется в принципах и структуре метафорического моделирования концептов (фреймо-слотовый анализ). Под фреймом понимается «единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Фрейм обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что – нет. Фрейм организует наше понимание мира в целом, а тем самым и обыденное поведение (скажем, когда мы платим за дорогу или покупаем билет привычным для нас образом) Фрейм при таком подходе – структура данных для представления стереотипной ситуации (типа: нахождение в комнате, ритуал детского дня рождения), соответствующая обычно частотным, но иногда и непродуктивным стереотипам» [Кубрякова, 1996: 188].

Фреймы и слоты имеют концептуальную природу и не всегда вербализуются. Концепты погружены в домены (domains), ментальные пространства; представляют собой «сетевую модель» с гетерогенными и разнохарактерными связями. «Различие между концептами как таковыми и организацией концептуального знания во фреймы является не вполне четким – теория допускает размытые границы между ними» [Дейк, 1989: 17]. Нетрудно заметить, что такой подход методологически не допускает, например, инвариантности значения полисеманта.

В чем же заключается актуальность исследований когнитивной метафоры? Какова роль концептуальной метафоры в дискурсе и как она соотносится со средой, экстралингвистической

действительностью? В теории концептуальной метафоры метафора рассматривается как когнитивный процесс, основная ментальная операция, позволяющая не только отражать общественное сознание, объяснять и категоризовать действительность, но и оказывать влияние на принятие решений. Этот прагматический аспект актуализации метафоры позволяет, с одной стороны, объяснить ее широкое использование в политическом дискурсе, с другой – ответить на вопрос, почему одни и те же события по-разному репрезентируются в сознании. Метафора, как феномен сознания, «проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система ... метафорична по самой своей сути» [Лакофф, 1990: 387], «метафорические модели... это своего рода схемы, по которым человек думает и действует» [Чудинов, 2001: 31]. Одним из подтверждений этой теории являются онтолингвистические исследования.

Как отмечает Т.А. Гридина, детские «метафоры, несмотря на их образность, не имеют функцию тропов, поскольку в сознании ребенка отсутствует представление об условности таких отождествлений» [Гридина, 2003: 106]. Очевидно, что доминантность антропоморфной метафоры в дискурсе укоренена в онтогенезе детской речи. Исследователь относит к основным ментальным доминантам языкового сознания ребенка антропоморфную доминанту, представляющую «модель мира как «проекцию» свойств человека на явления и предметы окружающей действительности» [Гридина, 2003: 130]. Важно для наших целей отметить еще одну доминанту детского мышления, а именно «синкретизм восприятия мира, отражающийся в комплексном представлении свойств обозначаемых объектов – номинации словом целой ситуации» [Гридина, 2003: 131]. Вероятно, эта доминанта лежит в основе формирования фреймов (концептов) и наполняющих их терминалов (слотов), структурных элементов метафорических моделей.

Важную роль в становлении когнитивной семантики сыграла эволюция взглядов на категории. Основу для этого изменения заложили исследования Л. Витгенштейна, Э. Рош и др. В теории концептуальной метафоры классическое, идущее от Аристотеля, положение о равноправии членов внутри категорий, заменяется положением о прототипических эффектах и базисном уровне внутри категории. Члены категории объединяются по принципу «семейного сходства» [Скребцова, 2000: 89-94]. Кон-

цептуальная метафора обладает значимым прагматическим потенциалом, что можно продемонстрировать на примере сопоставления метафоры родства и метафоры клуба в концептуализации постсоветской Прибалтики. «Метафора родства широко использовалась в политической речи Российской империи», «была унаследована советским политическим дискурсом» [Чудинов, 2001: 78] и продолжает служить часто актуализируемой сферой-мишенью в современном российском политическом дискурсе [Чудинов, 2001: 79-84]. Российский историко-культурный фон (традиции русской православной философии, историческая общность славянских «братских» народов, тема всечеловеческого братства в творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др.) согласуется с устойчивостью данной модели в российской политической речи. Однако прагматичный Запад «предпочитает» другие метафоры в процессе категоризации отношений государств в политических объединениях (НАТО, ЕС). Для английской культуры традиционно характерен институт клуба (в отличие от российской культуры), что находит свое отражение не только в английской литературе (Пиквикский клуб у Ч.Диккенса, клуб самоубийц у Р.Л. Стивенсона и др.), но и в политическом дискурсе. Метафора клуба в отличие от метафоры родства концептуализирует политические отношения в ином ключе. Если «старший брат» (СССР) или «отец народов» (Сталин) имеют «родственное право» поучать, а при необходимости и наказывать «младших братьев» или «детей», то среди членов клуба такие отношения неприемлемы. Когнитивная топология метафорической модели родства не позволяет выбирать родителей или братьев, что прагматически очень целесообразно для политического дискурса тоталитарного государства. Напротив, стать членом клуба или выйти из клуба, равно как и выбрать клуб, можно по собственному желанию, хотя для этого и нужно приложить определенные усилия.

В британском политическом дискурсе для метафорического представления сотрудничества постсоветских прибалтийских республик в политических объединениях модель клубной метафоры актуализируется с большей частотой по сравнению с метафорой родства (7:1 на 42 текста политического дискурса). Ср.:

Метафора родства

Фрейм «Семья»

For the new member states - ...Latvia, Lithuania and Estonia - joining this family meant sharing important aspects of national sover-

eignty and undertaking real reform. (The Guardian, April 17, 2003)
Для новых государств ЕС - ...Латвии, Литвы и Эстонии – присоединиться к этой семье означало поступиться важными аспектами своего суверенитета и предпринять реальные реформы.

Метафора клуба

Фрейм «Вступление в клуб»

Слот «Требования к претендентам»

The referendum was the last in any of the 10 countries due to enter the club next May. Референдум стал последним этапом для каждой из десяти стран, вступающих в клуб.

Слот «Получение членских билетов»

The enlargement announced yesterday will be completed in May 2004 when the newcomers are formally given their membership cards. (The Guardian, November 22, 2002) Расширение, о котором заявили вчера, будет завершено в мае 2004 года, когда новые члены получат членские билеты.

Слот «Последствия принятия в клуб новых членов»

Most of the newcomers are likely to speak English rather than French as their second language, fuelling fears in Paris that the shape and sound of the club which it helped create 45 years ago is changing beyond recognition. (The Guardian) Вероятно, большинство населения стран, вступающих в ЕС, склонно считать своим вторым иностранным языком английский, нежели французский. Это обстоятельство вызывает опасения Парижа, что облик и звучание клуба, в создании которого Париж принимал участие, изменятся до неузнаваемости.

При концептуализации взаимоотношений государств в политических объединениях британская концептуальная метафора «ориентируется» на ценности рыночной экономики. Например, Британское Содружество (Commonwealth – буквально «общее богатство») имеет отличный от Со-друж-ества (разделено нами – Б.Э.) Независимых Государств денотативный дескриптор. Эти наблюдения согласуются с программным тезисом теории концептуальной метафоры о том, что метафора «имеет национальные корни» [Чудинов, 2001: 10], соотносится с ценностями данной культуры [Лакофф, 1990: 404] и является действенным прагматическим инструментом концептуализации и категоризации действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3.

2. Бочкарев А.Е. Семантический словарь. Нижний Новгород. 2003.
  3. Вишнякова О.Д. Функционально-когнитивная парадигма как сфера концентрации лингвистической мысли в наступившем столетии // Филологические науки. 2003. №6.
  4. Гридина Т. А. Онтолингвистика. Екатеринбург. 2003.
  5. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
  6. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4.
  7. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
  8. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Российская академия наук. Ин-т языкознания. М., 2004.
  9. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
  10. Лакатос И. Методология исследовательских программ. М., 2003.
  11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. // Теория метафоры. М., 1990.
  12. Макаров М.М. Основы теории дискурса. М., 2003.
  13. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж. 2002.
  14. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики. СПб. 2000.
  15. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.
  16. Yule G. Pragmatics. Oxford University Press. 2000.
- © Будаев Э.В., 2004

Даулетова В.А.

**«Я ИДЕАЛЬНОЕ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ**

«Я идеальное» как один из трёх элементов гештальта самости играет уникальную роль в создании целостного автообраза представителей политической элиты, который выкристаллизо-

вываается в автобиографическом дискурсе. «Я идеальное» подразумевает наличие определённых составляющих (личные качества индивида, система ценностей, диспозиций, отношение к базовым оценочным категориям «добро – зло», «польза – вред», «приемлемо – неприемлемо» и т. д.), которые входили бы в концепцию «желаемого Я» его носителя, а также коррелировали бы с принятыми в данном социуме культурными и моральными предпосылками/параметрами/нормами. Другими словами, персональная картинка «Я идеального» должна совпасть с общепринятой/коллективной. Применительно к политическим деятелям можно говорить о двух факторах влияния на формирование «Я идеального»: 1) факторе гармоничного состояния души («Я идеальное» как отражение комфортного внутреннего состояния) и 2) факторе внешнего ориентира или политического маркетинга («Я идеальное» с позиций избирателей). Факторноцелевой признак лежит в основе двух составляющих «Я идеального»: «Я идеального гармонизирующего» и «Я идеального прагматического», которые реализуются с помощью двух коммуникативных стратегий. Первую предлагается назвать стратегией «автоидеализации» («хочу стать идеальным, чтобы нравиться себе»), а вторую – стратегией «идеальной автопрезентации» («хочу производить нужное позитивное впечатление, чтобы нравиться избирателям»). Вот как представлены данные стратегии каждая в отдельности.

В русскоязычных политических автобиографиях (И. Хакамада, Б. Немцова, Е. Гайдара) **стратегия «автоидеализации»** реализуется посредством следующих коммуникативных ходов.

Коммуникативный ход 1. «У меня есть нечто, что бы я хотел сохранить в себе».

Данный ход отражает положительную оценку адресанта своих качеств, убеждений, позиций. Его успех обеспечивают маркеры причастности, а именно: а) позитивно окрашенные наречия, б) когнитивные предикаты, в) экспрессивные мелиоративные существительные, г) предикаты долженствования, д) сослагательное наклонение.

А) Позитивно окрашенные наречия («уютно», «комфортно», «интересно») либо с предикатом «чувствовать», либо в конструкции с личным местоимением в Д. п. Так эксплицируется внутреннее состояние гармонии.

И Хакамада: *«Мне интересно оставаться женщиной, быть кокетливой, быть гибкой, не только в отношениях с людьми,*

но и в том, как сидишь»; «Я не ставила себе такой цели – выбрать себе цвет (чёрный), но вдруг почувствовала себя в нём комфортно...».

Е. Гайдар: «Нигде не чувствовал себя так уютно, как в библиотеке...».

Б) Когнитивные предикаты («не мыслю себя без...», «склонен к...»).

Б. Немцов: «Не мыслю себя без возможности общаться»; «Я склонен к тому, чтобы внедрять новые идеи».

Здесь акцентируются когнитивные процессы, происходит анализ своего интернального состояния.

В) Экспрессивные мелиоративные существительные («слабость», «блаженство»), которые открыто указывают на предпочтения адресанта.

Б. Немцов: «Пилотные проекты – моя слабость»; «Уединение. Блаженство!».

Г) Предикаты долженствования (важно», «необходимо», «нужно») в конструкции с личным местоимением в Д. п.

И. Хакамада: «Всегда было очень важно – поставить цель и полностью мобилизоваться на её осуществление. Не просто выйти на определённые позиции, но и во всём, включая общий облик, превратиться в такого человека, который имеет право их занимать»; «Мне необходимо акцентировать своё присутствие»; «Мне для душевного равновесия всегда очень важно иметь право сказать себе: я делаю всё, что могу»; Мне необходима поддержка. Так важно поминутно ощущать, что со мной согласны, меня одобряют, любят»; «Любую работу мне нужно довести до конца».

Таким образом автор информирует читателя о своих жизненных приоритетах и ценностях.

Д) Сослагательное наклонение («не чувствовал бы себя»).

Б. Немцов: «Думаю, что делаю всё ради того, чтобы сделать что-то важное и конкретное для общества, чтобы были реализованы все способности. Чувствовал бы себя некомфортно, если бы не имел такой возможности».

Из представленных выше примеров можно сделать следующие выводы об образе «Я идеального» выбранных политических деятелей.

И. Хакамада в идеале хотела бы чувствовать себя прежде всего женщиной (составляющие: внешний облик, одежда, цвет, любовь, поддержка), а лишь потом политиком (деловые качест-

ва: собранность, ответственность, работоспособность).

Б. Немцову нравится в своём образе новаторство, полезность для общества и общительность, перемежающаяся с уединением, уходом в себя.

Для Е. Гайдара желаемым состоянием является отшельничество и покой.

Коммуникативный ход 2. «У меня есть нечто, что меня не устраивает в себе».

Посредством данного хода осуществляется отрицательная оценка негативных и вызывающих субъективное неодобрение составляющих личности автора. К лингвистическим средствам, помогающим реализовать проекцию обозначенной оценки, относятся маркеры отчуждённости, а именно: а) устойчивые выражения, б) прилагательные с отрицательной оценкой, в) авторяльки, г) существительные с отрицательной коннотацией, д) эмоциональные предикаты.

А) Устойчивые выражения («не по душе», «не в восторге»).

И. Хакамада: *«Если же говорить о виртуальной Хакамаде, то я сама от неё не в восторге».*

Е. Гайдар: *«Мне это (массовая закупка «мерседесов» для членов правительства) было явно не по душе».*

Б) Прилагательные с отрицательной оценкой («убогий», «невзрачный», «безобразный», «некрасивый», «неприятный»), определяющие критическое отношение адресанта как к самому себе, так и к окружающим и принадлежащим ему вещам.

И. Хакамада: *«Подростком я выглядела ужасно: тощее, некрасивое, забитое существо с жидкой косичкой сзади»; «Помню безобразные белые башмаки, бесформенные, сшитые в дешёвом ателье брюки...»; «Отрыв от этого убогого стиля произошёл, когда я вышла замуж»; «Невзрачные вещи приросли ко мне как вторая кожа».*

Е. Гайдар: *«Самое неприятное – стал гораздо жёстче, холоднее».*

В) Авторяльки («училка», «Серая Мышь»).

И. Хакамада: *«Вид у меня в ту пору был – типичной училки»; «Этот период своей жизни я называю эпохой Серой Мыши»; «а потом я ушла в бизнес, и Серая Мышь умерла».*

Г) Существительные с отрицательной коннотацией («идиотизм», «угнетённость», «подавленность», «замкнутость»).

И. Хакамада: *«Дисциплинированность у меня доходит до идиотизма».*

Б. Немцов: *«Состояние зависимости всегда приводит к угнетённости, подавленности, замкнутости».*

Д) Эмотивные предикаты либо с отрицательной частицей «не» либо с минимизатором «мало» («не устраивает», «не люблю», «не подходит», «мало привлекает»).

И. Хакамада: *«Как правило я себе резко не нравлюсь. Меня, например, не устраивают мои голосовые возможности».*

Б. Немцов: *«И она (московская жизнь) меня мало привлекает. Могу сказать, чем она меня мало привлекает. Низкой продуктивностью, огромным количеством субъективных обстоятельств, интриг, страшной бессмысленной конкуренцией, нет, даже не конкуренцией, а всеобщей настороженностью, желанием поставить подножку на ровном месте».*

Второй коммуникативный ход позволил увидеть «идеальное Я» рассматриваемых в данной статье политиков в следующем ракурсе.

И. Хакамада – иной виртуальный имидж, иные голосовые возможности, меньше дисциплинированности, модная красивая одежда.

Б. Немцов – подальше от интриг, суеты, независимость во всех аспектах жизни, чистоплотность.

Е. Гайдар – теплота, мягкость, отсутствие излишеств, ответственность, долг.

Коммуникативный ход 3. «У меня нет чего-то, что бы я хотел иметь».

Данный коммуникативный ход наиболее чётко и явно отражает извечное человеческое стремление к совершенству. Он указывает на те качества и черты личности, которые ей не присущи, но необходимы для личностного душевного равновесия, для удовлетворения собой. В автобиографических произведениях автор заявляет о пожеланиях самому себе с помощью следующих средств.

А) Предикаты внутреннего состояния («жалею», «мечтаю», «хочу»), высвечивающие то, что человеку не хватает для счастья.

Б. Немцов: *«Жалею о том, что у меня только один ребёнок, жалею постоянно».*

Е. Гайдар: *«Мечтаю переложить предвыборную суету на кого-нибудь из демократов».*

И. Хакамада: *«Я хочу быть как все, и в то же время ни на кого не быть похожей».*

Б) Сослагательное наклонение («выбрал бы», «можно было бы»), позволяющее автору критически взглянуть на самого себя.

И. Хакамада: *«Если бы от нас это зависело, я выбрала бы себе другой тембр – пониже, позвучнее»; «Кажется, что то же самое можно было бы сформулировать чётче, найти более точные слова».*

Из примеров, иллюстрирующих третий коммуникативный ход, видно, что «Я идеальное» для Ирины Хакамада состоит в другом тембре голоса, более чётких, продуманных выступлениях, яркости образа; для Бориса Немцова – в наиболее полно реализованном отцовстве; для Егора Гайдара – в спокойствии.

Коммуникативный ход 4. «У меня нет чего-то, что мне не нравится».

Этот коммуникативный ход даёт автору возможность заявить об отсутствии в своей концепции автоимиджа определённых, как правило, негативных черт. Автор полностью удовлетворён подобным положением дел. Такой блок информации не менее важен, чем три предыдущие, ибо вносит свою лепту в дело формирования «Я идеального». Лингвистически такого рода посыл передаётся с помощью предиката «хотеть» с отрицательной частицей «не» или его синонимичного выражения «не иметь желания», которые могут усиливаться наречиями-абсолютами «со всем», «никогда».

И. Хакамада: *«Я совсем не хочу, чтобы во мне видели некую железную леди, с этим типом у меня нет ничего общего»; «Я ни с кем не хочу соперничать».*

Е. Гайдар: *«Никогда не имел желания уезжать из России».*

Данный маркер отчуждённости исключает из «Я идеального» у И. Хакамады – соперничество (в смысле интриг) и жёсткость; у Е. Гайдара – предательство Родины.

Итак, в автобиографических произведениях, написанных на русском языке, имеют место четыре коммуникативных хода, реализующих стратегию «автоидеализации».

В англоязычных политических автобиографиях (М. Тэтчер, А. Кларк, П. Ашдаун) были отмечены аналогичные коммуникативные ходы за исключением четвёртого, и с несколько иными средствами их воплощения.

Коммуникативный ход 1. «У меня есть нечто, что бы я хотел сохранить в себе».

Данный коммуникативный ход отражает одобрение автором своих собственных действий, мыслей и идей, которые были

реализованы и прожиты в его политическом и личном прошлом. Налицо фокус на ретроспекции авторской коммуникации британских политиков, что обусловлено природной склонностью британцев к познанию своей сущности. Удовлетворение самим собой проявляется в автобиографическом дискурсе посредством следующих приёмов.

А) Глагола “to be” (Present Simple/Past Simple) + именная часть предиката (“happy”, “proud”).

P. Ashdown: *“I am happy to leave these pages as a record of the first half of a journey which I am proud to have undertaken, and which, more than anything else I have ever done, has left me with a deep sense of contentment”*. В данном примере Пэдди вдвойне доволен собой: во-первых, тем, что ему пришла мысль вести дневник, обнародование которого дало ему возможность напомнить о себе, вновь завладеть интересом и вниманием людей, а также дать свою личную интерпретацию тех политических событий, в которых ему довелось принимать участие, поманипулировать читателем в свою пользу; во-вторых, тем отрезком жизни, который он целиком и полностью посвятил либерально-демократической партии. Чувство удовлетворённости усиливается лексемой “contentment”.

Б) Предиката “to hope”, программирующего желаемое будущее.

M. Thatcher: *“I hope it will carry on being all three (busy, productive and happy life – В. Д.) for some time yet”*. Маргарет довольна тем образом жизни, который ей довелось вести на посту премьер-министра, и ей для полного комфорта хотелось бы сохранить его.

В) Положительно маркированных прилагательных.

M. Thatcher: *“More than 40 years later I know that my decision to say “yes” (to marry Denis – В. Д.) was one of the best I ever made”*. Суперлатив “the best” красноречиво говорит о том, что Маргарет считает свой брак с Денисом удачным, позволившим ей реализовать своё женское и материнское начало. Без подобной возможности отсутствовала бы очень важная составляющая «я» идеального Маргарет Тэтчер.

Г) Сослагательного наклонения.

P. Ashdown: *“Re-reading these pages, I often ask myself if I would have done things differently. I think the honest answer to that question is mostly no”*. С помощью сослагательного наклонения автор анализирует свою жизнь и приходит к выводу, что прожил

он её в соответствии со своими задумками и изначальными установками. Другими словами, в гармонии с «Я идеальным»!

Итак, в структуру «Я идеального» М. Тэтчер входят следующие составляющие: с профессиональной точки зрения – продуктивность и занятость, с позиции личного – материнство и семья. Для П. Ашдауна в профессиональной сфере важна публичность, повышенное внимание народа к его персоне.

Коммуникативный ход 2. «У меня есть нечто, что меня не устраивает в себе».

Здесь обыгрывается неудовлетворённость собой, высвечиваются и критикуются те черты, которые не соответствуют представлениям автора о «Я идеальном». Подобного рода информация передаётся с помощью следующих средств.

А) Словоочетаний, в семантической структуре которых присутствует сема «боль» (“twinges of pain”, “dreadful signs”).

A. Clark: *“I get sudden, intermittent-like powerful twinges of pain – realizations of how old I am becoming”*.

P. Ashdown: *“I am getting very tired, I am pushing people too hard, I am snapping their heads off and I am generally beginning to look a bit brutal. All the dreadful signs of an old man in a hurry!”*.

Оба политика испытывают неприятные чувства по поводу надвигающейся старости. Пэдди отмечает негативные перемены в себе, а именно: жёсткость, брутальность, гнетущую усталость. А автобиографический дискурс Алана Кларка просто пронизан болью и беспокойством о своей увядающей мужской силе и красоте.

Б) Негативно маркированной и сниженной лексики (“bored”, “stained”, “shit-heap”, “fuck”, etc.)

A. Clark: *“As for the Dept, I never want to go through its doors again. Total shit heap, bored blue, stained and befuddled by all the paper work. Fuck them”*. Употребляя такого рода пейоративы, автор высказывает своё резко отрицательное отношение к бумажной работе. Она угнетает его, делает его несчастным, подавляя его творческую натуру.

Итак, в представлении П. Ашдауна об «Я идеальном» не входит старость. А.А. Кларк помимо старости исключает рутину и однообразие.

Коммуникативный ход 3. “У меня нет чего-то, что бы я хотел иметь”.

«Что мне не хватает для счастья?» вот вопрос, который задают себе авторы, чтобы заполнить все слоты фрейма «Я иде-

альной». А ответ на этот вопрос они дают в следующей форме.

А) Предиката “like” в сослагательном наклонении.

A. Clark: “*The aura of power is an aphrodisiac, and all that. But I felt eunuch-like. It’s all too bloody pasteurized. I’d like to revert to the old Ischian AI, and get it raw*”. Очевидно, что Кларка гнетёт стерильность и напускная добропорядочность власти, её искусственность и оторванность от реальности. Ему бы хотелось вернуться в то время, когда он был просто Элом, свободным, наслаждающимся жизнью, весёлым и беззаботным. Лексема “bloody”, сравнение “eunuch-like”, метафора “pasteurized” усиливают эффект отторжения существующего порядка вещей.

Б) Лексем, реализующих значение «тоска» (“nostalgic”, “delicious pain”).

A. Clark: “*I am always nostalgic for Wiltshire, a delicious pain, where we lived so happily when the boys were tiny, and every day seemed free and golden*”. Алан тоскует, ностальгирует по дням без политики, когда он был молод и близок к природе. По всей видимости, ему не хватает покоя и простого семейного счастья и тепла.

В) Лексем со значением «стыд».

A. Clark: “*To my shame I have never climbed Hope (mountain Loch Hope – В. Д.) and suddenly, irresistibly, I thought, why not?*”. Чтобы реализоваться полностью Алану надо ещё и горы покорять (стереотип маскулинности).

Таким образом, в концепцию «Я идеального» Алана Кларка не входят столь необходимые для неё вещи, как простота, свобода, хорошие отношения с женой, молодость, единение с природой. А хотелось бы.

Итак, стратегия «автоидеализации» осуществляется с помощью определённых коммуникативных ходов, которые в русскоязычных политических автобиографиях представлены в количестве четырёх, а в англоязычных в количестве трёх. Значимость автоидеализации заключается в том, что она даёт возможность читателю увидеть потенциал автобиографа, понять, на что способен этот человек, каковы мотивы его действий и поступков. Благодаря «автоидеализации» можно заглянуть в душу политика и получить, насколько это возможно (учитывая публичный характер и коммуникативную цель автобиографии), достоверное знание о нём. Поскольку когда люди мечтают или сожалеют о чём-то, рисуют свои идеальный гармонизирующий образ, ложь/неискренность теряют свою актуальность, ведь

происходит разговор с самим собой, а себе нет смысла врать.

Стратегия «идеальной автопрезентации» направлена прежде всего на манипуляцию общественным мнением. Её задача – привлечь внимание читателя к тем аспектам личности автобиографа, которые помогут последнему осуществить скрытое, но довольно эффективное воздействие на адресата с целью формирования нужного позитивного имиджа, который в дальнейшем будет работать на него. Данная стратегия, в первую очередь, представлена определёнными речевыми тактиками, которые позволяют реализовать прагматический аспект «Я идеального», такими, как тактика соответствия адресату и тактика самовозвеличивания.

Суть первой тактики заключается в игре адресанта на предрасположенности адресата верить знакомому, родному. Намеренно создаётся ситуация равенства статусов коммуникантов (рабочий/рабочий, интеллигент/интеллигент), иллюзия единения и похожести. Политик должен быть из своего круга или «как бы» из своего круга [Желтухина, 2003: 527]. С этих позиций в дискурсе политических автобиографий широко применяют следующие приёмы.

А) Ссылки на личный опыт, в основном неудачный, с апелляцией к чувству жалости и сочувствия.

Например, И. Хакамада: «Я слишком долго жила в бедности» или «Я вдруг двинулась в политику, куда такие, как я, не идут – с улицы, без связей, без номенклатурной истории родителей, без средств». Ирина пытается сказать, что она такая же, как и все: всю жизнь вынуждена выживать, рассчитывать только на саму себя, ведь деньги с неба на неё не падают. Это довольно женская и достаточно избитая тема, которая, однако, не потеряла своей воздейственной силы.

Б) Детализацию.

Например, М. Тэтчер во всех подробностях описывает бакалейный магазин своего отца и свои обязанности в нём: *“Behind the counter there were three rows of splendid mahogany spice drawers with sparkling brass handles, and on top of these stood large, black, lacquered tea canisters. One of the tasks I sometimes shared was the weighing out of tea, sugar and biscuits from the sacks and boxes in which they arrived into 1lb and 2lb bags. In a cool back room we called “the old bake house” hung sides of bacon which had to be boned and cut up for slicing. Wonderful aromas of spices, coffee and smoked hams would waft through the house”*.

Столь детальное описание, включающее визуальные (“mahogany”, “large”, “black”, “sparkling”) и кинестетические (“cool”, “aromas”) сенсорные образы, внушает читателю чувство достоверности происходившего, подтверждающее идею М. Тэтчер о её принадлежности к простым людям среднего достатка, проводящих большую часть своей жизни в трудах.

В) Концепты высших общечеловеческих ценностей: Семья, Бог, Счастье и т. п. Данные концепты понятны и близки всем людям. Поэтому их вкрапление в автобиографический политический дискурс позволяет автобиографу слиться с народом, показать, что для него важны те же ценности, что и для всех остальных. Однако необходимо отметить, что каждый политик особо выделяет определённый элемент ценностной составляющей обозначенных концептов. Так фрейм Семья состоит из следующих слотов: родители, муж/жена, дети, дом и т. д. И. Хакамада акцент делает прежде всего на детях. Ирина в первую очередь мать, а потом жена, хозяйка. Она часто прибегает к метафоре материнства, даже когда говорит о политике: *«Для серьёзных занятий политикой необходимо иметь внутренний компас, который я назвала бы чувством страны. Это чувство в чём-то сродни материнскому инстинкту»*. Когда адресат читает о мудрых взаимоотношениях Ирины с детьми, он проникается чувством доверия к политике.

У М. Тэтчер концепт Семья ассоциируется в первую очередь с мужем, который с пониманием отнёсся к стремлению жены посвятить себя политике. Муж для неё партнёр, что сполна отражает устоявшееся отношение британцев к браку как к взаимовыгодному сотрудничеству: *“It was clear to me that Denis was an exceptional man. He knew at least as much about politics as I did and a good deal more about economics. His professional interest in paint and mine in plastics may seem an unromantic foundation for friendship, but it also enabled us right away to establish a joint interest in science”*. Ни слова о любви. Её заменитель – дружба на основе единства взглядов, интересов и интеллекта.

У Б. Немцова в концепте Семья первое место принадлежит дочери: *«Моя дочь – это то, что сильно объединяет нашу семью»*. Через свою дочь, которая «учится в обычной школе», которая «абсолютно не пользуется теми возможностями, которые есть у дочери губернатора», автор вживляет в умы потенциальных избирателей идею простоты, непритязательности и честности своей персоны.

Для Е. Гайдара самый важный человек в семье – это отец Тимур Гайдар, обладающий безупречной репутацией благодаря известной повести «Тимур и его команда». Тимур там порядочный, честный, бесстрашный, просто идеальный. Он любимец не одного поколения читателей. Следовательно, если Егор Тимурович прислушивается к отцу, «идёт с ним в одной шеренге», значит он достоин доверия.

А. Кларк и П. Ашдаун в концепции семьи главенствующее место отводят своим жёнам. Таким образом они пытаются отвести внимание читателя от факта постоянных супружеских измен. Британцы крайне негативно относятся к такого рода вещам: «British readers will forgive almost any failing in the protagonist except adultery [Sands, 2002: 3]. Кларк очень хочет искупить свою вину перед женой, а, следовательно, и перед читателями: *“I would so like to present it (peerage) to Jane while she is still young and pretty. Sometimes I have been foul to her”*. П. Ашдаун всеми силами старается внушить читателю мысль, что он порядочный семьянин, не взирая на слухи, путём употребления союза “and” и предлога “with”, передающих идею «мы вместе»: *“Had a whisky with Jane”; “To Downing Street with Jane”; “Then back to the House for dinner with Jane”; “A long walk with Jane and Luke”; “Jane and I had a long chat on the way down”; “So Jane and I walked resolutely through the Courtyard”*. И Алан Кларк и Пэдди Ашдаун много места в своих автобиографиях отводят дому. Ведь для британцев весьма актуальна поговорка “A man’s house is his castle”. П. Ашдаун воспринимает дом в Бургунди как частичку самого себя: *«I remarked to Jane as we left that one of the advantages of having a second home is that you are always in your own house during the holidays. But one of the disadvantages is that when you leave it’s not just a hotel room you leave behind, but a piece of your heart”*.

Концепт Бог распадается на такие составляющие, как религия, вера, храм, священник, Библия и т. д. В русской культуре наивысшей ценностью и ключевым словом в разговоре о Боге является вера. Например, Б. Немцов пишет: *«Вера в Бога – дело очень интимное. Мне не нравится, когда государственные мужи, некогда исповедовавшие атеизм, теперь стоят со свечками в церквях. Позируют перед камерами. Я тоже в церковь хожу, но надеюсь, что это не выглядит как «показательное выступление». Я не считаю себя серьёзно верующим человеком»*. У Немцова двойственное, неопределённое отношение к Богу. Он признаёт его существование, считает себя право-

славным («я был крещён в православной церкви»), однако вера его крайне слаба. Такая позиция выбрана не случайно: автор стремится слиться с читателем, который, благодаря коммунистическому атеистическому режиму, утратил значительную часть веры и теперь находится в таком же подвешенном состоянии, что и Немцов.

Для британской ментальности концепт Бог в первую очередь представлен понятием «храм», для которого ключевым словом выступает “church”. В отличие от православной культуры в протестантизме превалируют вещные субстанции, т.е. обсуждаются не чувства к Богу, а качественность убранства храма, профессионализм певчих, ораторские способности пастора и т. п. Например, у П. Ашдауна: *“A good sermon by Habgood. Sensible but profound, using simple words”* или *“We arrived just before the German choir. Supposed to be a youth choir, but didn’t look it. The cathedral chairs were very cramped and uncomfortable and the temperature chilly”*. Для британцев важно не содержание религии, а её форма и внешняя причастность к ней. Поэтому Пэдди с целью понравиться читателю так часто упоминает свои визиты в церкви и соборы.

Концепт Счастье для обыденного сознания носителей русского языка отмечен «активным» созидательным началом. Здесь важны «концепции, образованные факторами желания, цели, свободы, смысла, самореализации, деятельности, и концепции, ориентированные на поддержание межличностных отношений: семьи, любви, дружбы, общения» [Воркачёв, 2002: 101]. С учётом данных факторов российские политики в своих автобиографических произведениях указывают, что для них счастье заключено в детях, в которых они видят своё творение и продолжение себя. И. Хакамада: *«Где-то недавно я читала: для человека счастье – это состояние рая. Главное, что было в моём раю – удивительный покой. Когда все дети собираются вокруг, ходят перед тобой, жуют, хохочут, смотрят кино, катаются на лодке и тут же пытаются помочь, обсуждают с тобой твои проблемы – возникает наконец-то ощущение чего-то полезного. Реального результата, добытого многими трудами»*. Или Б. Немцов: *«Моя дочь – это то, ради чего можно жить»*.

Для носителей британской культуры характерна ориентация на пассивные, потребительские концепции (довольства, благополучия, обладания). Отсюда в англоязычных автобиографиях

прослеживается акцент на такой составляющей счастья, как обладание имуществом. Например, дом у П. Ашдауна: *“Jane and I soon discovered that our house in Burgundy became part of our lives as an invaluable bolt hole between Parliamentary sessions”* или сад у М. Тэтчер: *“In particular I bubbled with enthusiasm for the garden. I had always wanted one. So the garden at “Dormers” was my first real opportunity to don thick gardening gloves and rip out bramble, trundle barrows of leaf-mould from the nearby wood to improve the soil, and plant out flower beds”*.

Вторая тактика (самовозвеличивания) интересна не явным, прямым хвастовством, а его скрытой, интеллектуальной формой с применением Принципа Вежливости [Brown, Levinson, 1987: 45]. В автобиографическом политическом дискурсе с особой чёткостью проявляется максима скромности (*modesty maxim*). Её суть заключается в том, чтобы минимизировать похвалу себя и максимизировать неудовлетворённость собой. А в результате у читателя складывается впечатление, что перед ним человек недюжинных способностей, но очень скромный и абсолютно лишённый столь раздражающего всех хвастовства. Как правило, данный замысел реализуется с помощью следующих приёмов.

А) Выдвижения определённых положительных характеристик, исходящих из уст известного, авторитетного человека, за которыми следует комментарий автора, призванный якобы опровергнуть то, что было сказано о нём. Например, А. Кларк цитирует слова М. Тэтчер, сказанные в его адрес: *“Negotiation is the key. And I need someone with a presence, charm, someone different and, of course, with a brilliant brain”*. Такие лестные эпитеты, как *“presence”*, *“charm”*, *“brilliant brain”* поднимают Кларка на почти недостижимую высоту. А затем следует авторская ремарка: *“No, really”*, которая смягчает столь высокую оценку личных качеств и не оставляет у читателя сомнения в скромности Алена. Или у Б. Немцова: *«Именно тогда он (Ельцин) предложил мне стать следующим президентом России»*. Ельцин намекал на возможное преемничество в пользу Немцова, и последний, очень польщённый данным предложением, поспешил снять с себя всякую ответственность и притвориться скромником, мол *«я о себе не такого высокого мнения, это всё Ельцин»*: *«Шутка, конечно. Почти клоунада»*. Подобным образом ведёт себя и Е. Гайдар, повествуя о выборах лидера партии *«Выбор России»*. Когда становится известно, что Гайдар *«вслед за Президентом оттесняет на третье место В. Черномырдина, а потом и на*

второе место самого Ельцина», автор заявляет, что «это какой-то бред, смахивающий на провокацию», стремясь дистанцироваться от общественного мнения («Это ведь избиратели так думают, я здесь ни при чём»).

Б) Реализации эпистемической модальности, отмеченной отсутствием навязывания высказываемого мнения. Например, у Е. Гайдара: «К нашему удивлению, записка произвела на Михаила Сергеевича сильное впечатление. Наверное, она в чём-то отвечала его собственным мыслям» или «Удалось сформировать, как мне кажется, неплохой коллектив».

В) Слов-минимизаторов, преуменьшающих слишком позитивные характеристики. Например, М. Тэтчер, говоря о положительных изменениях в жизни страны, связанных с её премьерством, скромно характеризует их, как «некоторые/несколько» (“some”): “I see some signs that our people are ready to make the tough choice, to follow the harder road”. Таким образом она и похвалила себя и сделала это корректно, в рамках позитивной вежливости.

Тактика самовозвеличивания прослеживается и в многочисленных вкраплениях в автобиографический политический дискурс педагогического. Автор предстаёт перед читателем в роли умудрённого жизнью учителя. В форме ненавязчивых советов и рекомендаций автор внушает читателю определённый формат мыслей и действий. Это происходит посредством следующих показателей.

А) Вербализации деонтической модальности.

Б. Немцов: «Нельзя превращаться в циничного человека, но и нельзя оставаться сентиментальным и размазанным»; «Советую не горючиться особо».

И. Хакамада: «Стареть тоже надо красиво и естественно».

М. Тэтчер: “I believe we should judge people on merit, and not on background”.

Б) Конструкций с «если».

И. Хакамада: “Если хочешь изменить целое государство, то необходимо эти свои порывы (индивидуализма – В. Д.) смирить». Е. Гайдар: “Если дать себя увлечь всем этим (бумажной работой – В. Д.), то очень легко стать каучуковым штемпелем, просто санкционирующим вырабатываемые аппаратом решения».

В) Авторских афоризмов.

М. Тэтчер: *“Novelty always drains the stamina”; “Some inhibitions die hard”.*

И. Хакамада: *«Самая лучшая защита от подлости – простить её заранее»; «Ваш успех – это их (избирателей) успех».*

Манипулятивная интенция прослеживается и в частых референциях автобиографов к полученным ими в жизни урокам, позволившим им стать профессиональнее и мудрее: а) *“That taught me a lesson I never forgot: do not make public statements on arriving back in the country after any lengthy absence or long journey”; “I have learnt something: if you’ve got a message, preach it”; “I’ve learnt one thing in politics. You don’t take a decision until you have to”* (M. Thatcher); б) *“This crisis has taught me two lessons about politics. The first is that the more difficult the issue is, the clearer your line should be; the second, that you cannot perform well unless you are confident about that line”* (P. Ashdown); в) *«Первый урок, который я получил, начав работать в правительстве: как бы ты ни устал, как бы тебя ни торопили, сколько бы помощники тебе ни говорили, что документ нормальный и безобидный, никогда не подписывай ничего наспех, не прочитай и не разобравшись. Подставка может ожидать тебя в самый неожиданный момент»* (Е. Гайдар).

Итак, судя по представленным тактикам, можно сделать вывод, что все политические деятели по большому счёту идут по банальному, проторённому пути: эксплуатируют общечеловеческие ценности, стремятся максимально приблизиться к образу «своего парня». При этом обязательно учитываются национально-обусловленные особенности реагирования на определённые стимулы (ценностная составляющая концептов), а также гендерные стереотипы.

Помимо общепринятых приёмов существуют и авторские, направленные на то, чтобы придать своему образу немножко уникальности. К таковым относятся ключевые, наиболее частотные слова.

Ключевым словом для автобиографического дискурса И. Хакамада является лексема «фан» (от англ. “fun” – веселье, забава). Ей очень бы хотелось иметь имидж человека нестандартного, творческого. Здесь налицо стремление уйти от метафорического стереотипного образа политика как бесчувственной, запрограммированной машины.

Е. Гайдар обожает слово «ответственность». Очевидно, что

ему хочется выглядеть в глазах читателя человеком надёжным и ответственным.

Для Б. Немцова в качестве излюбленного слова выступает прилагательное «интеллектуальный». Ему присуще сильное желание снискать себе репутацию человека умного и высокоинтеллектуального.

М. Тэтчер усиленно привлекает внимание читателя к слову “politics”. Для неё ценен имидж преданного делу профессионала.

В любимчиках у А. Кларка прилагательные “lovely” и “delicious”. Ему бы хотелось быть для читателя прежде всего личностью с богатым внутренним миром, а лишь потом политиком.

П. Ашдаун очень много внимания уделяет своим публичным выступлениям. Его ключевое слово – “speech”. По всей видимости, он проецирует имидж «блестящего оратора».

Как правило, просматривается совпадение двух составляющих «Я идеального» (гармонизирующего и прагматического), что противоречит высказыванию W. H. Auden: “The image of myself which I try to create in my own mind in order that I may love myself is very different from the image which I try to create in the minds of others in order that they may love me” (The Oxford Dictionary of Modern Quotations 1999: 371). Однако не стоит забывать, что автобиографы находятся не на настоящей, а на воображаемой исповеди, поэтому практически невозможно определить, где правда, а где ложь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар: Техн. ун-т Кубан. гос. технол. ун-та, 2002. – 142 с.

2. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

3. Auden W. H. Oxford Dictionary of Modern Quotations. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 530 p.

4. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: University Press, 1987. – 114 p.

5. Sands S. We Will Forgive Our Heroes Everything Except Adultery // The Daily Telegraph, July 11, 2002. – P. 3.

© Даулетова В.А., 2004

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В РОССИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ РЕКЛАМЕ

Выполненная в рамках антропологического подхода к культуре, статья посвящена исследованию особенностей употребления прецедентных имен в российской и американской рекламе и их роли в конструировании концептуального плана имиджа рекламируемых услуг. Основной критерий сопоставительного анализа задает бинарная оппозиция «свои» - «чужие», позволяющая выявить национально-специфическое в рекламе и продемонстрировать степень ориентации двух культур друг на друга и на другие культуры.

Реклама уверенно вошла в нашу жизнь и стала восприниматься как обычное повседневное явление. Однако, несмотря на обилие публикаций, ей посвященных, реклама до сих пор остается малоизученным феноменом. Поскольку исследованиями в области рекламы занимаются специалисты разных профилей, понятие «реклама» можно определить с разных позиций. Так, с позиций процесса организации сбыта под рекламой понимается «оплаченная, неличная коммуникация, осуществляемая идентифицированным спонсором и использующая средства массовой информации с целью склонить (к чему-то) или повлиять (как-то) на аудиторию» [Уэллс, Бернет, Мориарти, 2003: 35]. Такое определение носит наиболее общий характер и, по нашему мнению, не отражает характеристики рекламы как вербального сообщения, служащего установлению контакта между производителем и покупателем. Исчерпывающим в этом отношении является определение Е.В. Медведевой: «Реклама – это разновидность массовой коммуникации, в которой создаются и распространяются информативно-образные, экспрессивно-суггестивные тексты однонаправленного и неличного характера, оплаченные рекламодателем и адресованные им группам людей с целью побудить их к нужным рекламодателю выбору и поступку» [Медведева, 2003: 6].

Принято выделять три компонента рекламного сообщения: вербальный текст, визуальный ряд и звучание. В нашей работе исследуется вербальный текст, поскольку именно в нем содержится основная функция рекламы – убедить потенциального потребителя совершить потребительское действие (Е.В. Медведева, О.А. Сычев). Из четырех элементов вербального рекламного сообщения обязательным является основной рекламный

текст (ОРТ) (наличие слогана, заголовка и эхо-фразы факультативно). ОРТ – есть «информирующий и аргументирующий текст, в котором даются основные сведения о товаре и/или описываются его преимущества» [Медведева, 2003: 13]. В результате получения и усвоения информации, представленной в тексте, в сознании потребителя формируется определенный имидж - устойчивое представление об организации или товаре. Л.В. Минаева и А.Ю. Морозов выделяют формальный и концептуальный план имиджа. «Формальный план включает в себя, например, такие компоненты, как фирменный стиль, профессионализм сотрудников и их манера поведения, внешний вид товара и т.д... Концептуальным планом является словесно выраженное мнение целевой аудитории о данной организации или товаре» [Минаева, Морозов, 2000: 55]. Имидж в рекламе называют средством психологического воздействия и даже манипулирования сознанием потенциального покупателя (Н. Голядкин, О.А. Феофанов, А. Лебедев-Любимов). Важно, что в процессе конструирования имиджа особое место принадлежит речи, точнее, приемам речевого воздействия, в широком смысле – воздействию на индивидуальное или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами. Наиболее распространенным языковым инструментом, используемым для этих целей, является выбор слов и эквивалентных им сочетаний («Кругосвет». Энциклопедия). Так, создавая концептуальный план имиджа с целью вовлечения потребителя в рекламную ситуацию и убеждения в необходимости приобретения товаров или услуг, рекламисты апеллируют к прецедентным именам (ПИ).

Группа московских ученых (В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева) дают следующее определение ПИ: индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных. Например, *Великий Комбинатор*, *Супермен* (Superman), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная. Например, *Колумб*, *Орвилл и Уилбур Райт* (Orville and Wilbur Wright), 3) имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств. Например, *Екатерина Великая*, *Вандербильт* (Vanderbilt). ПИ относятся к индивидуальным именам, образуя особую группу внутри этого класса – статусом прецедентных обладают те имена, которые входят в когнитивную базу, т.е. «инвариантное представление

обозначаемого ими «культурного предмета» является общим для всех членов лингво-культурного сообщества» [Гудков, 2003: 146].

В любом акте рекламной коммуникации через речевое произведение актуализируется комплекс знаний об окружающем мире, а также наиболее существенные системы ценностей для данного общества, тот образ мыслей и стиль жизни, которые ценятся в настоящее время и являются отражением культуры (А.Г. Фомин, Л.А. Кочетова, Л.В. Минаева, А.Ю. Морозов, О.В. Тимашева). Антропологический подход к культуре предусматривает ее трактовку как «совокупность продуктов человеческой деятельности, мир вещей, противостоящий природе, искусственно созданный человеком» [Кармин, 2001: 7]. Такое понимание культуры согласуется с позицией Д.Б. Гудкова, который характеризует все ПФ и ПИ, в частности, как единицы, отражающие категории культуры, т.е. единицы, в наибольшей степени наделенные культурной информацией, отражающие ценностные ориентации ЛКС, поскольку именно они образуют «набор «героев» и «злодеев», предлагая первых в качестве примера для подражания, а поступки вторых – образца того, чего делать ни в коем случае нельзя» [Гудков, 2003: 123-124]. Таким образом, ученый выделяет два важных аспекта характеристики ПИ: с одной стороны, «пантеон» ПИ отражает ценностные ориентации ЛКС, с другой – формирует и определяет их, «влияя на модели социального поведения членов этого сообщества» [Гудков, 2003: 183]. Последнее объясняется тем, что представления, стоящие за ПИ, выступают как «эталонное воплощение» определенных качеств. Следствием включения ПИ в рекламный текст является «обогащение» значимости имиджа товара за счет дополнительной смысловой нагрузки, возникающей в результате актуализации определенных фоновых знаний потребителя и ассоциативных связей, которые обусловлены широкой известностью ПИ среди всех носителей данной культуры (Е.В. Медведева, О.А. Дмитриева).

Рассмотрим основные типы ПИ в российской и американской рекламе на основе корпуса экспериментального материала, составляющего 629 ПИ (312 русскоязычных, 317 англоязычных), отобранных из российских и американских СМИ последних лет. В ходе исследования четко обозначились 10 групп ПИ, представленные в *таблице 1*:

Таблица 1

N	<i>Американская реклама</i>	%	<i>Российская реклама</i>	%
	Группы ПИ		Группы ПИ	
1	Музыканты	24.3	Писатели, поэты	
2	Актеры, режиссеры	14.2	Деятели прошлого	15.4
3	Писатели, поэты	12.9	Актеры, режиссеры	14.4
4	Деятели прошлого	12.6	Литературные ге- рои	14.1
5	Выдающиеся совре- менники	8.2	Музыканты	12.5
6	Спорсмены	8.2	Музыканты	11.9
7	Спорсмены	4.7	Античные филосо- фы Живописцы	9.3
8	Живописцы	2.5	Выдающиеся со- временники	6.1
9	Киногерои	1.9	Киногерои	4.2
10	Литературные герои Античные философы	1.6	Спорсмены	2.2
				1.6

Как видно из таблицы, максимальное количество от общего числа обращений в российской рекламе приходится на группу ПИ, относящихся к литературе (27,9%). Сюда входят имена писателей и поэтов (15,4%), а также литературных героев (12,5%). В американской рекламе количество ПИ писателей и поэтов сопоставимо с соответствующей группой в российской рекламе (12,9%), но занимает лишь третью строчку после имен музыкантов, актеров и режиссеров, а количество имен литературных героев значительно меньше (1,9%). Общее число ПИ, связанных с литературой, составляет 14,8%.

В качестве основного критерия сопоставления ПИ принимается бинарная оппозиция «свой – чужие», поскольку она позволяет выявить национально-специфическое в рекламной коммуникации, проанализировать степень ориентации двух культур друг на друга и на другие культуры, рассмотреть их в соотношении «культур-доноров» и «культур-акцепторов» [Леонтович, 2003: 94]. В соответствии с этой оппозицией, каждая группа, представленная в таблице, условно разбивалась на три подгруппы: «русские», «американские», «другие», последняя подгруппа в ряде случаев дробилась еще на более мелкие по национальному признаку.

Легко увидеть, что количество употреблений ПИ, относящихся к той или иной группе, заметно отличаются, что свиде-

тельствует о существенной разнице в расстановке приоритетов в двух обществах, ведь рекламист, обращаясь к потенциальному потребителю, апеллирует к его ценностям. Ценности данного человека неотделимы от ценностей общества, к которому он принадлежит, а имидж имеет успех, «если не противоречит сложившейся системе ценностей» [Лебедев-Любимов, 2002: 125].

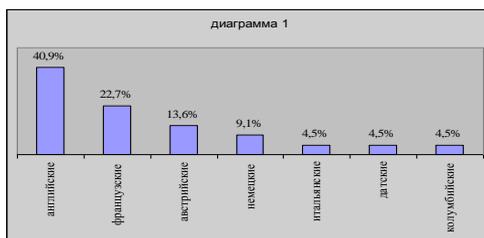
Литературное наследие, проявляющееся в рекламе через употребление имен писателей, поэтов и литературных героев для российских копирайтеров оказывается наиболее приоритетным. Это, на наш взгляд, доказывает существование такой характеристики русской культуры, которую Д.Б. Гудков обозначил как «литературоцентричность», подчеркивая особое положение художественных текстов и их авторов. Интересна следующая закономерность употребления ПИ: 42,5% составляют имена-символы, 57,5% - ПИ, связанные с широко известными текстами.

Количественное соотношение ПИ писателей и поэтов выглядит так: 37,5% от общего числа составляют ПИ русских авторов, 16,7% - американских, 45,8% - другие. Назовем **ПИ русских поэтов и писателей** в порядке уменьшения частотности употребления в рекламе: А.П. Чехов, Б. Пастернак, Ф.М. Достоевский, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, А.Н. Толстой, М.И. Цветаева, И. Бродский, О. Мандельштам, А. Беляев, И. Ильф, Е. Петров. Например, реклама школы танцев: *«Тысячу раз был прав А.П. Чехов: «В человеке все должно быть прекрасно». Сегодня пришло время танца. У нас в Челябинске появились школы танцев для взрослых...»* (Восьмой элемент, 2002, №3). Ресторан «Русская охота»: *«Как было у Пушкина: «Не скоро ели предки наши». Это вам не безвкусный фаст-фуд или новомодный суши-бар. Речь пойдет о настоящей русской кухне. Ресторан «Русская охота» вот уже шесть лет каждый день с часу дня и до часу ночи гостеприимно открывает двери своим гостям, поддерживая добрые традиции настоящей русской кухни»* (Стольник, 2003 декабрь-2004 январь). Отметим, что частотность употребления ПИ в рекламе далеко не всегда соотносится со степенью признания писателя в академическом литературоведении.

Показательны используемые в российской рекламе **ПИ американских поэтов и писателей**: Э. Хемингуэй, Д. Лондон, М. Твен, Р. Бах, В. Набоков. Примечательна реклама ювелирного салона: фотография с изображением бабочки, выложенной из украшений, сопровождается словами Р. Баха: *«То, что гусеница*

называет концом света, Учитель называет бабочкой» (Миссия, 2003, июнь). ПИ, относящиеся к иным национальным культурам, количественно представлены в диаграмме 1:

Среди английских писателей особо часто в рекламе используется имена О. Уайльда, У. Шекспира, Дж. Байрона, В. Скотта, А. Конан Дойла. Так, в рекламе дорогих сигар встречаем: «Оскар

Уайльд говорил, что сигара и «Таймс» - обязательное сочетание для безупречного джентльмена» (NZ, 2002, №4). Реклама очков начинается словами У. Шекспира: «Ничто не является хорошим или плохим. Все зависит от того, как мы смотрим на вещи» (Уральские авиалинии, 2003, №4). Французы в российской рекламе представлены именами О. де Бальзака, А. Дюма, Жорж Санд. Ограничимся одним примером. Рекламу образовательного центра по профессиональной подготовке и повышению квалификации предваряют следующие слова: «Известно, что пренебрежение к деньгам закрывает пути к благополучию и достатку. Справедливо заметил Бальзак: «Тот, кто ищет миллионы, весьма редко их находит, но зато, тот, кто не ищет, не находит никогда!» Не следует, конечно, обожествлять деньги. На них можно поглядывать свысока, но нельзя упускать их из виду...» (NZ, 2004, апрель).

Приведенные примеры иллюстрируют употребление имен-символов, заключающих в себе определенную совокупность качеств, которые расширяют семантическое наполнение ОРТ путем создания дополнительных ассоциаций со своей личностью. Иными словами, имидж известного писателя (или поэта) дополняет имидж товара или услуги, «передавая» ему часть закрепленных за собой положительных свойств. Характерно, что высказывания, сопровождающие ПИ, как правило, не являются прецедентными. Думается, вне зависимости от расположения в рекламном тексте, их основная роль сравнима с той, которая отводится эпиграфу – привлечь дополнительное внимание к тексту, пояснить основную идею от имени авторитетного лица. При этом российские рекламисты часто не склонны выражать мысль достаточно эксплицитно, т.е. в той мере, чтобы связь ме-

жду используемым ПИ и рекламируемым товаром или услугой стала прозрачной. Эта связь зашифрована в косвенной форме через высказывание, смысл которого зачастую носит философский характер. Так, в последнем примере ПИ Бальзак точнее представление о нем, обладает целым комплексом характеристик – выдающийся писатель, знаток «прозы жизни» французского общества, создатель галереи сильных, противоречивых характеров. Собственно представление об имени тесно взаимосвязано с высказыванием о миллионах. Семантически актуализируется следующая цепочка: - Бальзак, - авторитетное мнение, - материальное благополучие, - необходимость поиска, - цель, - учеба в образовательном центре, - материальная обеспеченность.

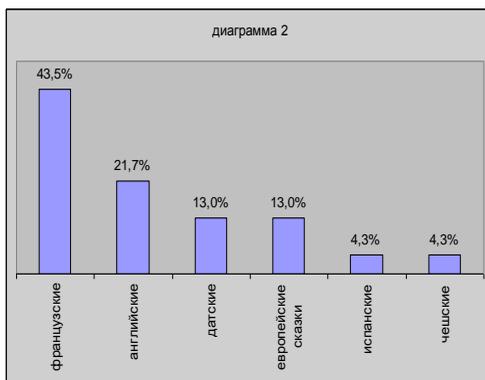
Приходится констатировать, что большинство литературных ПИ в российской рекламе составляют имена, связанные с текстами, как правило, являющимися прецедентными (57,5%). В эту группу входят имена литературных героев. Приведем примеры в соответствии с принятой оппозицией. **ПИ, связанные с текстами русских авторов** (35,9%): наиболее часто используемым в рекламе оказывается имя *Великого комбинатора Остапа Бендера*. Реклама одноименного ресторана: *«Дамы, господа, а также их товарищи! Поход в гости – самый приятный подарок, особенно если вы идете в гости к Великому комбинатору. Кухня О’Бендера может четырьмястами абсолютно съестными способами доставить радость гостям ресторана»* (Я покупаю, 2003, февраль). Другой пример с характерным названием – Общепит «Золотой теленок»: *«Заседание продолжается!!! Господа! Командует парадом Великий комбинатор. В его руках еда – искусство, доведенное до совершенства. Для любителей изысканной кухни, спокойной обстановки наши двери открыты ежедневно с 11:00 до 23:00»* (Выбирай, 15-30.09.2003). Среди других ПИ, активно используемых в рекламе можно выделить следующие: Баба Яга, Царевна-лягушка, Иван-дурак. Клиника доктора Савинкова: *«...согласитесь, если у дамы нос, как у Бабы Яги, а верхние веки нависают так, что и глаз не видно, то как бы она ни была талантлива и умна, окружающие не замечают ее достоинств. Зачем выглядит неэстетично, если современная пластическая хирургия может исправить практически любой физический недостаток?»* (Ва-банк, 21.03.2003).

Единично представлена в российской рекламе группа **ПИ,**

связанных с текстами американских авторов (5,1%). Гипермаркет «Сезам»: *«Я вновь поступаю, как истинная Скарлетт О'Хара: в последний момент задумываюсь о том, что приготовить для сегодняшнего ужина с любимым человеком. Неужели нельзя позаботиться об этом вчера? Гипермаркет «Сезам» - полезные покупки, хорошее настроение»* (NZ, 2002, №4).

Наиболее многочисленной в этой категории является группа **другие** (59%), объединяющая имена героев произведений французских, английских, датских, испанских, чешских авторов,

а также героев европейских сказок (диаграмма 2). Излюбленными героями российских рекламистов являются герои А. Дюма и европейских сказок. Реклама ресторана: *«Дамы и господа! Граф де ля Фер приглашает посетить свои владения – знаменитый ресторан в*

Металлургическом районе «Замок Атоса». В нашем замке вы отведаете от шеф-повара классические блюда Франции, России, настоящий шашлык из свинины от Портоса и нежный шашлык из лосося от Драмиса. Широкая карта вин позволит выбрать вино, достойное вашего вкуса» (Выбирай, 2003, №7). В рекламе женской обуви читаем: *«Хрустальные башмачки для своей Золушки следует поискать на втором этаже первой линии... Пара изящных туфельек будет стоить принцу примерно 2800 рублей»* (Вещь, 2001, №2). Реже встречающиеся имена Ш. Холмс, Б. Бонс, Винни-Пух, М. Поппинс, Дон Кихот, Ромео и Джульетта, Снежная королева.

Анализ ПИ, связанных с известными текстами, выявляет интересную закономерность их использования: чаще всего они проявляют себя в составе тропов или как члены сравнения, что обуславливает высокую эмоциональную насыщенность рекламных сообщений. В соответствии с понятием, разработанным Э. Холлом, а также с тем подходом к культуре, который взят за основу в настоящей работе, можно утверждать, что российская реклама репрезентирует черты скорее высококонтекстной, чем

низкоконтекстной культуры (хотя, характеристики последней также присутствуют). Если основная часть информации закодирована в сообщениях на эксплицитном уровне, то культура считается низкоконтекстной. В высококонтекстных культурах большая часть информации существует на уровне внутреннего или внешнего контекста. В качестве внутреннего контекста выступает «вся совокупность пресуппозиций и фоновых знаний, ценностные установки, культурная идентичность и индивидуальные особенности языковой личности» [Леонтович, 2003: 35]. В понятие внешнего контекста входят место (локальный контекст), время (хронологический контекст), сфера и условия общения, определяющие его характер. Выделяют такие признаки высококонтекстных культур, как «традиционность, устойчивость, эмоциональность и несклонность к переменам, в то время как низкоконтекстные культуры ассоциируются с динамизмом и высоким уровнем технологического развития» [Леонтович, 2003: 37].

Следует отметить, что если в российской рекламе преобладают ПИ, связанные с известными текстами (57,5%), то в американской рекламе наблюдается иная картина. Начнем с ПИ-символов, которые составляют 76,6% от общего числа ПИ, имеющих отношение к литературе. При этом ПИ американских писателей и поэтов составляют абсолютное большинство (51,2%), русские – единично представлены (7,3%), группа «другие» (41,5%) включает имена английских (59%), французских (35%), чешских писателей (6%).

Чаще всего в рекламе используются следующие **ПИ американских писателей**: Т. Уильямс (T. Williams), Г. Мелвилл (H. Melville), Г. Стайн (G. Stein), М. Твен (M. Twain), П. Бенчли (P. Benchley), Г. Адамс (H. Adams), Дж. Л. Бёрк (J.L. Burke), У. Перси (W. Percy), К. Блай (C. Bly) и др. В рекламе отеля читаем: “*Formerly the US Customs House, where Herman Melville once worked, the Regent Wall Street is one of the newer luxury hotels in NY*” (Некогда таможня США, где однажды работал Герман Мелвилл, теперь Риджент Уолл Стрит один из роскошных отелей Нью-Йорка) (USA Today, 27.09.2003). Другой пример – в рекламе антидепрессанта: “*Mark Twain knew how easy it is to give up smoking: he did it a thousand times. An estimated \$100 million will be spent this year by British smokers –on medical alone – determined to prove Twain wrong. Physical withdrawal symptoms are best treated with a trip to the pharmacy for nicotine replacement substitutes in the form of gum, patches, inhalers...For many, the best approach may*

be Zyban, a prescription-only antidepressant that counteracts nicotine withdrawal” (Марк Твен знал, как легко бросить курить: он делал это тысячу раз. Предположительно, 100 млн. долларов потратят в этом году британские курильщики – только на медицину – в полной решимости доказать неправоту Твена...Верное средство лечения абстинентного синдрома – приобретение в аптеке заменителей никотина в форме жвачки, пластыря, ингаляторов.... Для многих лучшим средством может стать «Зибан», продающийся только по рецепту антидепрессант, который нейтрализует никотиновую абстиненцию» (Time, 13.01.2003).

Львиную долю от общего числа ПИ в группе «**другие**» составляют имена английских писателей: Дж. Чосер (G. Chaucer), В. Шекспир (W. Shakespeare), Ч. Диккенс (Ch. Dickens), Р. Браунинг (R. Browning), Дж. Оруэлл (G. Orwell), О. Хаксли (A. Huxley), С. Моэм (S. Maugham), Дж. Фаулз (J. Fowles). В рекламе автомобиля Lexus читаем: “*Andalucia...Centuries ago this stunning Mediterranean region also gave birth to the world’s greatest aperitif: sherry was already popular in the late 14th century, when Geoffrey Chaucer wrote about it in “The Canterbury Tales”. Today it’s still possible to take in the vistas Chaucer’s contemporaries would have seen – but in far greater comfort than they could’ve dreamed of. With the sleeky sophisticated Lexus SC 430 as our vehicle, we begin our journey...*” (Андалусия.... Несколько столетий назад этот великолепный средиземноморский край дал миру отличнейший аперитив: херес уже пользовался популярностью в конце 14 века, когда Джеффри Чосер написал о нем в «Кентерберийских рассказах». Сегодня все еще можно полюбоваться местами чосеровских современников, но с гораздо большим комфортом, чем тот, о котором они могли мечтать. Мы начинаем свое путешествие на изысканном глянцевоом Лексусе SC 430) (Newsweek, 16.09-23.09.2002).

Апелляция к ПИ англо-саксонской культуры вполне объяснима в американской рекламе. Думается, это связано с тем, что между американцами и британцами на протяжении веков существовала тесная связь, зародившаяся в начале 17 века, когда британские поселенцы прибыли в Северную Америку и привезли с собой язык и систему ценностей.

Среди французских авторов в американской рекламе чаще других встречаются такие имена, как О. де Бальзак (H. de Balzac), А. Дюма (A. Dumas), Стендаль (Stendal). Можно говорить о том, что **ПИ русских писателей и поэтов** практически не ис-

пользуются в американской рекламе. Исключительным примером стало имя А.С. Пушкина (A. Pushkin) в рекламе часов "Breguet": "A dandy on the boulevards (...) strolling at leisure until his Breguet, ever vigilant, reminds him it is midday". Alexander Pushkin, "Eugene Onegin", 1829 " (Newsweek, 1.12.2003). В оригинале у автора: «Онегин едет на бульвар

И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брежет
Не прозвонит ему обед».

Пушкин употребляется здесь как имя-символ. Очевидным становится механизм воздействия РТ: в шедевре мировой литературы, созданном в 1829 году русским поэтом, фигурирует название марки часов Breguet". Марка ассоциируется с вековыми традициями, надежностью и качеством, проверенным временем.

Наглядно видно, что абсолютное большинство ПИ в американской рекламе составляют имена представителей «своей» культуры. Думается, такая особенность закономерна в силу существования мнения о том, что американская культура зиждется на понятии индивидуализма (О.А. Леонтович, И.А. Стернин, М.А. Стернина). Отсюда – отсутствие интереса к культурам других стран: "Americans are non inquisitive, they are usually not interested in the life of foreign countries; their interests cover exclusively their home country and state" [Sternina, Sternin, 2003: 67].

В ряде случаев можно выделить ПИ, связанные с известными текстами. Эта группа является довольно малочисленной (23,4%). Например, в рекламе консалтинговых услуг корпорации IBM наряду с употреблением имени-символа находим имя, связанное с известным текстом: "You may remember the 1853 Her-
man Melville story about a clerk named Bartleby. One day he simply refused to do what was asked of him. "I would prefer not to", he replied to that request and all subsequent ones – thereby confounding his boss and alienating his co-workers...Don't let your Bobs turn into Bartlebys.... IBM provides real insight into corporate transformation, coupled with deep experience in every industry and the ability to implement change" (Вы, возможно, помните рассказ Германа Мелвилла 1853 года о клерке по имени Бартлби. Однажды он просто отказался делать то, что от него требовалось. «Я не стану», - ответил он на эту и все последующие просьбы, чем привел в замешательство своего начальника и оттолкнул от себя коллег. Не дайте вашим Бобам превратиться в Бартлби. Имея солидный опыт работы во многих отраслях промышленности и умение

проводить реструктуризацию, IBM обеспечивает понимание необходимости корпоративных преобразований) (Time, 9.02.2004). Через имя автора, в настоящем примере, актуализируется другое ПИ – мелкого клерка *Бартлби*, героя известного рассказа середины XIX века (“Bartleby, the Scrivener”). Использование имени этого трагикомического персонажа в рекламе делает акцент на некотором ограниченном наборе присущих ему характеристик. Так, *Бартлби* ассоциируется, главным образом, с удручающей пассивностью и непринятием перемен, т.е. качествами, которые способны создать серьезные проблемы процветающему бизнесу. Обращение к имени *Бартлби* придает рекламному тексту повышенную экспрессивность, которая, по признанию В.Н. Телия, «непосредственным образом связана с аксиологическим отношением» [Телия, 86: 22], иными словами, с оценкой. Оценка оказывается связанной с неким, эталоном, который является «крайней точкой» на шкале оценки [Гудков, 2003: 157]. Понятно, что в анализируемом примере «крайней точкой» с отрицательным знаком является пассивность прошлого, противоположной – активность настоящего и устремленность в будущее, связанные с корпорацией IBM. Среди других ПИ, связанных с текстами американских авторов, можно отметить следующие: *Seven Dwarves* (Семь гномов), *Superman* (Супермен), *Carry* (Кэрри Брэдшоу).

ПИ, связанные с текстами русских писателей, в американской рекламе не обнаружены. В группе **другие** можно выделить имя сказочного персонажа Вини-Пуха: “*Winnie the Pooh always knows that the sweetest treat around is the nearest jar of honey. Now this fun-loving twosome comes to your table in The Pooh and Tigger Salt and Pepper Set*” (Вини-Пух знает, что самое сладкое удовольствие – банка с медом. Сегодня парочка любителей удовольствия приходит на ваш стол в виде набора для соли и перца «Пух и Тигренок»)(Shop Wise, 19.01.2003).

Основываясь на проведенном анализе, можно заключить, что апелляция к ПИ, связанных с литературой, как в российской, так и в американской рекламе представляет собой национально-детерминированный прием, способствующий приданию товару или услуге дополнительных психологических ценностей, а также увеличению значимости его имиджа.

Анализируя российские РТ, легко увидеть, что российская культура, с одной стороны, имеет «свои» ориентиры, с другой, - является «акцептором» по отношению к евроамериканской куль-

туре, поскольку в значительной степени подвержена ее влиянию. При этом очевидно, что европейское влияние является более мощным, чем американское, и проявляется в рекламе через апелляцию к именам европейских писателей и литературных героев. Представляется, что в сознании россиян Запад ассоциируется с успехом, благополучием и процветанием.

Отличительной особенностью российских РТ является наибольшее количество обращений к ПИ, связанным с широко известными произведениями. Это, как правило, имена полубившихся героев, национально-детерминированное минимизированное представление о которых является достоянием КБ. При этом ПИ такого типа чаще всего проявляют себя в составе тропов или как члены сравнения, что придает РТ дополнительный эмоциональный заряд. «Весомость» рекламируемому товару или услуги добавляет имидж известного писателя или поэта, чье имя включено в рекламный текст и, как правило, семантически связано с высказыванием, не являющимся прецедентным, а служащим целям косвенного обоснования преимуществ товара или услуги. Такой способ представления информации репрезентирует черты высоконтекстной культуры.

Показательно, что в американской рекламе абсолютное большинство ПИ – представители «своей» культуры. В связи с этим можно говорить о самодостаточности как одной из характерных черт американской культуры и ее проявлении в рекламе посредством ориентации на национальные авторитеты.

В американской рекламе более частотны случаи употребления имен-символов. Обращение к ним в американских РТ носит более формализованный характер, чем в российских, о чем свидетельствуют часто вводимые ссылки, констатирующие факты биографического характера. Американцы ориентированы на действие, поэтому стимулом действия может стать другое действие, осуществляемое авторитетным лицом, представление о котором заключает набор позитивных качеств. По-видимому, именно ориентированность на подобного рода информацию обуславливает незначительный процент ПИ, связанных с широко известными произведениями, которые, в случае наличия, придают РТ повышенную эмоциональность. Такие характеристики американской рекламы являются проявлениями низкоконтекстной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуника-

ции.- М.: ИТДГК «Гнозис», 2003

2. Дмитриева О.А. Механизм восприятия прецедентного текста//Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: Сб. науч. тр.- Волгоград: Перемена, 1999, с. 43-46

3. Кармин А.С. Культурология.- СПб.: Издательство «Лань», 2001

4. «Кругосвет». Энциклопедия. www.krugosvet.ru

5. Лебедев-Любимов А. Психология рекламы.- СПб.: Питер, 2002

6. Леонтович О.А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: Учеб. Пособие.- Волгоград: Перемена, 2003

7. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация.- М.: Едиториал УРСС, 2003

8. Минаева Л.В., Морозов А.Ю. Роль речевой коммуникации в создании имиджа// Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2000, №1, с. 55-72

9. Сычев О.А. Филологический анализ американской рекламы//Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации.- М.: Наука, 1990

10. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц.- М.: «Наука», 1986

11. Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика.- СПб: Питер, 2003

12. Фомин А.Г. К определению понятия «текст», «рекламный текст»//Вопросы филологии, методики преподавания иностранных языков и страноведения.- Великий Новгород, 1999, с.49-57

13. Sternina M., Sternin I. Russian and American Communicative Behavior. Voronezh: Istoki Publishing, 2003

© Кушнерук С.Л., 2004

Макарова В.

О МЕТАФОРИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СКАНДАЛА В ЛИТОВСКИХ МАСС-МЕДИА

Целью статьи является обнажение тех механизмов, которые лежат в основе развития такого сложного лингвокультурного феномена, как политический скандал.

Скандал является сложным образованием, т. к. объединяет несколько дискурсов: политический, художественный и бытовой [Кочкин, 2003: 1]. Соответственно, сложна жанровая структура политического скандала: к жанрам, в которых пишут о скандале, относятся как информационное сообщение и политический ком-

ментарий, так и интервью, публичное выступление, разговоры о политике и слухи, политические карикатуры, анекдот, пародия, эпиграмма, поэтические фольклорные жанры [Кочкин, 2003: 5]. Наше внимание было сосредоточено на анализе текстов, написанных в центральных для политического скандала жанрах: информационных сообщений и политических комментариев.

В работе принято данное волгоградским исследователем Михаилом Кочкиным определение политического скандала: «*получившее многократную... разножанровую реализацию публичное конфликтное общение вокруг события, нарушающего этические нормы, и влияющее на политическую ситуацию*» [Кочкин, 2003: 7].

Существуют различные пути лингвистического анализа скандала [Шейгал, 2000: 298–299]: с точки зрения речевых стратегий и тактик, риторических фигур и стилистических приемов, анализ генезиса скандала. Целью данной статьи является анализ политического скандала с точки зрения техник политического манипулирования.

Как показывают исследования последнего десятилетия, мощным средством воздействия на общество в современном политическом дискурсе стала метафора. Например, известная работа Джорджа Лакоффа «Метафора и война», опубликованная 13 лет назад (Lakoff, In Internet), показывает, что непонимание между арабским и американским мирами во время войны в Персидском заливе можно объяснить действием различных метафор, лежащих в основе производства текстов, освещавших ход военных действий. В дальнейшем многие лингвисты стали исследовать метафорическое моделирование различных политических событий. Например, А. П. Чудинов [Чудинов, 2003] писал о том, что бомбардировки Югославии в 1999 году соответствовали представленной Дж. Лакоффом схеме *Злодей – Жертва – Доблестный спаситель*. Разница в применении одной и той же метафорической схемы заключается в том, что в американском дискурсе Злодеями представлялись сербы, а Невинной жертвой – албанцы. В российском дискурсе все представлялось наоборот: албанцы выступали Злодеями, а Невинной жертвой, соответственно, сербы. Кроме того, отмечает А. П. Чудинов, как и в случае оправдания или осуждения боевых действий в Персидском заливе, в американском и российском дискурсах использовались различные метафоры. В российских масс-медиа использовалась метафора родства, *Русские и сербы – братья*,

а в американских – метафора болезни: *Югославия – больной организм* [Чудинов, 2003: 94]. А так как мы мыслим в разных терминах, то и ведем себя в соответствии со своей понятийной системой.

Анализ метафорического описания политического скандала так же, на наш взгляд, позволил бы выявить базовые метафоры, лежащие в основе порождения текстов о скандале. Это, в свою очередь, могло бы объяснить феномен скандала: в каких терминах он осмысливается и как влияет на общественное мнение.

Рабочей гипотезой служила мысль, что в освещении такого важного общественно-политического события, как скандал, используются традиционные в политическом дискурсе многих стран метафоры войны, театра и спорта. Установление того, в какой мере используется та или иная метафора, позволило бы выявить этнокультурную специфику политического скандала.

Предмет анализа составляет так называемый «президентский» скандал, развернувшийся в Литве с октября 2003 г. по апрель 2004 г. История скандала началась с появления 21 октября 2003 г. справки Департамента госбезопасности Литвы «О негативных тенденциях, создающих угрозу национальной безопасности государства». Указанные негативные тенденции заключались, во-первых, в агрессивном проникновении крупного российского капитала в электроэнергетический, газовый, нефтяной, транспортный секторы Литвы. Во-вторых, в контактах преступных структур с высшими эшелонами власти Литвы. И, в-третьих, в использовании Литвы в качестве третьей страны для незаконной торговли и финансовых операций в целях поддержки международного терроризма. Следующим этапом развития событий стало образование двух комиссий, в результате работы которых президент Литвы Роландас Паксас был обвинен по трем пунктам: незаконное предоставление гражданства Ю. Борисову; предупреждение Ю. Борисова о внимании литовских спецслужб к его деятельности и прослушивании его телефона. Заключительным пунктом обвинения являлось злоупотребление служебным положением для реализации имущественных интересов близких президенту лиц. 7 апреля 2004 г. Роландас Паксас был отстранен от должности президента.

Материалом для анализа послужили информационные сообщения и политические комментарии в центральных газетах Литвы «Летувос ритас» (рус. *Утро Литвы*) и «Республика» с января по апрель 2004 года. Тексты из газеты «Летувос ритас»

приводятся в статье в нашем переводе на русский язык, примеры из «Республики» цитируются из русской варианта этой газеты.

Основные метафорические модели понятия скандал представлены нам самим языком, как русским, так и литовским, что проявляется в узуальной метафорической сочетаемости имени «скандал». Анализ лексической сочетаемости лексемы «скандал» в анализируемых текстах литовском и русском языках показывает, что в обеих культурах скандал:

- 1) обладает временной протяженностью: он *начинается, возникает, продолжается, заканчивается*;
- 2) уподобляется жидкой субстанции, например, *болоту*, скандал затягивает людей в *омуты*, в нем можно *утонуть*;
- 3) как транспортный механизм, набирает *разбег*, ему *дают зеленый свет* и раскручивают его *маховики*.

В отличие от перечисленных выше «природных» характеристик скандала, последняя, «механическая», выявляет искусственное происхождение скандала: механизм кто-то создает, запускает и управляет им. Следовательно, уподобляя скандал механизму, мы мыслим о нем, скандале, как об управляемом кем-то явлении.

Отличительной чертой текстов о литовском политическом скандале является следующее наблюдение. В русском языке скандал может представляться грязным месивом, т.к. мы говорим «грязный скандал», «погрязнуть в скандале». В текстах о «президентском» скандале тоже представлена оппозиция *чистое – грязное*. Однако в текстах на литовском языке («Летувос ритас») и на русском языке («Республика»), скандал представляется не грязью, а очищающим средством: *Я надеюсь, обвинительный процесс поможет Литве очиститься; Станет ли это настоящим очищением? Иногда в хаосе рождаются правда и истинное очищение*.

В приведенной выше дефиниции скандала было сказано, что это «публичное конфликтное общение вокруг события». Можно сказать, что событие представляет собой сюжет, в котором завязкой служит публичное обвинение, а обвинитель и обвиняемый могут выступать в различных ролях, т.е. структура скандала уподобляется драматическому действию. Именно при описании развития сюжета скандала манипулятивные тактики создателей текстов могут варьироваться.

Так, например, в литовском «президентском» скандале в по-

рождении текстов участвовала педагогическая метафора: *Скандал – это серьезный экзамен для наших государственных институтов, политиков, общества. Едва ли сегодня можно однозначно утверждать, что мы его сдаем безупречно. Это испытания для экзаменующихся и для экзаменаторов. На вопрос, на предмет чего проверяются знания, ответ есть: это экзамен по демократии.* Если принять метафору СКАНДАЛ – ЭТО ЭКЗАМЕН, то каковы следствия из нее, кроме того, что экзамен по демократии сдает вся Литва? Следствия эти, вероятно, будут таковы. Экзамен – не самое приятное, но необходимое событие в жизни учащихся. Экзамен можно отложить, но не советуется отменять, ибо это может сказаться на будущей карьере. Несмотря на то, что процесс сдачи экзамена представляется испытанием, на самом экзамене стороны чаще всего настроены на сотрудничество и не на агональное общение. Экзаменаторы лучше знают данную дисциплину, а компетентность экзаменуемого в этом вопросе покажет результат экзамена. Кто же является экзаменатором, не раскрывается. Очевидно, в этом заключается неясность мышления, открывающая лазейку для демагогии.

В противоположность педагогической метафоре скандал, описываемый в терминах войны, невозможно себе представить как сотрудничество двух сторон. А в описании «президентского» скандала большее число примеров относится к следствиям из метафоры СКАНДАЛ – ЭТО ВОЙНА. Журналисты задаются вопросом, что представится нашему взору *после битвы*, сообщают о положении дел *на антипаксовском фронте*, о *раскладе сил в Сейме*, о том, что *президент объявил тотальную войну, вступил в открытый бой с госбезопасностью*, отмечают *неожиданную осечку в борьбе парламента с президентом*. Оппоненты, именуемые *противниками*, продумывают *стратегии и тактику*, образуют *лагеря* и строят *баррикады*. Действия оппонентов называются *ударом и ответным ударом, атакой и контратакой*. Целью скандала является *уничтожение противника*. Каким же способом ведется уничтожение противника? В анализируемых текстах встречается множество глаголов, обозначающих борьбу с противником не на расстоянии, а в непосредственной близости: *обвиняемого, президента, метафорически бьют, вешают, лупят, пинают, отбивают ему легкие*. Упомянуется также наличие *оружия*, из всех возможных его видов используется только один: *мины*. Имплицитно в текстах

предполагается использование и огнестрельного оружия: воюющие стороны намечают *мишени* и *берут на прицел*, а оружие иногда *дает осечку*. В день, когда стало известно, что президента уже можно называть экс-президентом, один из газетных заголовков гласил: *Президент отстранен, другие мишени намечены, а победители ловят предателей*.

Милитаристская лексика использовалась на протяжении всего периода развития скандала. И это закономерно, так как метафора войны имеет значительный вес в политическом дискурсе многих стран. Как пишет Елена Шейгал, «фактором «милитаризованности» политического дискурса является сущностная агональность его объекта отражения, поскольку суть политики – борьба за власть» [Шейгал, 2000: 305].

Несомненно, одним из следствий любой ожесточенной борьбы является смерть. Но примеры, провозглашающие моральную смерть одного из противников, думается, позволяют выделить самостоятельную метафорическую модель ОБВИНЯЕМЫЙ – СМЕРТЕЛЬНО БОЛЬНОЙ. Из газеты в газету перекочевывало выражение *еще один гвоздь в гроб обвинения*. Так называли аргументы, подкрепляющие обоснованность выдвинутого президенту обвинения. О возможной победе Роландаса Паксаса на новых президентских выборах писали, как о чуде и *восстании из мертвых*.

В отношении роли Обвиняемого установлена еще одна метафорическая модель: ОБВИНЯЕМЫЙ – ИГРОК. Один из заголовков на первой странице гласил: *Р. Паксас предложил новую игру: прятки*. Использовалась также лексика азартных игр, например, обвиняемый сыграл *жемайтийской картой* (имеется в виду то, как во время выборов Роландас Паксас апеллировал к своему происхождению). Президента характеризовали как человека, для которого *главное – победить в игре*; он не управляет государством, а играет *во власть*, а также заставляет членов комиссии *ввязаться в игру*, ведь *игроки никогда не упускают случая*.

Специфика литовского «президентского» скандала может ярче проявиться, если сравнить результат анализа с данными других исследователей. М. Кочкин [Кочкин, 2003] исследовал метафоры англо-американского и российского политических скандалов и пришел к выводу, что треть их составляют метафоры войны, чуть меньше трети – метафоры различных неблагоприятных природных явлений, по одной десятой приходится на

метафоры театра и механизмов.

В литовском «президентском» скандале удельный вес метафоры войны гораздо выше: около половины примеров метафор составляет военная метафора. Метафоры природных явлений не столь частотны, вообще не используется метафора театра (за исключением одного примера театральной лексики – слова «сценарий»). В отличие от англо-американского и российского дискурсов в порождении текстов о скандале участвовала педагогическая метафора.

Итак, в литовском скандале идея зрелищности не воплотилась. Литовские политики не взаимозаменяемы как актеры, они покидают поле боя без надежды, что их реплики по сценарию скажет дублер. И вместе со всем народом Литвы политики в течение развития скандала сдавали экзамен анонимному экзаменатору.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lakoff G., *Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf*. In http://lists.village.virginia.edu/sixties/HTML_docs/Texts/Scholarly/Lakoff_Gulf_Metaphor_1.html

2. Кочкин М. Ю. Политический скандал как лингвокультурный феномен. Автореферат на соискание уч. степ. канд. фил. наук. Волгоград, 2003.

3. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2003.

4. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва – Волгоград, 2000.

© Макарова В., 2004

Нахимова Е.А.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА КАК МЕНТАЛЬНОЕ ПОЛЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современной теории интертекстуальности важную роль играет разграничение прецедентных имен, высказываний, текстов и ситуаций [Д.Б.Гудков, И.В.Захаренко, В.В.Красных и Д.В.Багаева, 1997]. В соответствии с указанной теорией прецедентное имя понимается как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило относящимся к прецедентным (например, *Печорин*, *Теркин*), или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин*); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляет-

ся апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного (например, *Ломоносов*) или более элементов (например, *Куликово поле*, *Летучий голландец*), обозначая при этом одно понятие» [В.В.Красных, 2002: 48].

Одним из перспективных направлений в исследовании прецедентных имен представляется изучение ведущих сфер-источников прецедентности, что важно для определения того круга фоновых знаний, который необходим читателю для правильного и полного понимания соответствующих текстов. При исследовании художественных текстов традиционно различали две таких сферы – литературную и внелитературную. Так, О.С.Ахманова и И.В.Гюббенет (1977), используя несколько иную терминологию, дифференцируют два вида вертикального контекста: филологический и социально-исторический.

Более детализированный подход представлен в статье А.Е.Супруна, который (опять же используя иную терминологию) выделил в качестве источников текстовых реминисценций более широкий круг исходных сфер, среди которых:

- Библия.
- Античная мифология.
- Отечественный фольклор.
- Русская и зарубежная литература.
- Популярные песни.
- Политические тексты [А.Е.Супрун, 1995: 25-27].

Отметим, что А.Е. Супрун в отличие от других исследователей находит место в своей классификации для политических и религиозных источников, а также сферы популярной культуры.

В статье Е.Г.Ростовой (1993) основным критерием для классификации становится отечественное или зарубежное происхождение прецедентного источника и соответственно выделяются следующие классы:

1) Тексты, возникшие на русской культурной почве: фольклорные произведения, авторские тексты, анекдоты, лозунги и т.п.

2) Инокультурные и иноязычные знаменитые тексты, переведенные на русский язык, а также тексты на иностранных языках.

3) Русские тексты, возникшие на основе иностранных. Подобные тексты являются следствием «диалога культур», в процессе которого иноязычный текст не просто переводится, а ин-

терпретируется и даже пересоздается на новой языковой и культурной почве.

4) Фольклорные и авторские тексты, возникшие на основе международных «бродячих сюжетов (прежде всего это фольклорные тексты). [Е.Г.Ростова, 1993].

Е.А. Земская (1996) исследовала цитаты в газетных заголовках и выделила следующие разновидности прецедентных источники:

- 1) Стихотворные строки.
- 2) Прозаические цитаты.
- 3) Строки из известных песен.
- 4) Названия художественных произведений.
- 5) Названия отечественных и зарубежных кинофильмов.
- 6) Пословицы, поговорки и крылатые выражения

[Е.А.Земская, 1996: 159 – 167]

В этой классификации в отличие от других основанием для рубрикации служит прозаический или поэтический, фольклорный или авторский характер источника, а также вид и род искусства.

Похожие принципы использованы в исследовании Р.Л.Смулаковской (2004, с.114), которая исследовала прецедентные феномены в современной прессе и выделила следующие сферы-источники:

1. Литературные произведения.
2. Популярная музыка.
3. Кинофильмы.
4. Паремно-фразеологический фонд.
5. Клише советского политического дискурса.

Значительно более широкий подход обнаруживается в монографии Ю.Н.Караулова (1987, с.216-287), автор которой учитывает не только словесные тексты, но и названия музыкальных произведений, произведений архитектуры и живописи, обозначения исторических событий и эпох, имена людей, получивших широкую известность в различных сферах деятельности.

Существуют и другие классификации сфер-источников для прецедентных феноменов, используемых в политической коммуникации. Так, в диссертации М.А.Соловьевой (2004) прецедентные антропонимы в произведениях английской писательницы А.Мердок подразделяются по следующим основаниям:

1) реальные аллюзивные антропонимы (соотносимые с вертикальным социально-историческим контекстом в концепции

О.С.Ахмановой и И.В.Гюббенет);

2) авторские аллюзивные антропонимы (соотносимые с вертикальным литературным контекстом в концепции О.С.Ахмановой и И.В.Гюббенет). Эта группа включает следующие подгруппы:

- а) аллюзивные антропонимы с конкретным автором;
- б) аллюзивные антропонимы с коллективным автором:
  - мифологические аллюзии;
  - библейские аллюзии;
  - фольклор различных народов (мировой);
  - английский фольклор.

В монографии Г.Г.Слышкина (2000), изучавшего смеховые произведения современной русской культуры, предложена классификация, которая основана на жанровых признаках и учитывает некоторые иные свойства источников. Автор выделяет следующие группы:

1. Политические плакаты, лозунги и афоризмы.
2. Произведения классиков марксизма-ленинизма.
3. Исторические афоризмы.
4. Классические и близкие к классическим произведения русской и зарубежной литературы, включая Библию.
5. Сказки и детские стихи.
6. Рекламные тексты.
7. Анекдоты.
8. Пословицы, загадки, считалки.
9. Советские песни.
10. Зарубежные песни.

В статье М.А.Алексеевко (2003) подчеркивается разнообразие источников текстовых реминисценций, среди которых все более заметную роль играют высказывания политических лидеров: *Процесс пошел* (М.С.Горбачев), *Хотели как лучше, а получилось как всегда* (В.С.Черномырдин), *Мочить террористов в сортире* (В.В.Путин), *Жить стало лучше, жить стало веселее* (И.В.Сталин) и др.

При изучении подобных классификаций следует учитывать, что принципы и особенно конкретные рубрики классификаций в значительной степени зависят от материала, лежащего в основе исследования (литература, фольклор, политические тексты, бытовая сфера и др.). Отметим также, что при выделении тех или иных рубрик большинство авторов ориентируются не на строгие каноны логической классификации, а на использование самых

разнообразных оснований (фольклорные и авторские, отечественные и зарубежные, прозаические и поэтические, классические и популярные, политические и художественные тексты) для выделения наиболее частотных групп.

Изучение сфер-источников прецедентных имен может предоставить интересный материал для оценки эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора. В нашем исследовании прецедентных имен, используемых в высказываниях политических лидеров современной России, будет использоваться следующая классификация.

1. Социальная субсфера, включающая такие сферы, как политика, экономика, образование, религия, развлечения, медицина, война, криминал, спорт.

2. Субсфера искусств, включающая такие сферы, как литература, театр, изобразительные искусства, музыка, архитектура, мифология и фольклор.

3. Субсфера науки, включающая, в частности, следующие сферы: физика, математика, биология, химия, история, география, филология.

Представленный список при необходимости может быть продолжен и уточнен, поскольку это не исчерпывающее описание, а своего рода демонстрация принципов классификации. При необходимости классификацию можно сделать многомерной, то есть учесть и иные критерии. Специальные наблюдения показывают, что прецедентные феномены, восходящие к одной сфере-источнику образуют своеобразное **поле прецедентных феноменов**, элементы которого (сценарии, фреймы, слоты, концепты и др.) могут находиться между собой в разнообразных отношениях.

Рассматривая типы системных отношений внутри прецедентных полей, следует выделить, во-первых, отношения между различными типами указанных единиц (между прецедентными текстами, высказываниями, именами и ситуациями), во-вторых, отношения между фреймами и слотами указанных полей, а в-третьих, взаимосвязи внутри каждого фрейма и слота. В составе указанных полей нередко отчетливо выделяются центр, ядро, приядерная зона, ближняя и дальняя периферия. В состав полей прецедентных феноменов входят самые разнообразные по форме единицы (слова различных грамматических разрядов, имена собственные и нарицательные, лексические и фразеоло-

гические единицы, прецедентные феномены могут иметь форму самых разнообразных синтаксических единиц и конструкций).

При конкретном анализе прежде всего выявляется относительно узкий круг прецедентных полей, которые находят применение в отечественной политической коммуникации. С другой стороны, использование некоторых прецедентных полей в качестве источников совершенно нехарактерно для российского политического дискурса. Например, удивительно редко встречаются в политических текстах прецедентные имена из ментальной субсферы «Наука»: наших политиков в этом смысле не привлекают ни гуманитарные, ни естественные области знаний.

Наибольшее место в фонде прецедентных имен, используемых политическими лидерами современной России, занимает социальная субсфера, а особенно сфера политики. Например, нетрудно заметить, что очень частотны в функции источника имена широко известных глав государств, а также других знаменитых людей. Показательно, что многие политические лидеры, обращаясь к прецедентным именам из былых эпох, стремятся осмыслить личность действующего президента России. Ср.:

*Русское сердце бьется в тайной надежде – вот он выстрадавший лидер России, новый **Иосиф Сталин**, до времени скрывавшийся в тайниках еврейской власти и вышедший, наконец, на свет божий* (А.Проханов, редактор газеты «Завтра» и один из лидеров национально-патриотического союза). *На Руси все Владимиры были мудрыми – от **Владимира Красное Солнышко** и **Владимира Мономаха** до **Владимира Ильича**. А вы мудры на генетическом уровне, потому что вы Владимир Владимирович* (М.Бобаков, руководитель новосибирских профсоюзов). ***Наполеончики** нам больше не нужны* (Г.Зюганов, председатель КПРФ). *Сегодня либералы шьют для **В.Путина** чуть ли не кафтан **Ивана Грозного*** (В.Костиков, помощник президента РФ). *_Путину нечего сказать народу. В 2008 году мы уже не досчитаемся нашего **«Петра Великого»**, и путинские «прилипалы» станут панически метаться в поисках новой акулы* (А.Проханов).

Даже обратившись к самому перечню прецедентных имен, нетрудно обнаружить идеологическую позицию автора, степень его воспитанности и политической корректности, а также его представления о том, по какому пути движется страна под руководством В.В.Путина, о том, кто должен стать образцом для президента и что представляет для него несомненную опас-

ность. Действующего Президента России сравнивают также с основоположником династии Романовых Михаилом Первым и Александром Вторым-Освободителем, однако даже враги В.В.Путина не предрекают ему судьбу Николая Второго, Павла Первого или Петра Третьего.

Многие наши политики, размышляя о собственной личности и своем вкладе в историю, вольно или невольно обращаются к прецедентным именам из наиболее близкой и понятной им сферы. И снова в качестве своего рода образцов и «антиобразцов» в сознании всплывают знаменитые президенты и руководители правительств. Ср.:

Де Голль был мудрым человеком, поэтому и мне надо поумдреть (Е.Ноздратенко, губернатор Приморского края). *Как вы отдыхаете?* – *Отдыхаю как простые люди. В баню с девочками не хожу, пью больше Горбачева, но до Ельцина мне еще далеко* (из интервью Г.Зюганова, председателя КПРФ). *Я русский Клинтон. То же образование, те же манеры, тот же возраст* (В.Жириновский, вице-спикер Государственной Думы). *Классный мужик Билл Клинтон. Я завидую Монике Левински* (Д.Аяцков, губернатор Саратовской области). *Клинтона целый год долбали за его Монику. У нас таких через одного. Мы еще им поаплодируем. Но другое дело – Конституция. Написано: нельзя к Монике ходить – не ходи! А пошел – отвечай!* (В.Черномырдин, председатель правительства России). *Я из себя выжал Гайдара, а его корежит* (Он же). *Как сказал один известный деятель, хороший политик думает о выборах, а государственный деятель - о будущих поколениях* (В.Путин, Президент России, скрытая ссылка на У.Черчилля). *Я человек добрый, отзывчивый. У меня на приеме всегда очередь, как в Мавзолей Ленина* (В.Шандыбин, депутат Государственной Думы). *Если я не выиграю эти выборы, у нас все равно будет переворот. Потому что народ хочет Сталина. И я народу говорю: «Хотите? Я буду Сталиным! Но без ГУЛАГа и массовых репрессий» Психологически людям это приятно. Если увижу сопротивление, перейду к репрессиям»* (В.Жириновский).

Очень характерны для современных отечественных политических лидеров и обращения к прецедентным именам из религиозной сферы. По указанному показателю недавние коммунисты скоро обойдут американских президентов, для которых использование подобных прецедентных имен – это, помимо прочего, дань многовековой традиции. Ср.:

Я в данном случае с Иисусом Христом. Он был первый социалист у нас. Тут уж ничего не поделаешь (М.Горбачев, президент СССР). Хочу в религию уйти. В религию, в религию, в религию. Ну, уже встречался с папой римским, вот сейчас к Далай-ламе вылетаю. Чуть-чуть в религию, а потом дальше. В принципе надо готовиться уже к встрече с цивилизациями внеземными (К.Илюмжинов, президент Калмыкии).

Предводитель кузбасских депутатов размышляет над сложнейшим вопросом: кто выше и славнее: Христос с Магометом или же все-таки губернатор Аман Тулеев, но так и не находит окончательного ответа. Ср.:

Слово Амана Тулеева – это слово Господа Бога. Я не постесняюсь сказать, что сегодня примерно получается такая ситуация: вот здесь Иисус Христос, здесь Магомет, а вот здесь Тулеев, а может быть, даже наоборот (А.Филатов, председатель законодательного собрания Кемеровской области).

Справедливости ради необходимо отметить, что наши политики эпизодически вспоминают и других знаменитых соотечественников: героев войны, прославленных разведчиков и предводителей крестьянских восстаний. Ср.:

Вы, Владимир Владимирович, будете тем Рихардом Зорге, работая в российском правительстве, который будет стоять на стороне национальной экономики и на стороне трудового народа России (Н.Харитонов, лидер аграрной партии). Кроме Пиночета, в нашей стране всегда были Матросовы и Космодемьянские (Г.Зюганов, председатель КПРФ). С нами Стенька Разин и Емельян Пугачев (В.Анпилов, один из лидеров левых экстремистов).

Значительно в меньшей степени отечественные политические лидеры обращаются к сфере искусств, однако некоторые высказывания позволяют лучше понять кругозор авторов и их отношение к искусству. Больше всего наших политических активистов привлекает литература, и они постоянно стремятся продемонстрировать свою эрудицию в этой сфере. Ср.:

Первое и осознанное уважение к женщине я пережил, прочитав «Грозу» Островского. Очень уж мне понравилась Катерина, сиганувшая в известном направлении (Г.Янаев, вице-президент СССР). Пушкин несчастный был. Лучше бы его не было совсем (В.Жириновский, вице-спикер Государственной Думы). Я сегодня ночью – ну как-то готовился. Ну, решил на свежую голову, так сказать, часа в два ночи почитать Пушкина.

*И вы знаете, оказалось не так просто (Б.Ельцин, Президент России). Есть люди, навсегда потерянные для партнерства. Лимоны и некоторые яблоки растут теперь на одной ветке. У фальшивых либералов и настоящих фашистов все больше общего. Ничего удивительного. О таких писал еще **Достоевский**. И сегодня все эти **Смердяковы и Лямшины** приятно проводят время в разного рода комитетах по ожиданию восьмого года, где проповедуют целесообразность поражения собственной страны в войне с террором. Бог им судья. (В.Сурков, заместитель руководителя Администрации Президента РФ).*

Один из лидеров левых экстремистов Виктор Анпилов предлагает оригинальную трактовку личности идеологически близкого ему героя «Собачьего сердца». Ср.:

*Когда меня сравнивают с **Шариковым**, ну там Киселев... **Шариков** – хорошая русская фамилия, она отражает сложность характеров в повести Булгакова. **Шариков** прошел путь от собаки до человека, который задался вопросом: «А зачем я появился на свет? Какова моя миссия?» (В. Анпилов, сопредседатель национально-патриотического союза).*

Видимо, только сходство идеологических позиций Шарикова и Анпилова помешало нашему современнику увидеть, что Шариков так и не смог стать достойным человеком, а его характер изображен не столь уж сложным. Однако общий слоган – «Все отнять и поделить!» – оказался важнее литературоведческих деталей.

Иногда даже филологу трудно сразу понять сложные литературные аллюзии руководителя. Например, В.С.Черномырдин обращается к авторитету А.П.Чехова: *Правительство поддерживать надо, а мы ему по рукам, по рукам, все по рукам. Еще норовим не только по рукам, но еще куда-то. Как говорил Чехов* (В.Черномырдин, Председатель Правительства РФ). Не исключено, что Виктор Степанович, размышляя о взаимодействии ветвей государственной власти, вспомнил рассказ «По делам службы», где старик-вестовой горько жалуется: *«Летось веду арестанта в город, а он меня – по шее! по шее! по шее!»*. В этом случае правительство предстает как безответный возница, а депутаты – как агрессивный арестант. Однако вполне возможно, что в памяти эрудита запечатлелись слова из письма Ваньки Жукова своему дедушке Константину Макарычу: *«А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а*

она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать». И в том и в другом случае люди, мешающие правительству, оцениваются крайне негативно.

Широкую эрудицию проявляет и лидер либеральных демократов В.В.Жириновский, который постоянно использует в своей публицистике литературные и библейские аллюзии. Ср.:

Бедный дедушка Аркадий, не со своего ли будущего внука писал ты портрет жирного предателя, продавшего Родину за «банку варенья да коробку печенья» (Последний вагон на север). *Как же так, мать-Россия, как же допустила ты, что эти ироды управляли тобой, морили тебя голодом, разоряли и насильовали? Федор Михайлович! Разве ж в твоё время были «бесы»? То были бесенята* (Там же). *Не хотелось ли, как Иуде, повеситься на дереве после предательства партии, взрастившей на своей груди змею? Молчит Михаил Сергеевич* (Там же).

Значительно реже политические эрудиты обращаются к архитектуре, изобразительному искусству и театру, но и эти сферы в ряде случаев становятся источником ярких образов, обнаруживая оригинальный авторский подход к эстетическим ценностям. Ср.:

Почему вывоз икон считают контрабандой? Раз берут – надо продавать. И рисовать их, рисовать. Что у нас, Рублевых что ли, нет? (В.Брынцалов, кандидат в Президенты России). *Деньги – источник духовности. Можешь себе место в Большом театре купить. Оперу там послушать, балет опять же* (В.Брынцалов). *Наш президент больше был похож на постоянно падающую Пизанскую башню* (К.Затулин, депутат Государственной Думы). *Сатанист Якунин в черном маскхалате, сиамские близнецы Немцов и Явлинский, ведьмы Боннер и Гербер, неугомонные жабы Старовойтова и Новодворская, псевдогенералы, бородатые проповедники, парижские беллетристы-гомосексуалисты, юмористы-проститутки и карттавые журналисты. Паноптикум! Видение Иеронима Босха* (В.Жириновский, заместитель Председателя Государственной Думы).

В выступлении активиста Народно-патриотического союза Виктора Анпилова используется традиционный риторический прием: близкие ему политики объединяются в один ряд с людьми, которые, по мысли автора, на протяжении всей истории России были славой и гордостью страны. Показательно, что к

таким людям отнесены не только князь и святой, разбойник и два коммунистических лидера, но и лучшие российские поэты. Ср.:

*Какие люди! **Бабурин, Тулеев, Варенников!** Вот где сила! Вот где мощь нации!!! С нами **Дмитрий Донской**, с нами **Сергий Радонежский!** С нами **Стенька Разин!** **Пушкин и Лермонтов!** С нами **Ленин**, с нами **Сталин!***

Проведенное исследование показывает, что в авторы современных политических текстов наиболее охотно обращаются к ресурсам двух сфер источников – политики и литературы; значительно реже в политической коммуникации используются прецедентные феномены, восходящие к сферам религии, мифологии, театра, живописи, музыки. Вместе с тем авторы политических текстов мало склонны к использованию прецедентных феноменов, относящихся к научной субсфере.

При количественном сопоставлении выясняется также, что в российской политической коммуникации отечественные прецедентные имена используются примерно в пять раз чаще, чем зарубежные. Показательно, что частотность позитивного и негативного использования российских и зарубежных прецедентных имен определенным образом коррелирует с политической позицией авторов текстов.

Обращение к прецедентным феноменам – традиционная черта отечественной политической коммуникации. Этот прием позволяет ярче представить политическую позицию автора, привлечь внимание к историческим основам современных социальных теорий, усилить прагматическое воздействие текста. Вместе с тем легко заметить, что неудачное использование прецедентных имен обнаруживает косноязычие и скудоумие адресанта, что особенно бросается в глаза на фоне его значительно общественного положения.

Можно выделить несколько критериев эффективности использования прецедентных феноменов в политической коммуникации.

1) Политическая уместность прецедентного феномена. Используемые автором прецедентные имена должны в полной мере соответствовать дискурсивным характеристикам текста и особенно представлениям адресата. Например, в статье С.Белковского «Специальная теория Путина» (Комсомольская правда, 29.09.2004) выражается резкое неприятие прецедентного имени, использованного бывшим Государственным секретарем:

рем США Збигневом Бжезинским. Ср.:

*Гигант либерально-демократической мысли, отец всей и всяческой демократии, 76-летняя особа, приближенная к Всемирному правительству, – короче, сам Збигнев Бжезинский опубликовал программную статью «Московский Муссолини». В статье гигант на полном серьезе уподобил Владимира Путина **Бенито Муссолини, а путинский режим – итальянскому фашистско-корпоративному государству 20–30-х годов прошлого века.***

2) Интертекстуальная сверхдетерминация прецедентного феномена. Как отмечает С.Козлов, «термин «сверхдетерминация» перешел в теорию интертекстуальности из психоанализа; он означает, грубо говоря, обусловленность текста множеством накладывающихся друг на друга интертекстуальных связей» (С.Козлов <http>). Чем обширнее детерминация, тем больше аллюзивный потенциал этого прецедентного феномена, тем эффективнее будет его использование. Например, Сергей Козлов, анализируя фразу Ю.Тавровского «Спящую красавицу внешне-политической пропаганды пора будить», демонстрирует, что прецедентный феномен «Спящая красавица» в российском сознании связан не только со сказкой Перро, но и с балетом П.Чайковского в постановке Петипа, а также с недавней реставрацией этого балета в Мариинском театре, осуществленной Сергеем Вихоревым. В результате «Спящая красавица» воспринимается как образ политической реставрации, тесно связанной с Петербургом.

3) Доступность используемого прецедентного феномена для читателей, на которых ориентируется соответствующее издание. В нашей предыдущей статье (Е.А.Нахимова 2004) было показано, что не более четверти первокурсников юридического вуза оказались в состоянии понять смысл таких прецедентных феноменов, как *Смутное время, Ходынка, семибоярщина, Аекла промахнулся, испорченные жилищным вопросом москвичи, пепел Клааса стучал в сердце прокурора, бороться с ветряными мельницами*. Еще более яркие факты о восприятии студентами прецедентных высказываний приведены в исследованиях Н.А.Кузьминой (2000, 2004). Очевидно, что человек, не способный осознать тот или иной прецедентный феномен, оказывается вне зоны его прагматического воздействия. Многие наши соотечественники воспримут выражение «Спящая красавица» только как сообщение об уснувшей девушке приятной

внешности.

4) Достаточная корректность и недвусмысленность использования прецедентного феномена. Не замеченная вовремя политиком возможность двоякого понимания фразы отвлекает внимание от авторского замысла. Среди рассмотренных выше особенно двусмысленно воспринимается фраза Дмитрия Аяцкова «Я завидую Монике Левински». Не вполне корректным представляется и обращение приморского губернатора к опыту французского президента (*Де Голль был мудрым человеком, поэтому и мне надо помудреть*): все-таки слишком велика интеллектуальная дистанция от Евгения Ноздратенко до Шарля де Голля. По-разному можно оценить и рассказ депутата о том, что длина очереди в его кабинет сопоставима с размерами очереди в мавзолей В.И.Ленина. Создается впечатление, что наши политические лидеры не до конца осознают, что их внимательно слушают и пытаются найти скрытый глубокий смысл в каждом высказывании.

Вместе с тем в условиях современного российского политического дискурса отнюдь не считается недостатком некоторая грубость и даже оскорбительность используемого образа, а также неточное цитирование или смысловое преобразование цитаты. Использование прецедентных феноменов – это, помимо прочего, эффективный способ оскорбить и унижить оппонента, не опасаясь при этом судебного преследования. Остается надеяться, что развитие политической культуры и социальной толерантности в нашей стране будет способствовать в будущем более корректному использованию прецедентных феноменов.

ЛИТЕРАТУРА

1.Алексеев М.А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов. М., 2003.

2.Ахманова О.С., Губбенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3.

3.Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 1999.

4.Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ, Сер.9. Филология 1997, № 4.

5.Гуенько Ю.А. Особенности функционирования прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского язы-

ка. Автореф. дис... канд. филол. наук. СПб, 2002.

6. Земская Е.А. Цитация и способы ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996.

7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

8. Козлов С. «Спящую красавицу пора будить». К анализу весенних политических метафор // [http: // www.polit.ru/documents/253348.html](http://www.polit.ru/documents/253348.html).

9. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002.

10. Кристева Ю. Душа и образ // Интенциональность и текстuality: Философская мысль Франции XX века. Томск, 1998.

11. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург–Омск, 1999.

12. Кузьмина. Н.А. Интертекстуальный тезаурус языковой личности и методы его изучения // Интерпретатор и текст. Проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. Новосибирск, 2004.

13. Кузьмина Н.А. Интертекстуальный компонент в структуре языковой личности // Язык. Человек. Картина мира. Материалы Всероссийской научной конференции. Ч. I. Омск, 2000.

14. Леонтьев А.А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001.

15. Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень уральского лингвистического общества. Вып. 13. Екатеринбург, 2004.

16. Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: Лингвокультурологический анализ. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

17. Ростова Е.Г. Использование прецедентных текстов в преподавании РКИ: цели и перспективы // Русский язык за рубежом, 1993, № 1.

18. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

19. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Автореф. дис... докт. филол. наук. Волгоград, 2004.

20. Смулаковская Р.Л. Своеобразие использования преце-

дентных феноменов в газетном дискурсе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 12. Екатеринбург, 2004.

21. Снигирев А.В. Канон. Литературность. Интертекст // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 9. Екатеринбург, 2002.

22. Соловьева М. А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста (на материале романов А.Мердок и их русских переводов). Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.

23. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. - № 6.

© Нахимова Е.А., 2004

Перескокова А.Ю.

МАНИФЕСТАЦИЯ ВЛАСТИ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СМИ

С тех пор как человек стал вести оседлый образ жизни, власти стало легче контролировать население (“Культура”, “Тайны древних империй” 6.06.2004).

К концу XX-го века завершилось становление СМИ как неотъемлемого и влиятельного элемента жизни современного общества. В современной политической коммуникации активно используется наименование “четвертая власть”, которое присутствует не только в неформальных беседах, но является широко употребляемым в научной политологической литературе и речи самих политиков. Употребление этого обозначения возвело средства массовой информации на одну ступень с тремя конституционными ветвями власти. Как известно, в Конституции РФ закреплены положения о статусе и работе только трех ветвей государственной власти: исполнительной, законодательной и судебной, а взаимодействие «четвертой власти» с обществом регулирует российский «Закон о средствах массовой информации» от 27.12.91 (в редакции от 5 августа 2000 г), который содержит конкретные гарантии свободы СМИ и закрепляет правовой статус журналиста [Чиркин, 1997].

Особое положение СМИ в нашем обществе дает основание высказывать мнение о том, что “Четвертая власть – это эфемерное понятие, ее не существует” (М.Маркелов, ведущий программы “Наша версия. Под грифом Секретно”, АиФ, 09. 01.03). В соответствии с противоположной точкой зрения, массмедийная

“власть” обладает функциями, тождественными тем, которые выполняют исполнительная, законодательная и судебная власти, той есть это действительно одна из ветвей власти. Реальность же состоит в том, что по степени воздействия на общество СМИ часто обладают не меньшей властью, чем Президент, Федеральное собрание, правительство и судьи, однако власть СМИ имеет совершенно особый характер. Специфика указанной ветви власти ярко отражается в той системе метафор, которая используется при описании роли СМИ в современном обществе.

Способность воздействовать на человека является основным фактором в определении власти для составителей Советского Энциклопедического Словаря: “Власть – способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств – воли, авторитета, права, насилия” [СЭС, 1983: 229]. Воздействие, или чаще употребляемый в отношении СМИ термин манипуляция, выдвигается многими учеными на первый план среди всего разнообразия функций массмедийных средств [Добросклонская Т.Г., 2000; Жуков И.В., 2001; Володина М.Н., 2003]. По мнению М.В. Мануковского, “выделение манипуляции в отдельную функцию основано на том, что “любое речевое поведение является целенаправленным” [Якобсон, 1975: 195] и во всяком коммуникативном акте осуществляется воздействие” [Мануковский, 2003: 126]. В ходе политологических исследований выявлен богатый арсенал способов манипулирования в СМИ. Основой для манипулирования, по мнению американского профессора-либерала Г.Шиллера, служат пять основных мифов [Шиллер, 1980: 25-40]. “Некоторые исследователи даже говорят о грядущей эпохе “медиаократии” – власти СМИ, которые не столько будут отражать и интерпретировать действительность, сколько контролировать ее по своим правилам и усмотрению” [Мальцев, 1997: 294].

Функция **контроля** присутствует в регламенте работы каждой из ветвей власти. СМИ, контролируя и критикуя, имеют в своем арсенале такой сильный фактор как общественное мнение, которое, зачастую, они сами и создают. Хотя их критика напрямую не влечет юридического наказания, но дает “моральную оценку событиям и лицам” [Мальцев, 1997: 293].

К функциям, присущим только средствам массовой информации, можно отнести информационную, образовательную, социализации, инновационную и оперативную [Мальцев, 1997: 293].

Перечисленные выше функции не существуют изолированно, они постоянно реализуются во всем их комплексе, всесторонне влияя на все стороны жизни общества. Для данной работы, с точки зрения лингвистики, особый интерес представлять их языковая реализация в метафорическом контексте российских и американских печатных и электронных изданиях, в телевизионных программах. Мы принимаем это утверждение за аксиому, потому что следуем за словами Ролана Барта: "...объектом, в котором от начала времен гнездится власть, является сама языковая деятельность, или, точнее, ее обязательное выражение - язык" [Барт, 1994: 98].

Ученые, занимающиеся разработкой теории метафоры как средства познания мира, формы мышления, утверждают, что человек изначально живет в мире метафор и думает метафорично. «Наша понятийная система, с помощью которой мы не только думаем, но и действуем, является в основном метафоричной по своей природе.<...> Если предположить, что система понятий в основе своей метафорична, тогда действительность, в которой мы существуем, находит свое выражение в метафоре» [Лакофф, Джонсон, 1987: 131]. Придерживаясь данного логического умозаключения, проанализируем массмедийные метафорические единицы, предварительно разделив их на три группы по сфере-мишени [Чудинов, 2001: 44]: зрители / читатели, конституционная власть / спонсоры и сами СМИ. Подобное разделение объясняется направленностью действия двух, с нашей точки зрения, основных функций – манипулятивной и контролирующей. Объектом манипуляций СМИ являемся мы, т.е. зрители, читатели, слушатели, а контроль и критика чаще всего распространяются на парламент, президента, судебную власть и на самих себя – коллег и конкурентов по журналистскому цеху.

При анализе метафорических образов, кроме метафорического адресата (сферы-мишени), невозможно не учитывать исходную понятийную область (сферу-источник), так как именно с помощью этой сферы реализуется когнитивная функция: как известно, "метафоры символизируют что-то новое с помощью устоявшихся понятий и что употребление определенных метафор ведет к таким понятийным конструкциям, которые примыкают к уже имеющимся отвлеченным понятиям" [Санцевич, 2003: 100]. Смысл метафоры целиком зависит от ее творца, точнее, "изображение предметов действительности целиком зависит как от индивидуальной манеры художника, его мироощущения, так и от

особенностей того художественного направления, в котором данный художник работает” [Добросклонская, 2000: 27]. От политики всей компании, личного мнения главного редактора и отдельных работников зависит направление воздействия и его сила. Таким образом, сблизив понятия “метафора” и “манипуляция”, можно утверждать, что одним из эффективных приемов воздействия СМИ на своих адресатов является массмедийная метафорическая единица.

Манипулятивные действия всегда начинаются с завоевания авторитета у объекта манипуляции или, хотя бы, с утверждения себя в качестве неоспоримой силы. Телевидение и пресса России и США завоевывают авторитет и добиваются всестороннего расположения и доверия как к “четвертой”, но власти, с помощью метафор. Функционирование в тексте этого приема позволяет в скрытой неимперативной форме навязывать мысль о том, что свободные средства массовой информации – это единственно возможная среда существования общества и отдельного индивида в нем. Ср.

- И ещё свобода слова – это не собственность журналистов. Это **среда обитания** демократического, гражданского общества (О.Попцов, президент ТВЦ, АиФ, 18.02.04).

В данной метафорической единице автор не только проводит идею, что единственным условием жизни общества является реализации свободы СМИ, но и говорит о полной причастности народа и народной собственности к “этой среде обитания”, подобно известным народным вождям, заявлявшим “Власть – рабочим”, “Землю - крестьянам”.

Не стоит, однако, верить телебоссам на слово. Лозунги лидеров теряют свою радужную окраску в речи подчиненных, которые заявляют о преобладающей власти, например, телевидения, сравнивая отношения со зрителями с захватническими военными действиями. Ср.

- Жанр телеигры явно находится в **стадии экспансии на окружающее пространство...** (В. Третьяков, Литературная газета, 07.04.04)

Ситуация становится яснее, когда мы сталкиваемся с мнением, что, оказывается, народ не владеет монополией на “четвертую власть”, как говорилось раньше, а является ее заложником.

- Итак, телевидение **берет человека в сладкий плен и превращает в существо, ведомое чужой волей, умом,**

эмоцией. (С.Доренко, Playboy, март 04)

Значит телевидение не о народе и не для народа! Это ли ни признание власти над зрителем!? Признание того, что процесс превращения человека в подвластное **существо** завершен, и оно готово к формированию его общественного мнения.

Правило гласит: “Нужно не только завоевать власть, но и ее удержать”. Подтверждение того, что масс медиа, как и любая другая власть, следует этому правилу, мы находим в следующих метафорах:

- **Хищнический передел телепространства, беспощадная борьба за зрителя** заставляют еще раз разобраться в причинах происходящего (Московские Новости, 22.01.02).

Смотря свои любимые телепередачи, зрители не подозревают, что являются частью теледжунглей, в которых медиа компании живут **хищнической** жизнью и каждый день идет борьба за выживание, т.е. за “поглощение” как можно большего числа зрителей. Американским коллегам этот процесс представляется в виде спортивного состязания, а не картинки из мира животных. Спортивный метафорический образ мыслей более характерен для этой нации. Борьба за зрителя в американской прессе превращается в вид спорта, которым занимаются все без исключения медиа империи и маленькие фирмы. Ср.

- The **real contest** of 2004 may be for hearts and minds in the American world (J.Hammer, Newsweek, 01.04) В 2004 году в американском мире может развернуться **настоящее соревнование** за умы и сердца.

- Theoretically the Internet should **level the playing field** (R. Martin, Newsweek, 01.04). Теоретически, Интернет должен **уравнять шансы на игровом поле**.

Учитывая массированную атаку, главным образом, телевидения на вышеупомянутые умы и сердца, отрадно фиксировать в метафорическом контексте признаки прозрения и слабого неповиновения власти “четвертого уровня”. Еще более обнадеживающе слышать от представителей этой власти констатацию того, что **“зеркало экрана, в которое люди заглядывали по началу с утра до вечера, стало кривым”** (И. Алексеев, Пресс-атташе.ru, 25.03.04).

Контролирующая и критикующая позиция журналиста в последнем примере плавно направляет к рассмотрению второй важной для нас одноименной функции СМИ. Сравнение телевидения с “кривым зеркалом” вербализирует критическое отноше-

ние создателей медиа продукции к своей “четвертой власти”.

Упомянутая выше характерная черта американской нации – азарт, продолжает разворачиваться в еще одной метафорической модели – “Игра как способ существования СМИ”. Американцы не видят смысла в игре без азарта и переносят эту жажду из реальной действительности в метафорическую, подогревая интерес широким выбором сумм и объектов для ставок. В первом случае речь идет о сфере-мишени “Читатели / зрители”, где они сами делают ставку в играх женских журналов, во втором – “СМИ”, которые не жалеют ради выигрыша миллиардов долларов, но суть этой ставки уже не идеологическая, а материальная. Ср.

- But to the readers of the women`s magazine, **more is at stake** than the fortunes of the Conde Nast and Hearst publishing empires – **the very future of feminism**, in fact (L. Chwialkowska, www.fortunecity.com). Но для читателей женских журналов **на ставке** не доходы издательских империй Conde Nast и Hearst, а, фактически, **само будущее феминизма**.

- HDTV has already fitted Japan against the USA and Europe in a battle where **billions of dollars at stake** (Newsweek, 04.04.1988). Телевидение высокого разрешения уже настроило Японию против США и Европы в битве, где **на ставке были миллиарды долларов**.

Налицо контроль одной компании (Newsweek) за расходованием денежных средств другой компанией. А метафорический перенос игры в сферу миллиардных сделок говорит о том, что данное печатное издание не одобряет политики своих коллег.

Как и в любой другой игре или спорте, в метафорических состязаниях медиа структур тоже есть победители и аутсайдеры. Соединяя две сферы – игру и СМИ, сопоставляются «семантические концепты, в значительной степени несопоставимые» [МакКормак 1990: 359]. Причем ярлыки героев и антигероев навешивают их конкуренты или коллеги. Ср.

- A. Colmes has been called **an on air punching bag**, a runt, wishy-washy and – this one must really hurt – a conservative at heart (www.wbz1030.com, 19.10.03). А. Комса называли **“эпушей” эфюра**, коротышкой, слабаком и, это самое обидное, консерватором в душе.

- FAIR has likened Colmes to the Washington Generals, **the napless basketball team hired to lose to the Harlem Globetrotters every night**. (www.wbz1030.com, 19.10.03) FAIR сравнила

Комса с командой *Washington Generals*, несчастной баскетбольной командой, нанятой проигрывать *Harlem Globetrotters* каждый вечер.

Однако сам Комс совсем не согласен с такой оценкой своих заслуг. Его мнение о себе выражается в том, что он награждает себя способностями, присущими лучшим баскетбольным игрокам.

• Sean Hannity is *a fastball pitcher*. I may *throw a change-up or a curveball as well as a fastball*. I may deal with things with a little humour sometimes (A. Colmes, www.wbzt1030.com, 19.10.03) Шон *бросает быстрые мячи. Я могу бросить поднимающийся вверх или закрученный мяч. Я могу относиться к вещам с юмором иногда.*

Большое количество метафор, связанных сферой-источником спорт (бейсбол, гонки, американский футбол), не должно вызывать удивления, так как именно в метафоре “содержится емкая информация об адресанте, его системе взглядов и оценок” (Юдина 1993, с 51). Спорт / игра занимают одно из ведущих мест по числу метафорических единиц во всех затронутых сферах-мишенях.

Лейтмотивом сегодняшних отношений между СМИ и конституционной властью может служить следующее: “Газета “Жизнь. Санкт Петербург”. Сильный оттенок желтизны, но, кроме, светских сплетен, размещает и неплохие политические образы, где изюм всех *сил “мочит” олигархов и “Единую Россию”, но с пиететом говорит о президенте*” (Пресс-атташе.ru, 14.07.03). Наученные горьким опытом войны с властью президента, сдерживаемые примером НТВ, *“когда “четверка” (НТВ) превратилась в газовую горелку “Газпрома” <...>, когда главное было поддерживать правильный политический градус и не допускать утечек на генеральной линии*” (С.Орлов, Пресс-атташе.ru, 05.03.04), журналисты предпочитают едкую иронию прямой критике власти. Ср.

• По большому счету НТВ оказался никому не нужен, кроме самих журналистов. Ни Газпрому <...> ни тем более Кремлю, где за пару лет отстроили два *ручных*, но очень мощных и респектабельных канала (С.Орлов, Пресс-атташе.ru, 05.03.04).

На власть уже не жалуются. Ее горько упрекают. Ср.

• *Вчера еще родная демократическая власть все чаще вела себя как злая и придирчивая мачеха* (Е.Киселев, МСК, 09.10.03).

Привыкшие за десять лет к чеченскому вооруженному конфликту, российские журналисты переносят свой опыт на объективную рабочую реальность и на метафорическом уровне признаются, что власти “построили” их и втянули в войну. Метафоризация сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысляемого имени, которое в свою очередь “вплетается” и в картину мира, выражаемую языком” [Телия 1988: 186].

• **Городские газеты в основном выстроены. В затылок друг другу и лицом к полпреду** (Пресс-атташе.ru, 14.07.03).

• Лесин признал, что **сражения за НТВ и ТВ-6** были, конечно же, политизированными (А.Рекова, СМИ.ru, 10.04.02).

• Телевидение является инструментом политики. И инструмент ее очень многообразен. Например, **подавление противника**. Тотально, многоаспектно **подавляется противник. Это пытка, это казнь** (А.Проханов Playboy, март 04).

Приводить образные примеры несогласия с политикой, проводимой официальной властью, со стороны средств массовой информации можно бесконечно долго. Главное, что во всех этих примерах в той или иной степени проявляется идея о том, что СМИ контролируют работу политиков и решительно выступают с ее критикой. В самом начале данной статьи говорилось, что все функции СМИ взаимосвязаны и комплексны. От того, какова будет степень контроля за властью, в значительной степени зависит накал критики в ее сторону. И от того, будет ли и какая это будет критика, зависит степень воздействия СМИ на “умы и сердца”. Для лингвистов, занимающихся разработкой теории когнитивной метафоры в средствах массовой информации, важно, что признаки манипуляции, критики и другие проявления массмедийных функций всегда будут отражены в метафорическом контексте газет, журналов, теле- и радиопередач и в сообщениях электронных агентств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.

2. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003.

3. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиа текстов:

Опыт исследования современной английской медиа речи. – М.: МАКС Пресс, 2000.

4. Жуков И.В. Война в дискурсе современной прессы, 2001. www.teneta.ru

5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – с.126 - 170

6. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры. // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – с.358-386.

7. Мальцев В.А. Основы политологии: Учебник для вузов. – М.: ИТРК РСПП, 1997.

8. Мануковский М.В. Манипулятивная коммуникация дискурса современных СМИ. // Лингвистика / УрГПУ; Отв. ред. А.П.Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – т. 11.

9. Санцевич Н.А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции). Дисс... кандидата филол. наук. – Москва, 2003. – 216 с.

10. Советский Энциклопедический Словарь. – М, 1983.

11. Телия В.Н. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира. // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.

12. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран.– М.: Юристъ, 1997

13. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 - 2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001.

14. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием (пер. с англ.) М., 1980.

15. Юдина Т.В. Стратификация немецкой общественно-политической речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – 96 с.

16. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: “за” и “против”. – М.: Прогресс, 1975.

© Перескокова А.Ю., 2004

Пименова М.В.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ

В «ВОСПОМИНАНИЯХ» П.Н. МИЛЮКОВА

К проблеме *памяти* в русском языке уже обращались отечественные лингвисты [см.: Дмитровская, 1991; Кубрякова, 1991; Туровский, 1991]. На материале авторских текстов концепт *память* ещё не был описан.

Концепт *память* актуализируется при помощи глаголов,

имён существительных и прилагательных. Словообразовательное гнездо *памяти*, которое отмечено в книге лидера партии конституционных демократов П.Н. Милюкова, чрезвычайно многочисленно и многообразно: помнить (*Особенно **помню** эту саблю в связи со следующим событием*), запомнить (*Не **запомню** всех членов кружка, но перечислю, по крайней мере, принимавших в нём наиболее активное участие*), запомниться (*Это была одна из самых приятных прогулок – и так она хорошо **запомнилась***), вспомнить (*Нас предупреждали, что надо **вспомнить** все наши детские грехи и рассказать о них священнику, чтобы получить отпущение, причаститься вина из чаши и получить вырезанную просвиру*), вспомниться (*Из них мне **вспоминается** теперь один, в котором смутно бродили мысли, выяснившиеся для меня самого в следующие годы*), припомнить (*И по той же причине, вероятно, я не могу **припомнить** – вероятно, не заметил и в то время – как эти отношения создали постепенно полное взаимное доверие и превратились в прочную привязанность*), припомниться (***Припоминаются** только два «события» этого времени: похороны историка Погодина, известного нам тогда только по его имени на «золотой доске» в актовом зале*), упомянуть (*Я уже **упоминал**, что первой моей остановкой при возвращении в Россию был Киев с собравшимся там археологическим съездом*), забыть (*Наконец, я не могу **забыть** об одном эпизоде, давшем мне возможность увидеть в настоящем свете знаменитого анархиста Кропоткина*), напоминать (*«Я, собственно, ваш ученик», – говорил он мне полушутя, полусерьёзно, – и **напомнил** мне мой анализ, превратившийся в пророчество...*), напоминание (*Некоторым **напоминанием** об этом служат полученные результаты*), воспоминание (*Они приехали в большом количестве, – и у каждого из гимназистов того времени найдутся соответственные **воспоминания**, – и все они были одинаковы*), памятный, поминальный.

Память в русском языке определяется как «способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления» [СРЯ, III: 16]. Ср.: *О результатах заведённого общения я позволю себе сообщить свидетельство со стороны ... единственную, сохранившую живую **память** о начале моей профессорской карьеры;...Таким принял Кропоткина незлобивый Шкловский; таким он и остался в моей **памяти**, – и позднейшая встреча только подтвердила моё непосредственное*

впечатление от настоящего Кропоткина. Модальные глаголы используются для обозначения способности памяти (*Я решительно не могу вспомнить, как я научился читать и писать; Пусть крестьяне из рук царя получают свой дополнительный надел – путём царского манифеста. Я не мог не вспомнить о царском манифесте 17 октября, данном помимо обещаний Витте в его «докладе»; Но Столыпин не мог забыть своего участия в беседе о таком предмете, как кадетское министерство*). Способности памяти подвергаются оценке (*И я закончил нашу беседу словами, которые хорошо помню: «Тогда нам бесполезно разговаривать. Я не могу подать вам никакого дельного совета»; Я не могу точно вспомнить, какая именно тема трактовалась участниками семинария в этом году...; Партнёры не только спелись, но и сблизились: все были – хорошие люди, и эти музыкальные вечера остались навсегда для меня драгоценным воспоминанием*). Концепт *память* объективируется глаголом *помнить* и его дериватами, а также формой творительного инструментального существительного *воспоминание*. «Слово *память* означает нечто вроде способности помнить, что возвращает нас к идеям А. Вежбицкой о перцептивной лексике и ее понимании через триаду «способность – орган – функции» [Кубрякова, 1991: 86]. Ср.: *Обращаясь воспоминанием назад* (память – орган); *В ожидании, слушая какие-то стуки в стену, я вспомнил о том, что арестанты перестукиваются при помощи какого-то алфавита* (память – функция).

Способности человека в русском языке категоризируются посредством признаков силы (*Мне всегда казалось, что сила и ясность ассоциаций «по смежности» ощущений несовместимы с ассоциациями «по сходству», при сравнительно слабой памяти, какую я считаю свою*). При помощи возвратных глаголов выражаются признаки отсутствия усилий при запоминании. Без усилия запоминаются слова (*В кармане я увозил с собой своё стихотворение, из которого запомнились первые строфы, свидетельствующие о моей внутренней драме...*), эпизоды (*Мне запомнился, в числе литературных эпизодов, ещё один литературный банкет, данный нашими московскими профессорами знаменитому датскому критику Георгу Брандесу...; На пароходе, на котором я ехал, произошёл характерный эпизод, который мне запомнился*). Некоторые объекты памяти требуют затрат таких усилий (*Рассказ начинается с даты 24*

июня 1906года: эту дату **надо запомнить**, так как она объясняет многое, оставшееся неясным; Очень **трудно** теперь **припомнить** последовательность и даже содержание этой подготовительной работы за трёхлетие; «Подумайте, **припомните!**» И допрос прекращался до следующего раза).

Среди иных способов категоризации памяти выступают следующие: память – ресурсы, имущество (Профессор отличался **отсутствием памяти** и слабостью сведений по части библиографии; Так проштудировал я, следуя Гастону Буассье, Форум, ходил по Аппиевой дороге, съездил с ним в виллу Адриана, **суммировавшего там память** о своих путешествиях...; Имени Комиссарова при этом, **сколько помню**, вовсе не было **упомянуто**, и никаких по этому поводу ликований мы не могли заметить; И ещё другой контакт с прошлым. Почти против самого дома Спечинских стояла пятиглавая церковь во имя Иоанна Предтечи, – **сколько помню**, оштукатуренная в красный цвет; Я чрезвычайно жалею, что от этого объезда у меня осталось очень **мало воспоминаний**; Но несколько данных, доминирующих над положением, будет **нелишне** здесь **напомнить**; Ранним обучением занималась мать; но у меня **не осталось никаких воспоминаний** о том, в чём выразились её заботы; Мои **воспоминания** о родных со стороны матери гораздо более **многочисленны** и красочны; Приведу **несколько воспоминаний**, связанных с домом Спечинских; Это было моё **первое воспоминание**, связанное с церковью), память – дар (Николай Николаевич Шамонин славился вреди всех нас феноменальным **даром памяти**). Дар необыкновенной памяти воспринимается как чудо (Мы смотрели на непонятное чудо, когда, задав ему помножить **по памяти** одно однозначное число на другое многозначное, получали верный ответ раньше, чем проходила минута). Этот дар проявляется в связи со словом, обычно письменным (Он **запоминал** целые страницы прочтённые).

Атрибутивные конструкции, используемые П.Н. Милюковым, воспроизводят те особые объекты-впечатления, которые сохранились в **памяти**; это могут быть встречи с соотечественниками (Проездом через Париж у меня было, однако, **несколько русских встреч**, для меня **памятных**), календарные даты (В **памятный день** 27 апреля я встретил у ворот Таврического Дворца депутатов, возвращавшихся по Неве из Зимнего Дворца – в старый дворец Потёмкина), тексты выступлений (Я, **разумеет-**

ся, не помню текста своей взволнованной импровизации; но содержание её мне **памятно**), слова царя (В конце 1894 г. я читал свои лекции, а 17 января 1895 г. делегаты земских, дворянских собраний и городских дум, пришедшие поздравить Николая II с восшествием на престол, услышали от него **памятные слова**, выкрикнутые фальцетом, по бумажке: «Я узнал, что в последнее время в некоторых земствах поднялись голоса, увлекшиеся мечтаниями об участии представителей от земств во внутреннем управлении... Пусть каждый знает, что я... буду защищать начало самодержавия так же неизменно, как мой отец»). Память – это ещё и воспоминание об умершем: Зимой 1900 г. в Горном Институте, пристанище студенческих – в месте и не совсем студенческих – тайных митингов, было назначено специальное собрание, посвящённое **памяти** П.Л. Лаврова (скончался в феврале 1900 г.). Воспоминание о достойном человеке передаётся как его чествование (*Незадолго до этих событий состоялось то чествование **памяти** Пушкина, которое разделило общество на два лагеря – сторонников Тургенева и сторонников Достоевского*), выражающееся в поминальных словах (*Меня пригласили в нём участвовать и сказать **поминальное слово** о Лаврове*). Материальное выражение **памяти** о человеке, о важных событиях в истории народа находит в памятниках (*Записавшись в члены клуба велосипедистов, я получил право свободно разъезжать на своём велосипеде – и воспользовался этим, чтобы обстоятельнее ознакомиться с топографией города и посетить главнейшие **памятники**; Я велел её перевернуть, - и на обратной стороне обнаружилась надпись болгарского царя Самуила, признанная потом древнейшим **памятником** славянского языка!*).

Концептуальные исследования направлены на рассмотрение таких фундаментальных проблем, как структуры представления знаний о мире и способы концептуальной организации знаний в языке. Концепт *память* в книге «Воспоминания» П.Н. Милюкова обладает сложной структурой, представленной несколькими группами признаков.

Память – это стихия. Среди стихийных проявлений *памяти* отмечаются пространственные проявления. Такие пространственные свойства *памяти* многообразны, среди них ландшафтные признаки: океан, море, река (*Подлежит, напротив, сомнению проявление моего первого отношения к жизни: из океана*

забвения почему-то **выплыл из памяти** маленький эпизод; События с этих пор перестают **выплывать из памяти островками**, а тянутся длинной нитью; Этот моральный конфликт и до сих пор **выплывает у меня в памяти** из ряда забытых событий), земля, почва (Через Пушкино прошла и моя первая – чувственная – любовь, оставила яркий **след в памяти** и ушла в прошлое), пропасть (Между ним и предыдущим легла **в моём воспоминании целая пропасть**), погодные (климатические) особенности: туман (*Но дальше все опять [в памяти] **заволакивается туманом***), свежесть (*Просидев ночь, чтобы **освежить в памяти курс**, я пошёл на экзамен, прожившись на случай*). Память концептуализируется общим признаком глубины, относящимся к нижней части шкалы пространственной вертикали (ср.: океан, море, река, земля, почва, пропасть); ср.: **Из глубины забвения всплывает мрачная картина – телесных наказаний – тоже восходящая к лефортовскому периоду**. Все указанные признаки относятся к группе признаков мира. Описание разнообразных сторон внутренней жизни человека происходит в соответствии с развитием концептуальной системы этого мира, которая, в свою очередь, представляет «познанную» структуру и свойства человеческой психики. Языковая концептуализация внутреннего мира представляет собой осмысление его фрагментов, которое объективируется в виде соответствующих языковых единиц. Концептуальные структуры знаний о внутреннем мире эксплицируются в системных парадигматических и синтагматических связях таких языковых единиц.

Пространственные особенности **памяти** категоризируются через признаки хранилища (*В качестве поправки приведу ещё одно уцелевшее в **памяти воспоминание**; Оно лучше всего выразилось в одном моём стихотворении того времени, которое, очевидно, не случайно, **сохранилось в моей памяти***), вместилища (*Несколько эпизодов **осталось в памяти**; Едва ли вообще он **остался у меня в памяти**, если бы не печальное обстоятельство его смерти*), контейнера (*Эта сцена **отложилась у меня в памяти на всю жизнь***), поверхности (*Предстоял аукцион; но я считал тогда, что это наложит пятно **на память отца и матери**, – и стал искать покупателя*), помещения, внутреннего пространства (*Впрочем, вспомню об одном впечатлении, не **выходившем у меня из памяти***). В памяти содержатся, хранятся, располагаются воспоминания (*Два года,*

проведённые в Рязани, оставили в моей памяти благодарное воспоминание), впечатления (В моей памяти сохранился лишь контраст впечатлений между севером и югом), эпизоды (Возвращение в Москву ознаменовалось для меня одним эпизодом, твёрдо оставшимся в памяти).

При помощи пространственных кванторов, например, наречия *близко*, выражаются сравнения, подобия (*Положение моё близко напоминало то, свидетелем которого я был, разъезжая по сёлам Македонии при турецком режиме*). Прошедшее время в русской языковой картине мира располагается позади идущего по дороге жизни (*Только теперь, обращаясь воспоминанием назад, я могу определённо сказать, в чём именно заключалась происшедшая во мне перемена*). Такая дорога – дальняя (*Сейчас же я заговорил об этом, чтобы взять с собой дальше одно трогательное воспоминание*). Воспоминания концептуализируются признаками спутника (*Пушкинские воспоминания отходили вместе в продажей в безвозвратное прошлое...; Пушкино сопровождает мои воспоминания во всех стадиях моего детства и молодости, вплоть до кончины матери*), проводника (*Но пушкинские воспоминания ведут меня и за эту грань, составляя к ней одно из серьёзных предисловий*). Время жизни делится человеком на периоды, эти периоды связаны с важными жизненными вехами (*Третьим классом гимназии заканчивается этот период моих школьных воспоминаний*). «Осознание себя всегда есть осознание себя в мире... Локализация себя в пространстве и времени предполагает, что деятельность человеческого сознания направлена не только на окружающий мир, но и на самого себя» [Дмитровская, 1991: 80].

Запас хранимых в сознании впечатлений концептуализируется через признаки древней письменности, связанной с деревом, берестой, иной растительной поверхностью, на которой отпечатывались знаки. Вегетативные признаки памяти проявляются в метафорах черт и рез (*Не было удержу его шалостям, и у меня врезался в память один эпизод, произведший впечатление на весь класс; Другой, более сложный моральный конфликт из первых годов гимназии врезался мне в память, вопреки моему желанию поскорее забыть о нём*), печати (*Это первое впечатление надолго запечатлелось в моей памяти; Ещё одно, третье, выступление в Москве запечатлелось от этих дней в моей памяти*). Память – это некая запись в душе,

уме или сознании, на «поверхности» которой запечатлены знаки (...Я разыгрывал – отчасти по нотам, а больше **по памяти**, – свои любимые мелодии, не боясь, что меня кто-нибудь услышит; А потом, **по памяти**, я узнал в нём – Азефа!). Заучивание наизусть описывается метафорами усвоения, перенесения этих знаков на «поверхность» своей памяти (Из римлян было у меня французское издание (с переводом) комедий Плавта и Теренция (прочитано), Гораций – несколько старых изданий с комментарием; из него я много **усвоил на память**...). Забывание, наоборот, есть утрата знаков с «поверхности» памяти (Наши первые впечатления от южного берега были очень сильны; но были так перекрыты последующими поездками в Крым, что совершенно **изгладились из памяти**).

Объектами памяти могут быть события (Я **помню**, как, получив книжку журнала летом на вокзале в Пушкине и не успев дойти до дачи, я поспешил разрезать лист журнала, чтобы посмотреть, как выглядит печатный лист моей статейки; **Помню**, после прений ко мне подошёл коренастый поляк с умным взглядом глаз и с энергичным выражением лица...), состояния и действия в прошлом (**Помню**, мы страшно стеснялись сделать шаг в чужом доме, и несколько дней, проведённых там, были для нас тяжёлым испытанием; ...Лес по ночам пугал нас всякими страхами, и я **помню**, как раз ночью простоял очень долго против голого ствола, простиравшего ко мне руки, – приняв его по крайней мере за медведя, если не за что-то более неведомое и ужасное; **Помню**, как в каком-то полусознательном состоянии опустился у дерева при дороге и так, в полусне, пролежал без движения, очнувшись только, когда солнце стояло низко над горизонтом и веял с Кампаньи прохладный ветерок), внешность близких людей (**Помню**, он имел бодрый вид – или бодрился – когда мать привела нас к нему за несколько дней до смерти), детские игры (**Помню** и нашу игру в «Лихо одноглазое», – след некоторого нашего знакомства с русским фольклором), помещения, с которыми связаны некоторые впечатления (**Помню** только большую, пыльную, неубранную комнату, заставленную скамьями и пюпитрами и представляющую единственный класс и чуть ли не единственное помещение пансиона. И то **помню** потому, что между уроками и по вечерам там происходили шумные игры учеников разных возрастов), эпизоды (Долго я не мог **вспомнить** об этом эпизоде без чувства стыда и горечи; **Припомни-**

наю один эпизод, смысл которого стал мне понятен только впоследствии; **Припоминаю** маленький эпизод на одном из деловых заседаний Вольного Экономического Общества), фотографии (Кое-кто ещё **помнит**, вероятно, фотографию многочисленных (235) членов съезда на фоне этого княжеского дворца), эмоции (И тут я **припоминаю** тяжёлое разочарование; Курсы новой, а особенно новейшей истории у нас казались почему-то обязательно ненаучными, и я **помню** наше общее неодобрение, когда такой курс (истории XIX в.) начал читать в Петербурге проф. Кареев), настроения (Я, например, **вспоминаю** одно из ранних стихотворных настроений), пристрастия (Как у меня зародилась любовь к ней [к музыке], я не **помню**, но любовь была страстная, и я пристал к отцу, чтобы он купил мне скрипку и пригласил учителя), чужие слова и ассоциации (**Вспоминаю**, что проф. Ключевский в частной беседе шутил, что рыбная ловля удочкой есть специальная привилегия духовного сословия, в противоположность привилегии дворянской – охоте на зверя и дичь с огнестрельным оружием. Там – простое, грубое убийство, говорил он, – здесь, напротив, жертве предлагается на выбор, брать или не брать приманку. Нужно искусство – склонить её к выбору; если клюнет, сама виновата), впечатления от чужих слов (**Помню** сильное **впечатление**, произведённое в его толковании «Апологии Сократа»; **Помню впечатление**, произведённое ответом после его прочтения в кружке), истолкования (Но, **помню**, в переписке того времени я так представлял себе смысл последней перемены царствований; Весьма смелые формулировки этих слабо замаскированных постановлений предстанут в надлежащем свете, если **вспомнить**, что под ними просто разумелось введение Учредительного Собрания и осуществления всеобщих выборов чем-то вроде «явочного» порядка),

Память не сохраняет некоторые образы (Я очень **смутно помню** образы учителей из первых трёх классов гимназии), причины некоторых событий (Я переживал свои внутренние волнения в секрете, и познал их остроту только тогда, когда на следующую вакацию семья и. поселилась в Сокольниках, а мне пришлось, **не помню** почему, остаться в московской квартире), начало и конец событий (Церковь, та же самая красная церковь Иоанна Предтечи, была близко. И в 10-12 лет я стал настоящим «дево́том». .... **Не помню**, как это пришло и как это кончилось), пути возвращения (Я **не помню** пути на-

шего возвращения и, вероятно, смешиваю эту экскурсию с соответствующей частью нашей поездки с Ф.И. Успенским), содержание чужих речей (Я **не помню** содержания довольно многочисленных речей на эту тему и моего заключительного слова; но на аудиторию всё это произвело то впечатление, которое потом не раз подчёркивал мне Борис Савинков, бывший тогда студентом и находившийся в числе присутствующих).

Одно из свойств памяти – сравнение (В ожидании, пока эти работы будут закончены, я решил воспользоваться промежутком времени, чтобы исполнить давнишнее своё желание – проехать в Нью-Йорк из Чикаго не прямым путём, а отклонившись на север, чтобы по крайней мере хотя поверхностно взглянуть на ландшафт Канады, который должен был **напоминать** наш русский север; Сильное впечатление произвело его заявление, долженствовавшее **напомнить** царю увещевания С.Н. Трубецкого). То, что хранится в памяти, сопоставляется с переживаемым (Чтение лекций было моей профессией, но я не **запомню** такого высокого уровня аудитории, как это было в Бостоне). Детали сравнения не всегда удерживаются в памяти (Но **не помню**, чтобы модернизм преобладал в выборе картин).

Память связана со словом. Эта связь прослеживается через многочисленные выделенные признаки памяти: воспоминания о прошедшем (К внешним впечатлениям, по-видимому, и перешёл весь мой интерес в эти годы, тогда как гимназию первых трёх классов мне нечем **помянуть**, ни дурным, ни хорошим: я относился к ней формально и небрежно), воспоминания о прочитанном (Я шутил над комизмом этой сцены вместе с другими, а **про себя вспоминал** то место из Гейне, где серьёзному поклоннику был предпочтен арлекин...), воспоминание об услышанном (Этот ответ я **помню буквально**), устное или письменное воспроизведение событий (Я **забыл упомянуть**, что на этих же берегах мы предпринимали с Черепниным экскурсии для нанесения на карту многочисленных прибрежных городищ), например, напоминание, рассказ о прошлом или возможном будущем (Но я должен вернуться к составу русской эмиграции, чтобы **упомянуть** ещё об одном видном члене её, Феликсе Волхонском; Забегая вперёд, к моей второй поездке в Загреб в 1908 году, **напомню**, что эта самая удачная политическая группа провела в 1906 г. первые удачные политические

выборы, а в 1908 г. составила уже большинство в местном сейме; Я уже **упоминал**, что оба элемента, земский и «освобожденческий», в равном числе отправились в Швейцарию основывать свой Союз; Я **напоминал** и о той общей опасности, которую провал левых грозил общему ходу революционного движения).

Воспоминания описываются метафорами книги (Чтобы пояснить это ощущение, которое суждено было испытать и мне, – как всем, попадающим в это положение, я позволю себе процитировать наблюдения надо мной И.В. Гессена в его **воспоминаниях** – как раз в тот момент, когда это раздвоение лица и имени начало совершаться; Дружественная характеристика этого кружка была дана его молодым участником В.А. Маклаковым в целой **книге воспоминаний**, посвящённых именно этому центральному вопросу...; В своих **«Воспоминаниях»** Витте подробно рассказал, как он собирал справки о политических настроениях и требованиях перед 17 октября; Из **воспоминаний** Д.Н. Шипова мы знаем, что «либерализм» Столыпина шёл и дальше), страниц книги (О моей политической реакции на попытку правительственной уступки после убийства Плеве я говорю на дальнейших **страницах** этих **воспоминаний**), древней книги (Переверну ещё один **истлевший лист** моих юношеских **воспоминаний**: мой первый выезд из Москвы в настоящую русскую провинциальную глушь), частей книги (Теперь, задним числом, я вижу, что это был вывод из всех предыдущих размышлений, изложенных кусками, с их внутренними противоречиями, в предыдущих **частях** этих **воспоминаний**); Я уже указал на важность этой **третьей части** моих **воспоминаний** о периоде жизни, связанном с домом Арбузова; Меня часто упрекали по поводу той **части** моих **воспоминаний**, которая была напечатана в «Русских записках» 1938-1939 гг. – и к которой я перехожу теперь, – что я слишком много говорил там о политике и слишком мало о самом себе), отдела книги (Этот **отдел** моих **воспоминаний** был бы неполон, если бы я не отметил, какую роль в нашей с братом эмансипации от семьи имели наши периодические выезды на дачу...; Ученье и подготовка к школе принадлежат к самым запутанным и хорошо забытым **отделам** моих **воспоминаний**), энциклопедии или репертуара (Это, так сказать, **энциклопедия** или сокращённый **репертуар** моих **воспоминаний**), материала для книги (Так, по крайней мере, сохранится,

хотя бы и разрозненном виде, возможно больше **материала воспоминаний**).

«Центральной проблемой когнитивной науки является соответственно рассмотрение соотношения когнитивных или концептуальных структур, т.е. структур знания, с их «упаковкой», т.е. объективацией с помощью языковых форм (при всем многообразии этих форм и противопоставления как по уровневому статусу форм, так и по их реальной протяженности, как по их составу, так и по способу их создания и т.п.» [Кубрякова, Александрова 1999: 193]. Все выделенные признаки концепта *память* указывают на несколько способов осмысления этого явления:

1. *Память* есть контролируемое и неконтролируемое явление (отсюда метафоры стихий при переосмыслении неконтролируемости *памяти*);

2. *Память* есть слово – устное или письменное (отсюда многочисленные метафоры книги и слова);

3. *Память* есть триада: способность – орган – функция.

4. *Память* у П.Н. Милюкова воспроизводится через категориальные признаки способности, дара, ресурсов/ имущества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриевская М.А. Философия памяти // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 78-85.

2. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте анализа слова *память* // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 85-91.

3. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной конференции. – М, 1999. – С. 186-197.

4. Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). – М.: Современник, 1990. – 446 с.

5. Словарь русского языка: в 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус, яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.

6. Туровский Е.В. Память в наивной картине мира: *забыть, вспомнить, помнить* // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 91-95.

© Пименова М.В., 2004

Стрельников А.М.
ОЦЕНОЧНЫЙ ПОРТРЕТ В. В. ПУТИНА В ДИСКУРСЕ

КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ ПРЕЗИДЕНТА В РОССИИ 2004 ГОДА

Политический дискурс в целом и дискурс президентских выборов в частности изобилует оценками. Оценочность можно назвать одним из основных стилиобразующих факторов агитационно-политических материалов. Она реализуется путем определенного отбора и классификации описываемых фактов действительности; внедрения фактологической информации в концептуальную, а также на основе использования специфических лингвистических средств оценивания и др. Этой общей закономерности в полной мере соответствует и рассматриваемый в настоящей статье нарратив «Президентские выборы в Российской Федерации 2004 года».

Существенный исследовательский интерес, на наш взгляд, представляют вербальные оценочные характеристики кандидата в ситуации президентских выборов. Структурировав их, можно выявить основные релевантные для электорального решения имиджевые характеристики претендента на высший государственный пост. В условиях ограниченного потребления информации избиратель зачастую принимает решение не на основании предвыборной программы, а рейтинговых, социальных, деловых, имиджевых и ряда других качеств кандидата.

Кампания по выборам президента 2004 года в России характеризовалась тем, что в самых различных средствах массовой информации она именовалась безальтернативной. Формально на пост главы государства выдвинули кандидатуры 7 человек: С.Ю. Глазьев, О.А. Малышкин, С.М. Миронов, В.В. Путин, И.П. Рыбкин, И.М. Хакамада, Н.М. Харитонов. Однако заработанный В. Путиным за четыре года управления государством кредит доверия не оставил его оппонентам никаких шансов на победу. Приведем типичную для предвыборного дискурса оценку избирательной кампании 2004 года: *В стране набирает обороты кампания по выборам президента, похожая на спектакль с заранее известным финалом. Согласно сценарию Главный герой, чье имя ни для кого не секрет, должен выйти на сцену в конце постановки и сорвать бурные аплодисменты, переходящие в овации. Кто-то из них подобострастно пытается поддержать Главного героя, хотя тот не нуждается ни в какой поддержке, кто-то тешит себя тем, что ему удастся оттяпать у фаворита часть мизерную, но часть голосов, а кому-то достаточно погреться в лучах его славы* (Масовка для Путина, О. Вандышева, В. Ворсобин, КП, 22.01.2004).

Представленное в настоящей публикации исследование оценочного портрета В.В. Путина построено на материалах печатных СМИ России. В данной области интерес представляли общенациональные издания, имеющие большой тираж, распространяемые по всей территории страны и размещающие свои материалы в Интернете. В настоящей работе не рассматриваются партийные и радикальные издания в силу их сугубо пропагандистского характера, а также малотиражные региональные издания в связи с небольшим числом их адресатов.

Выборка материала составляет 793 оценочных единиц и охватывает период с 5 января по 12 марта 2004 года (президентские выборы состоялись 14 марта). Обозначенный период характеризуется повышенной интенсивностью агитационной пропаганды и удовлетворяет цели исследования. В выборку вошли оценочные словоупотребления, относящиеся к различным аспектам деятельности кандидата. Все тексты характеризуются единой тематической направленностью (предвыборная агитация).

Объектом исследования настоящей статьи являются ситуации оценочного словоупотребления, актуализированные в рамках политического дискурса кампании по выборам президента в России 2004 года.

Предмет исследования – оценочный портрет кандидата в президенты В.В. Путина на материале российских СМИ.

Действующий на момент проведения выборов президент России Владимир Путин во многом воспринимался приемником своего предшественника на посту Б.Н. Ельцина. Это подтверждают частые упоминания в выборке термина «преемник»: *Следующий важный вопрос повестки дня – ревизия тезиса о **преемственности** путинской политики по отношению к ельцинской... Будучи официальным **преемником** первого [демократически избранного] президента России, Владимир Путин де-факто пришел к власти как лидер оппозиции Ельцину* (России пора распрощаться с Внешним управляющим, С. Белковский, КП, 19.01.2004); *Старик Путина благословил и даже сделал **преемником*** (Массовка для Путина, О. Вандышева, В. Ворсоби, КП, 22.01.2004). Заключение в термине «преемник» оценка В. В. Путина отчасти характеризует его не как борца за власть, а как традиционно назначаемого царем наследника. Ср.: *Он **не овладевал властью, не захватывал ее, но получил власть во многом случайно, почти вопреки собственной воле*** (по

некоторым сведениям, в свое время Путин дважды отказывался от мистической должности **Преемника**), из холеных рук коллективного Ельцина (Путин расстрелял золотой патрон, С. Белковский, КП, 01.03.2004). Метафорическая модель ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – это КОРОНАЦИЯ типична для российского политического дискурса [Каслова, 2003] и характеризует российский менталитет как монархиейезированный. Доказательством тому служит развернутая система метафор, сферой-источником которой является монархическая власть (быть избранным - венчаться на царство, управлять - царствовать, президент - царь, король, принц, вольный государь, президентский аппарат - двор, свита). Ср.: *Эти противоречия, одобренные историей восшествия Путина на престол, породили в нынешнем президенте жестокий кризис внутренней легитимности* (Путин расстрелял золотой патрон, С. Белковский, КП, 01.03.2004).

Процедура наследования в предвыборном дискурсе тесно связана с понятием преемственности. Ср.: *<Путин вынужден был избавиться> От премьера - пусть прекрасного, умного и достойного во всех отношениях, но - не выстрадавшего властной волей, а оставшегося в наследство от прародителей-предшественников* (Путин расстрелял золотой патрон, С. Белковский, КП, 01.03.2004).

Во многих СМИ отмечается, что, несмотря на большой срок давности, профессиональная деятельность Путина до вступления в большую политику наложила свой отпечаток на его оценочный портрет. Довольно часто для оценивания профессиональных качеств кандидата Путина используются упоминания его деятельности в органах КГБ и внешней разведки: *Два самых, пожалуй, затасканных штампа, применяющихся зарубежными критиками российского президента: во-первых, он бывший чекист...* (Когда-то и Буш был столь же популярен, как и Путин, С. Юрьев, КП, 30.01.2004); *Путин, хоть и плохой демократ, и холодный рыбоглазый чекист по происхождению, обязан обеспечить окончательный либеральный прорыв, используя свою исключительную популярность и практически ничем / никем не ограниченные полномочия* (России пора распрощаться с Внешним управляющим, С. Белковский, КП, 19.01.2004). Традиционное настороженно-отрицательное отношение большинства населения страны к деятельности спецслужб в советский период обусловило отрицательную полюсность оценки деятельности Путина до начала его политической карьеры (на страни-

цах печатной прессы Путин до сих пор «*сотрудник КГБ*», «*кагэбэшник*», «*чекист (холодный рыбоглазый чекист)*», «*эзбист*» со своей легендой, один из «*кровавых питерских чекистов*», «*двойной агент*»). Однако послужной список президента-кандидата – не исключение в мировой истории и никоим образом не понижает его рейтинг: *Возможно, потому у непредвзятого потребителя информации просто нет времени остановиться и задуматься: почему, к примеру, бывший цэрэушник Дж. Буш-старший на посту президента США - это было демократично, а бывший кагэбэшник Путин на посту Президента России - нет?* (Когда-то и Буш был столь же популярен, как и Путин, С. Юрьев, КП, 30.01.2004).

Однако, несмотря на богоборческое идейное прошлое, печатные СМИ порой делают акцент на высоком духовном облике Путина и его религиозности: *На этот раз ВВП впервые читал нараспев некоторые молитвы - вместе с церковным хором и верующими. Пожилая женщина удивилась: «Значит, с детства их знал? Может, раньше стеснялся молиться?»* (Президент посмотрел, на чем стоит Россия, А. Гамов, КП, 09.01.2004).

Высокий моральный облик кандидата в президенты В.В. Путина прекрасно соотносится с безупречной внешностью. Внешний облик, спортивное телосложение и стиль одежды кандидата всегда привлекают внимание электората, особенно женской его половины. Еще в дискурсе предвыборной кампании 2000 года активно эксплуатировался образ Путина как здорового, физически выносливого человека без вредных привычек, занимающегося дзюдо и горными лыжами. За четыре последующих года управления страной имидж здорового, никогда не болеющего (в отличие от предшественника) спортсмена надежно закрепился за Президентом В.В. Путиным. В предвыборной кампании-2004 журналисты особо не акцентировали аксиоматичную здравость президента, а закрепляли образ как бы проходя, невзначай: *Как каждому спортивному мужчине, ВВП идут свитеры и спортивные костюмы, в том числе лыжные и кимоно. Причем, как настоящий ас, лыжные костюмы он может себе позволить даже дерзко красные* (Как одевается Путин? Л. Кафтан, КП, 11.03.2004); *Свободное время я провожу в спортивном зале. Либо прогуливаюсь на лошади, но это случается редко* (Президент РФ Владимир Путин: Почему Ельцин выбрал меня, остается большой загадкой, А. Гамов, Л. Кафтан, КП, 12.03.2004).

За стилем одежды кандидата в президенты следили, главным образом, женщины-корреспонденты. Ср.: *Отчасти консерватор, отчасти либерал в политике, Путин такой же и в одежде; Его никто не видел в ультрамодных костюмах, сорочках и галстуках; Зато в неформальном стиле одежды Путин с лихвой компенсирует вынужденную деловую строгость; Путин ввел в «высшую» моду (не путать с Высокой) куртки с капюшоном, которые до него руководители страны не носили. Пресса тут же окрестила путинские куртки предвыборными; Хотя сейчас у ВВП пальто более изысканные. По словам топ-менеджеров одной известной европейской линии одежды, Путин носит пальто от «Нины Риччи», кстати, не самой дорогой марки (Как одевается Путин? Л. Кафтан, КП, 11.03.2004).* Оценка стиля одежды В. В. Путина лежит в области положительного полюса, однако иногда не обходится без критических замечаний: *Пожалуй, только единожды он вызвал некоторое недоумение общественности: на церемонии инаугурации в мае 2000 года новоизбранный президент шел по кремлевским коврам сквозь частокол гостей в коротковатых брюках... Правда, при этом рукава у путинского пиджака были не в пример брючинам слишком длинными. Так выглядят подростки за лето старшеклассники, которым родители не успели справиться новый костюм к 1 сентября (Как одевается Путин? Л. Кафтан, КП, 11.03.2004).* Оценки состояния здоровья, внешнего облика и стиля одежды кандидата составляют значительную часть оценочного портрета кандидата. Будучи активно тиражируемыми в электронных и печатных СМИ они способны повлиять на итоговые результаты выборов.

В газетном дискурсе накануне даты всеобщего голосования все чаще встречаются прогнозы и рейтинги кандидатов. Агрессивно навязываемый рейтинг кандидатов, на наш взгляд, представляет собой эффективный механизм манипулирования. Представляется, что российский обыватель подсознательно делает выбор в пользу наиболее «рейтингового» кандидата, так как не испытывает желания идти в разрез с мнением большинства соотечественников и становится «чужим» среди своих. Принимая во внимание тайный характер процедуры голосования, подобное «нежелание отчуждения» представляется весьма искренним. Однако политический рейтинг – показатель не абсолютный и не всегда отражает истинное лицо кандидата. На изменение рейтинга могут влиять такие факторы, как особенности

составление рейтингового опросника, частотность упоминания кандидата в СМИ, удачно выбранный имидж, непопулярные профессиональные решения и действия, «слив» черного PR и другие.

Еще одна цель агрессивной экспансии прогнозов и рейтингов на страницах печатной прессы и электронных СМИ – поддержание репутации издания, рейтинговой службы, авторитета политолога или политика, делающего прогноз, в случае совпадения результатов выборов с заранее сделанными ими предсказаниями. Однако даже в противном случае ситуация остается бесприоритетной: репортер или политолог, аргументировано агитируя в пользу определенного кандидата, формирует у адресата положительное мнение о самом себе. Да и кто вспомнит скромно сделанный неподтвердившийся прогноз после триумфальной победы всенародно любимого кандидата?

Рейтинг Владимира Путина в последней президентской кампании превышал его же собственный рейтинг кампании 2000 года: *А какими еще могут быть выборы, когда у одного из кандидатов рейтинг зашкаливает за 70%?* (Комитет 14-ти: демократия в надежных руках? Е. Мячин, КП, 22.01.2004); *Фамилия премьер-министра может чуть-чуть добавить к рейтингу Путина или чуть-чуть убавить, но по большому счету ничего не изменится* (Конец боярам? Е. Анисимов, КП, 25.02.2004); *...поскольку у президента такой высокий рейтинг, что делать специальные популистские или пиаровские акции ему просто незачем и даже излишне.* (Путин подводит черту под компромиссом с элитами, Л. Кафтан, КП, 01.03.2004). На протяжении всей президентской гонки рейтинг кандидата Путина был очень высоким и стабильным, не оставлявшим остальным кандидатам шансов на победу. С другой стороны, подобная ситуация угрожала срывом выборов. Большая часть путинского электората, осознавая детерминированность итогов выборов, могла не прийти 14 марта на избирательные участки и не обеспечить тем самым нужного процента явки избирателей.

Помимо рейтингов, печатаемых на страницах газет, можно вывести особый рейтинг *оценочной популярности кандидата* в средствах массовой информации. Методика его составления заключается в сопоставлении совокупности оценочных словоупотреблений, относящихся к кандидатам, в течение определенного периода времени. Учитывая сугубо оценочную природу

агитационного дискурса, отметим, что рейтинг оценочной популярности находится в прямой зависимости от частотности упоминания кандидата в СМИ. В процентном соотношении данный рейтинг по материалам выборки представлен на рисунке 1:

Рис. 1. Рейтинг оценочной популярности кандидатов

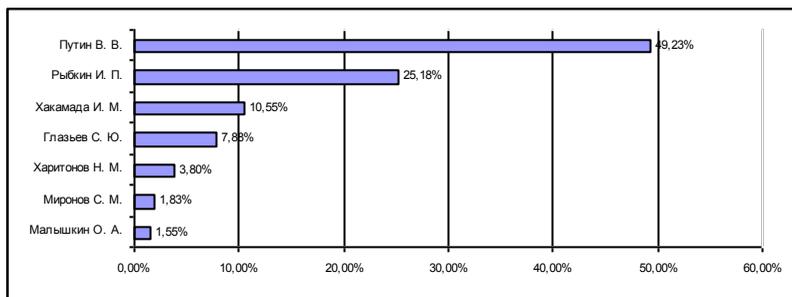

Диаграмма оценочной популярности дает наглядное представление о неравномерности распределения оценочных словоупотреблений. Высокую популярность В.В. Путина в текстах СМИ можно объяснить, с одной стороны, тем, что он был действующим президентом, не ушедшим в положенный предвыборный отпуск; с другой стороны – административными ресурсами, которыми он мог воспользоваться. Однако, на наш взгляд, на выбор электората повлияло именно частотное и качественное (положительное) доминирование информации о В.В. Путине.

В контексте оценочного рейтинга кандидата в СМИ интересным примером является скандальная ситуация с таинственным исчезновением И.П. Рыбкина, повлекшая снятие кандидата с предвыборной гонки, но кардинальным образом повлиявшая на рост его оценочного рейтинга.

В дискурсе президентской кампании 2004 года в России рейтинговые показатели доводились до сознания адресата в удобоваримой метафорической форме. Согласно Дж. Лакоффу, абстракции и сложные ситуации становятся понятны посредством метафоры. Существует расширенная, и по большей части бессознательная метафорическая система, которую мы используем автоматически и неосознанно для понимания сложных концептов [Лакофф, Джонсон, 1990]. В предвыборном дискурсе 2004 года активно эксплуатировались метафоры с широким диапазоном сфер-источников (спорт, монархичность, механизмы, война, механизмы и др.), однако самыми количественными явились

театральные метафоры. Ср.: **Главный герой Владимир Путин. Роль: наше все. Предыдущие роли: снимался в шпионском кино про русского резидента в Германии. Сыграл так хорошо, что остался незамеченным. Затем служил в Смольном. Придворный актер** Бородин заметил в Путине талант и познакомил **начинающего актера с народным артистом всея Руси Борисом Ельциным**. ... Особенно Путину удался **спектакль «Мочить в сортире»**, **восхищенные зрители** вспомнят и цитируют его до сих пор. **Лучшая реплика: «Россия может подняться с колен и как следует огреть»**... **Финал: все соперники в нокауте. Бурные овации, вызовы на «бис», брызги шампанского** (Массовка для Путина, О. Вандышева, В. Ворсоби́н, КП, 22.01.2004).

На наш взгляд потенциально максимальной эффективностью по уровню воздействия на адресата обладает именно имплицитная метафорическая оценка. Она приобретает личностную значимость для адресата, так как зачастую воспринимается без критического осмысления. Явную эксплицитную оценку адресат склонен подвергать критике и либо принимает, либо отвергает, либо маркирует как спорную. Скрытая оценка воспринимается и присваивается адресатом на суггестивном, эмоциональном уровне. У адресата складывается впечатление, будто он сам пришел к предлагаемым автором оценочным выводам.

Адаптировав предложенную Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1999] частнооценочную классификацию применительно к политическому дискурсу кампании по выборам президента, мы проанализировали всю совокупность вербальных оценок В. В. Путина в обозначенный период и получили следующий оценочный портрет кандидата:

1. Оценка рейтинга и шансов на победу – 19,31%;
  2. Морально-этическая оценка – 17,23%;
  3. Интеллектуальная оценка – 3,98%;
  4. Эстетическая оценка – 11,29%;
  5. Утилитарная оценка – 3,32%;
  6. Нормативная оценка – 14,28%;
  7. Телеологическая оценка (*удачливый-неудачливый*) – 1,32%;
  8. Оценка опыта и профессиональной компетенции – 19,26%;
  9. Оценка политической силы, статуса – 9,96%.
- Исходя из гипотезы о том, что в условиях ограниченного ли-

бо управляемого потребления информации электоральное решение складывается (в основном) на основании оценочного портрета кандидатов, создаваемого СМИ, можно прийти к выводу о наиболее релевантных для электорального решения чертах оценочного портрета кандидата. В дискурсе российской президентской кампании в марте 2004 важнейшую роль сыграли такие доминирующие качества кандидата В.В. Путина, как профессиональный опыт и компетентность, высокий рейтинг популярности у населения и высокий морально-этический облик.

В целом оценочный портрет Владимира Путина в нарративе «Президентские выборы в России – 2004» многогранен. В настоящей статье мы рассмотрели лишь базовые его черты. Особенностью оценочного портрета В.В. Путина явились его полнотелность и человечность. Перед своим электоратом Путин предстает как сильный, справедливый, умный, красивый правитель, с изрядной долей божественности, выраженной в непогрешимости. Лишь 8,5 % оценочных словоупотреблений, характеризующих кандидата Путина лежат в области отрицательного полюса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999.
2. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания.-1985. – № 3. – С. 4-6.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Екатеринбург-Омск, 1999.
5. Каган М. С. Философская теория ценности. – СПб.: Петрополис, 1997.
6. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) Автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.
7. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Тверь, 2002.
8. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003.
9. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001.

10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.– Волгоград, 2000.

© Стрельников А.М., 2004

Сурина А.В.

**МЕТАФОРЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «НАСИЛИЕ»
В МЕМУАРАХ Б.Н. ЕЛЬЦИНА**

В последнее время при изучении процесса метафоризации в языке и речи особое внимание обращается на потенциал метафоры как способа представления и осмысления действительности. Именно этот аспект взят нами за основу при исследовании метафоры со сферой-источником «насилие» (в том числе военной метафоры). Исходя из когнитивного подхода к исследованию сущности вторичной номинации, можно привести справедливое замечание Дж. Лакоффа, что «переплетение метафор, лежащих в основе мысли, формирует когнитивную карту – сеть понятий, организованных в терминах, которые обозначают абстрактные понятия в когнитивном физическом опыте субъекта и его отношении к миру». Сам же процесс метафоризации рассматривается как перенос из области-источника в область-цель, то есть понимания одной области происходит через призму другой [Панченко, 1999: 173].

К числу важнейших функций метафоры в речи относятся эмоциональное воздействие и моделирование действительности [Слово в действии, 2000: 126]. При изучении функционирования метафорических сочетаний в политических текстах можно отметить проявления и той, и другой функции. В политической сфере, представляя свой политический опыт в виде предметов, люди получают возможность рассуждать о них, оживляя метафору, наполняя ее новым образным содержанием. В этом выражается стремление сделать высказывание эмоционально воздействующим.

А.Н. Баранов, говоря о дискурсной судьбе метафоры, отмечает: «В политическом дискурсе метафоры оказываются наиболее часто цитируемой составляющей, которая дает не только тему обсуждения, но и ее предварительную оценку» [Баранов, Караулов, 1991: 136]. Авторы работы о парламентских дебатах полагают метафоричность современного российского политического дискурса совершенно естественной, так как когнитивная сила метафоры делает ее инструментом при поиске решений [Баранов, Казакевич, 1991: 46], т.к. метафора является показа-

телем кризисного мышления, мышления в проблемных ситуациях.

Политический дискурс актуализирует ценностные ориентации, которые в современном русском общественном сознании чаще всего представлены оппозициями. Понимание новых и переоценка старых ценностей, как правило, происходит с помощью когнитивных метафор.

В политической сфере, влияя на способ познания действительности, метафоры часто становятся «орудием агитации», так как сохранение и развитие оценочности в метафоре как нельзя лучше соответствует психологической основе агитационного воздействия на реципиента, создают общественно-политический ландшафт с применением красок, соответствующих подлинным или конъюнктурным взглядам их автора [Методология исследований политического дискурса, 1998: 214].

Мемуарные произведения как материал для изучения метафорических выражений нами выбран не случайно, т.к. достаточно закономерным, на наш взгляд, является возросший интерес российских политических деятелей к созданию литературы автобиографического содержания на фоне всеобщего «мемуарного бума».

Политические мемуары представляют некую разновидность мемуарного жанра, обладающую особенностями, которые обусловлены сферой деятельности авторов. Несмотря на несколько скептическое отношение некоторых исследователей к такого рода литературе интерес читателей к ней стабильно активен, так как их привлекают подробности частной жизни «власть имущих». Политические мемуары также «способствуют раскрытию особенно деликатной стороны партийной и государственной жизни, помогают под несколько иным, пусть не очень привычным, углом зрения взглянуть на некоторые проблемы функционирования механизма власти» [Искендеров, 2001: 18].

Конечно, политические мемуары не претендуют в большинстве случаев на глубину изложения, на художественное мастерство, так как их автор далек от такого рода деятельности, но они отвечают своим целям, которые изначально ставит перед собою автор-политик. Часто это не только подведение итогов или личностная трактовка политических событий, а прием, отвечающий основной цели политики – завоевать и удержать власть. Политический деятель, следуя «мемуарной моде», выступая на новом поприще, иногда ставит цель, тем самым, поднять свой рей-

тинг, несколько «освежить» имидж или изменить его, открывает завесу до этого неизвестных политических фактов, а в особенности своей личной жизни. Представленный в мемуарах как человек вполне «земной», а не из заоблачной политической «выси», автор-политик становится более «зримым», реальным и доступным для своего читателя, а в будущем – избирателя. Успех мемуаров, достижение поставленной политиком цели, зависят от его способности передать те моменты своей жизни, осветить те темы, которые для его читателя будут тоже актуальны. Но доступными должны быть не только темы, затронутые в мемуарах, но и языковые средства, которые использует автор при создании текста.

Из огромного потока воспоминаний политиков мы выбрали мемуарное творчество Б.Н. Ельцина, так как оно представляет собой богатый материал для изучения метафорических моделей. Первый российский президент издал три книги своих воспоминаний: «Исповедь на заданную тему», «Записки президента», «Президентский марафон». Все они посвящены определенным этапам его политического пути. Выбор именно этих произведений обусловлен также и достаточным интересом читателя к этому политическому деятелю, сыгравшему столь неоднозначную роль в судьбе России.

Объектом нашего внимания стала, прежде всего, метафорическая модель со сферой-источником «насилие», доминирующая в мемуарах Б.Н. Ельцина, термины которой он использует при осмыслении политической реальности. Метафоры этого фрейма образуют единое целое, поэтому их можно использовать как средство реконструкции авторских интенций. Значительную часть из числа выбранных нами метафор составляют милитарные метафоры. Исследователи в этой области Дж. Лаккофф и М. Джонсон отмечали, что «война – это политика другими средствами». Но, на наш взгляд, справедлива несколько иная трактовка этой позиции: политика – это война другими средствами.

Милитаризацию политического мышления можно рассматривать как наследие идеологии. Война как явление, участвующее в формировании менталитета российского общества является удачной сферой для передачи политических конфликтов и столкновений, напоминающих военные действия. Поэтому обращение к милитарной метафоре обусловлено ее доступностью и близостью сознанию российского читателя.

Прежде чем перейти к анализу смысловых групп метафорических сочетаний, то важно отметить, что подавляющее большинство метафор в мемуарах Б.Н. Ельцина являются узуальными, они и составляют основу метафорики политического дискурса вообще. Они привычны, понятны и более соотносятся с массой коллективной психики, символизирующей связь индивида и общества. Речевая стратегия политика должна быть подчинена принципу доступности для слушателей или читателей, а потому изобиловать легко воспринимаемыми метафорами.

Окказиональные же метафоры, по словам А.В. Степаненко, для достижения желаемого прагматического эффекта не могут присутствовать в тексте в большом количестве, иначе их ценность снизится [Степаненко, 2001: 6-15].

В мемуарных произведениях российского президента можно встретить необходимые атрибуты военной обстановки, перенесенные в политическую сферу. Политическая арена часто превращается в поле военных действий, имеющее свои фланги («Его «полоскали» со всех флангов», «Ожесточенная борьба с демократами на одном фланге могла не самортизировать»). Например, «штаб» по своему прямому значению должно выполнять организаторскую функцию, координируя военные действия. Но, перенося это значение в политическую сферу, автор дает ему негативную оценку: «штаб – сплошная склока, никакой стратегии нет». Любые разворачивающиеся военные действия предполагают выбор цели и средств ее достижения, т.е. оружия. В политике мишень могут представлять различные субъекты властных отношений: конкретные политические деятели, партии, фракции. Ее выбор зависит от масштаба разногласий и политической цели «противников». («Выбор мишеней» в правительстве ясно показывает, какие силы участвовали в сговоре парламентских фракций»; «Он [Чубайс] был желанной мишенью и для коммунистов»; «...ставший для шахтеров политической мишенью премьер [Кириенко] побежден не без их прямого участия»).

В своих мемуарах Б.Н. Ельцин представляет богатый арсенал оружия разной степени сложности: от простого (дубина, нагайка, нож, копье, пороховая бочка) до более совершенного (бомба, мина). И, соответственно, распространены метафоры производных от различных видов оружия, действий. Например, действие мины или бомбы образует появление метафор со словами «взрыв», «взрываться», «разминировать»: «в этот мо-

мент происходит в государстве почти направленный взрыв»; «*то, как предлагалось обменивать деньги, конечно, взорвало общество*»; «*Для того, чтобы разминировать ситуацию – необходимо было изменить схему наших взаимоотношений.*». В тексте приведен лишь один пример, подтверждающий, что одним из самых приемлемых средств воздействия в политике является слово («*Начал читать текст и понимал, что каждое слово попадает в цель*»).

Участниками «военных действий» становятся «бойцы» «эшелона политиков» («*скорее надо, чтобы пришел во власть второй эшелон политиков*»). В таких условиях действует закономерность: плохой политик – плохой боец («*мое первое ощущение от его \ Кириенко\ слов было хорошим – боец!*»; «*Степашин не способен стать политическим бойцом*»). Политические деятели, выстраивая «бастионы» («*отставка Примакова произошла...быстро, виноваты...те, кто собирался возводить между нами какие-то политические бастионы*»), сооружая баррикады («*Я очень рад, что теперь мы можем не обращать внимание на то, кто из нас по какую сторону политических баррикад*»), выполняют «военные маневры» разной сложности.

Политические метафоры могут представлять непродолжительные по времени действия: штурм («*я решил брать трибуну штурмом, а («Начал атаку [Лебедь] на министерство внутренних дел*»; «*Возможно будет полное отторжение и даже ответная атака со стороны Примакова*»), схватка («*Коммунисты ожесточенно готовились к предвыборной схватке*»; «*Последняя схватка за политический выбор страны*»), сражение («*Все участники политического процесса были готовы к решающему сражению*»), бой («*тогда я и моя команда находились в ожидании «последнего боя*»; «*Не хватило у меня опыта, чтобы дать решительный бой загнивающей партийно-бюрократической системе.*»). Но все же более часты примеры масштабных военных действий. Например, концепт «борьба» («*Ожесточенная борьба с демократами на одном фланге могла не самортизировать.*»; «*Будущее без войны, без конфронтаций, без угрюмой борьбы систем и идеологий*») и, в особенности, «война» («*Когда же прекратиться эта война компроматов?*»). Надо отметить, что концепт «война» в мемуарных текстах Б. Ельцина часто напрямую не связывается с политической сферой, а принадлежит к «околополитическим», например,

к экономической: «озлобившиеся шахтерские регионы, начавшие «рельсовую войну» с правительством»; «Грянула война банков». Распространено употребление слова «война» в прямом его значении, но ее действие представлено в метафорическом смысле. Например, «Пожар войны на бывших окраинах России лизнул и ее сердце – Москву» или «Война и террор стояли на нашем пороге». К слоту «военные действия» мы отнесли метафорическое сочетание «уйти в партизаны»: («Директорский корпус ушел в партизаны»).

Встречаются метафорические сочетания, говорящие об окончании военных действий: «зализывать раны» («Зализывать раны не было времени»), «обезоружить» («Я обезоружил депутатов своей твердой решимостью»), «победа» («Победа [на выборах] была с привкусом лекарства»).

Концепт «война» мы рассматриваем в контексте общего фрейма «насилие», т.к. это взаимосвязанные явления: война всегда предполагает насильственные действия. Хотя насилие не всегда связано с войной, но, как и военные столкновения, оно несет жестокость, боль и кровопролитие. К этой метафорической модели мы отнесли примеры, относящиеся к фрейму «террор». Например, нам встретилось сочетание со словом «заложник»: «Время показало: он оказался заложником этой борьбы»; «...все мы оказались заложниками красивой формулы: армия вне политики.»).

Нередко обозначают насильственные действия метафорические сочетания с исходным значением физического воздействия: «подножка» ([Коржаков] «в самый тяжелый момент моей жизни решил подставить мне подножку»), «удар» («удар в спину», «удар по безопасности страны», «удар по болоту в стране») и производное от него «ударить» («ударить по авторитету президента», «кризис ударит по России»). Эти примеры можно отнести к выражению единичного насильственного действия. Более продолжительными по времени являются сравнение политических противостояний с дракой или склокой. Например, «Там, в Москве происходит какая-то драчка»; «Надо драться за свои поправки, за своих министров, за дополнительные полномочия, за референдум»; «...втягивание гайдоровского правительства в жутчайшую идеологическую склоку». Также очень употребительны метафоры, включающие слово «травля» и производные от него, которые, скорее, можно отнести к зооморфной метафорической модели [Чудинов, 2004:

140]. Мы отнесли эту метафору к концепту «насилие», т.к. она передает враждебные настроения, агрессию в структурах власти: «Среди закономерностей лета 99-го я хочу назвать еще две. Первая – травля президента»; «Я боялся создать атмосферу склочной травли»; «Меня травлили всегда»).

Отметим еще две метафоры, связанные с насильственными проявлениями: «давить» («Да, я давил, давил на них, не давая возможность засомневаться») и «насилловать» («милицию «насилывали требованиями»»).

Насильственные действия имеют страшную закономерность оборачиваться «кровавыми последствиями». Метафоры со словами «кровь», «кровавая» часто встречаются в тексте мемуаров бывшего президента: «Ярко-красная часть Думы жаждала крови. Моей крови.»; «Однако двое последних [Крючков и Пуго] ясно понимали: залезть в кровавую кашу легко, труднее из нее выбраться».

Подводя итог проделанной работе по исследованию формирования метафорических моделей, где сферой-источником является понятие «насилие», следует отметить, что «военная машина» властных отношений работает без перебоя, проводя «баталии», неся потери и снова восполняя их из постоянно прибывающих «эшелонов» политических деятелей, где вследствие военных маневров и насильственных действий данная сфера (сфера-цель) приобретает «кровавые» оттенки. К этому выводу нас подводит доминирующие в мемуарном творчестве первого российского президента метафорические сочетания со сферой-источником «насилие», которые складываются в единую картину развернутых военных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. - Свердловск, 1990.
2. Ельцин Б.Н. Записки президента. – М., 1994.
3. Ельцин Б.Н. Президентский марафон. – М., 2000.
4. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М., 1991.
5. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М., 1991.
6. А.Искендеров «Мемуарная лихорадка». – Вопросы истории. – 2001. – №9. – С.20-31.
7. Методология исследований политического дискурса. Вып. 1. – Минск, 1998, С.214-221.

8. Панченко Н.Н. Метафорическое осмысление лжи и обмана/ В сб. Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград, 1999, С.173.

9. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. – СПб., 2000, С 126-147.

10. Степаненко А.В. Лингво-когнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе. Автореф. канд.дис. – М., 2001, С. 6-15.

11. Феденева Ю.Б. Функции метафоры в политической речи. / Художественный текст: структура, семантика, прагматика. – Екатеринбург, 1997, С.180 – 185.

12. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале. – Екатеринбург, 2004, с.140.

© Сурина А.В., 2004

Телешева И.В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ КАК СФЕРА-МАГНИТ ДЛЯ МОРБИАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СМИ

Современный человек живет в условиях постоянного речевого воздействия, оказываемого на него СМИ. Одним из сильных средств такого воздействия служит метафора, которая с когнитивной точки зрения является не просто образным средством, а способом познания, структурирования и объяснения мира, имеющим значительный прагматический потенциал. Человек мыслит метафорами, создавая с их помощью мир, в котором живет. Как подчеркивают Дж. Лакофф и М. Джонсон, наша понятийная сфера носит преимущественно метафорический характер, наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой [Лакофф, Джонсон, 1990: 387].

Процессы метафоризации – это «специфические операции над знаниями, часто приводящие к изменению онтологического статуса знания (неизвестное становится известным, а известное – совершенно новым и т.п.)» [Баранов, Караулов, 1991: 185]. Метафора связывает две понятийные сферы, одна из которых (сфера-источник) хорошо структурирована и известна участникам коммуникации, а другая (сфера-мишень) требует категоризации, объяснения, концептуализации. Поскольку в вербализации знания участвуют, как правило, прототипические, хорошо освоенные в когнитивном и коммуникативном опыте ментальные

единицы, изучение метафоризации может показать, какие фрагменты действительности представлены наибольшим количеством концептов, и определить наиболее активные способы их языковой репрезентации.

Изучение процессов метафоризации в политическом дискурсе является одним из перспективных направлений когнитивной лингвистики (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, М. Джонсон, Ю.Н. Караулов, Дж. Лакофф, А.П. Чудинов и др.). Метафора, являясь полифункциональной единицей, наряду с инструментальной, когнитивной и моделирующей функциями обладает богатым прагматическим потенциалом – способностью воздействовать на адресата, подсказывать и настраивать на определенный тип решения и поведения. Как отмечает А.А. Каслова, метафора – это «особого рода когнитивный процесс, нацеленный на генерирование нового знания, структурирующий «промежуточный мир» представителей лингвокультурного сообщества» [Каслова, 2003: 5]. Метафора помогает смоделировать окружающий мир человека, предлагая ему определенный способ категоризации действительности, порождая соответствующий эмотивный эффект, которые, в свою очередь, оказывают влияние на мотивацию и направленность человеческой деятельности.

Особенностью политического дискурса на современном этапе является его опосредованность *средствами массовой информации*. Происходящие в настоящее время изменения в экономической, политической и культурной жизни находят отражение в языке масс-медиа, особенно прессы. СМИ являются важнейшим участником политической коммуникации, и исключение материалов СМИ из анализа значительно обеднило бы картину современного политического дискурса.

В текстах СМИ отражается специфика восприятия действительности носителями той или иной культуры, иными словами, они отражают особенности культурной картины мира как преломления реальной картины мира через призму понятий, сформированных на основе представлений человека. В материалах СМИ появляются и закрепляются новые реалии, именно они оказывают определяющее влияние на формирование общественных взглядов, мнений, на восприятие окружающей действительности и, как следствие, на формирование культурной картины мира, которая, в свою очередь, обуславливает способ выражения той или иной идеи, того или иного концепта. Как отмечает Е.И. Шейгал, именно благодаря СМИ граждане предстают в ро-

ли свидетелей, наблюдателей политических событий [Шейгал, 2000: 61].

В нашем представлении изучение концептуальной политической метафоры в дискурсе – это прежде всего исследование степени воздействия разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических и иных факторов на национальную систему концептуальных политических метафор. В этом ракурсе метафора предстает как результат образного видения мира и образного мышления. Подтекст образа, усиливая «энергию» публицистического текста, увеличивает эффективность его воздействия на читателя.

Основная цель политической речи – это изменение представлений адресата о политической реальности, своего рода переконцептуализация политического мира. Одно из важных средств такой переконцептуализации – метафорическая модель, которая позволяет либо выделить какой-то аспект проблемы, сделать его более значимым, либо, наоборот, отвлечь от него внимание общества, показать какой-то вариант развития событий как совершенно невозможный.

Когнитивная лингвистика анализирует метафоры с позиций метафорического моделирования, сущность которого состоит в раскрытии имплицитных параллельных значений, дополнительных к эксплицитно выраженному смыслу метафорических высказываний. Разработки в этой области знания затрагивают достаточно широкий круг вопросов, одним из которых является анализ активно функционирующих в политическом языке метафор.

Сопоставительные исследования процессов метафоризации способны выявить общие черты в политической метафорической картине мира, сходства в образе мышления представителей различных лингвокультурных сообществ, позволяющие констатировать наличие базовых, универсальных метафорических моделей, каждая из которых представляет ту или иную денотативную сферу, используя при этом лексику, относящуюся в первичном значении к совсем иной сфере. Сопоставление закономерностей метафорического моделирования политической картины мира в политических дискурсах различных стран «позволит, с одной стороны, лучше разграничить закономерности, общие для всего цивилизованного мира или какой-то его части, а с другой – специфические признаки того или иного национального политического дискурса» [Чудинов, 2003: 182].

Для современного политического дискурса характерно мно-

гообразии метафорических моделей, отражающих современную действительность. Наиболее типичными источниками метафорической экспансии становятся сферы, изначально наиболее структурированные в представлении человека, в его обыденной картине мира. Так, в агитационно-политической речи прошлого века широкое распространение получила метафорическая модель «Общество – это здоровый/больной организм», которая характерна не только для Российского, но и для американского политического дискурса. Образы больного организма, объединены концептуальными векторами агрессивности, тревожности, отклонения от естественного порядка вещей, что отражает «безысходность, дурные предчувствия», «представления о неправомерности и недопустимости существующего положения» [Чудинов, 2001: 67]. Прагматический смысл морбиальной метафоры можно определить следующим образом: экономика, как и вся политическая ситуация в США и России, напоминает больного, которому требуется немедленная медицинская помощь, в противном случае может наступить летальный исход. Соответственно субъекты политической деятельности репрезентируются как врачи, лекари, призванные залечить раны или исцелить больной организм.

Многочисленные исследования морбиальной метафоры (А.А. Каслова, Е.В. Колотнина, С.Н. Муране, А.П. Чудинов, Т.В. Шмелева и др.) позволяют признать ее «фактом современного культурного сознания», в связи с чем, можно предположить, что это явление носит не просто национальный, а «более общий, если не глобальный характер» [Шмелёва, 2001: 5]. По мнению С.Н. Муране, «медицинские» метафоры используются в политическом дискурсе для концептуализации, как правило, общественно-политических явлений, свойственных определенному этапу в жизни общества [Муране, 2002: 135]. Иными словами, метафора болезни носит, скорее, окказиональный, чем системный характер.

С другой стороны, важно подчеркнуть, что морбиальные метафоры (известные еще как «медицинские») очень традиционны, в частности, они активно использовались еще в литературно-критических статьях и публицистике XIX века. В середине 20 в. «медицинские» метафоры стали языковыми, на первый план в значении выступил оценочный элемент, что привело к преимущественному использованию их в газетно-публицистическом стиле [Солганик, 1981: 78].

Для описания метафорической модели «Общество – это здоровый/больной организм» в настоящем исследовании используются когнитивные категории фрейма, слота сценария, заимствованные из теории представления знаний. Фрейм является описанием типизированной ситуации, состоящим из слотов. Слоты представляют собой элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. В отличие от фрейма, сценарий – процедурный способ представления стереотипного знания, который формулируется в терминах алгоритма и представляет собой последовательность ситуаций, типичных для той или иной модели.

В соответствии с представлениями современной когнитивной семантики метафорическое моделирование – это средство постижения и оценки какого-либо фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к иной понятийной области при наличии эмоционально-смыслового компонента, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц.

Морбиальная метафора может быть представлена следующими фреймами: «Пациенты и медицинский персонал», «Виды болезни», «Причины болезни», «Симптомы болезни», «Способы лечения», «Состояние пациента».

Рассмотрим фреймово-слотовую структуру модели «Общество – это здоровый/больной организм» в российском и американском политическом дискурсе.

1. Фрейм «Пациенты и медицинский персонал»

Слот 1.1. Пациенты

Очень часто экономика, политические структуры, отдельные регионы, отрасли хозяйства как России, так и США метафорически обозначаются как *больной организм* или *пациент, которому требуется срочное лечение*.

- *Congress starts a new session this week, and the patient before Frist is his own party...* (Time, Jan.13, 2003).

- *На этой неделе Конгресс начинает новую сессию, и пациентом для Фриста станет его собственная партия.*

- *America's ailing economy will make life hard for the Republicans* (The Economist, Nov. 9, 2002).

- *Больная экономика Америки осложнит жизнь Республиканцам...*

- *Российскую систему здравоохранения пора лечить* (О. Дюбанкова, АиФ, №33, 2004).

Слот 1.2. Медицинский персонал

Если экономика и политическая ситуация в России и США рассматривается как *пациент, нуждающийся в лечении*, то люди, партии и иные организации, стремящиеся сделать что-либо для страны, предстают в виде *врачей, хирургов, терапевтов*.

- *The doctors have long known that the German patient, say, looked sickly next to America* (The Economist, March 17, 2001).

- *Доктора давно уже были в курсе того, что состояние пациента (Германии) намного хуже по сравнению с состоянием Америки.*

- *Republicans selected Frist as their new majority leader on Dec.23, hoping the surgeon could reattach "compassionate" to "conservatism"...*(Time, Jan. 13, 2003).

- *23-го декабря Республиканцы большинством голосов выбрали своим новым лидером Фриста, надеясь, что «хирург» смог бы привязать «консерватизм» к «состраданию»...*

- *The Senate's only physician is on call to restore his party to health* (Time, Jan. 13, 2003).

- *Единственный врач Сената – на вызове, чтобы вернуть свою партию в здоровое состояние.*

- *Путин знает про себя, что он народный герой, но не хирург. При его рейтинге он мог бы обществу такую ампутацию сделать!* (В. Кожемякин, АиФ, №25, 2004).

- *Сейчас на ТВ запущен мощный режим кастрации. Сейчас не принято иметь на привязи некастрированных журналистов. Еще пока бегают от фельдшеров Караулов, пытаюсь спастись от операции* (В. Кожемякин, АиФ, №25, 2004).

Доноры тоже несут свою благородную миссию.

- *Россия – «нетто-донор» мировой экономики: помимо нефти из нее утекают лучшие мозги и капиталы* (Е. Короп, Известия, 20.02.2004).

2. Фрейм «Виды болезни»

При анализе метафорических образов оказывается, что в современном политическом дискурсе Америке и России постоянно приписываются разные виды болезни. С точки зрения сферы нарушений можно выделить два варианта болезней: физическое расстройство и душевное расстройство.

Слот 2.1. Физические болезни

Часто органы государственной власти, экономика страдают от таких инфекционных заболеваний, как *грипп, простуда, лихорадка, чума, проказа*. Масштабность, распространение болез-

ней политической системы предаются в текстах посредством метафоры – *эпидемия*.

- *It was only this week that the government looked as though it was belatedly treating the economic epidemic with the seriousness it deserves* (The Economist, March 31, 2001).

- *Похоже, что только на этой неделе правительство стало относиться к эпидемии (в экономике) с должной серьезностью, хотя и запоздалой.*

- *В. Жириновский о военной реформе: «Сейчас на местах от проблем армии отмахиваются как от чумы»* (В. Головин, АиФ, №31, 2003).

- *Требуется профессиональное участие экспертов в более точном определении диагноза того заболевания, которое возникло в белорусско-российских отношениях* (Л. Заико, Труд, 29.07.2003).

- *Если чихают на Балканах – отдается в Москве, если кашляют в Киеве – у нас начинается насморк* (С. Репов, АиФ, №33, 2004).

Представленные метафоры эксплицируют негативные ассоциативные признаки, связанные с нездоровьем, неестественным функционированием социально-политических систем. Пораженный болезнью орган, зараженный человек неизменно испытывает страдание, боль и достаточно уязвим.

Слот 2.2. Психические болезни

В других случаях отмечается *душевное нездоровье* субъектов экономической и политической деятельности, н., *паранойя, истерия, шизофрения* и др.

- *Some blame must also fall on the whips, who have done too little to protect Mr. Duncan Smith from his own paranoia about conspiracies against him* (The Economist, Nov. 9, 2002).

- *Определенная доля вины падает и на организаторов партии, которые сделали слишком мало для того, чтобы защитить г-на Дункана от преследовавшей его паранойй.*

- *Mr. Bush has never been solely a conservative, nor a centrist, but both at different times. Yet there remains a problem with the idea of a “schizophrenic presidency”* (The Economist, June 30, 2001).

- *Нельзя сказать, что г-н Буш был либо консерватором, либо центристом. В разные времена он совмещал качества обоих. Но вопрос о «президенте-шизофренике» остается открытым.*

- Г-н Ходорковский хоть и занял в конфликте жесткую позицию, но не стал, подобно Б. Березовскому закатывать истерику (В. Цепляев, АиФ, №31, 2003).

3. Фрейм «Причины и возбудители болезни»

Причинами болезней, охвативших Америку и Россию, чаще всего метафорически являются слова *вирусы, аллергены, микробы*.

Слот 3.1. Инфекции

- *So if Argentina defaults, or is forced to reschedule its debt, the contagion effects on other borrowers in the region could be nasty* (The Economist, March 31, 2001).

- *Итак, если в Аргентине произойдет дефолт или страну вынудят вернуть долги, последствия от этой «инфекции» для других регионов могут быть плачевными.*

- *Is there a new virus in financial markets?...Some economists think a new form of financial contagion is spreading, via stockmarkets...* (The Economist, March 24, 2001).

- *Можно ли говорить о существовании нового вируса на финансовых рынках? Некоторые экономисты считают, что новая форма финансовой инфекции набирает обороты, через фондовые биржи.*

- *Чубайс вновь на 3 года станет «опытным менеджером», начнет реально реформировать РАО ЕЭС. И тогда о нем могут вспомнить лишь в 2007 году. Разумеется, если не появится другой всенародный аллерген* (С. Михайлов, АиФ, №4, 2003).

4. Фрейм «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства»

Политические, экономические, социальные отношения внутри общества заражены и поражены различными болезнями, оздоровление и возвращение к нормальному, естественному ходу вещей требует немедленного принятия эффективных мер, способных вывести пациента из тяжелого состояния.

Слот 4.1. Способы лечения

При лечении болезней применяются *инъекции*, иногда оказываются необходимыми *интенсивная* или даже *шоковая терапия, хирургическое вмешательство, наркоз* или даже *реанимация*.

- *Has the USA at last stumbled upon a cure for its sickly economy?* (The Economist, March 24, 2001).

- *Нашли ли США наконец-то способ лечения для своей*

больной экономики?

- С. Степашин: «Кроме Швейцарии, все банки мира сняли табу по поводу предоставления данных о так называемых сомнительных счетах и крупных инъекциях» (Н. Зятков, АиФ, №31, 2003).

- Тогда Егору Гайдару удалось решить проблему, но только применив шоковую терапию при либерализации цен (Б. Немцов, АиФ, №4, 2003).

- Есть ощущение, что время от времени Г. Зюганов испытывает потребность разобраться с каким-нибудь своим тезисом. Недавно выгнал из партии Геннадия Семигина, теперь разоблачает Геннадия Селезнева. Такая вот «генная терапия» (В. Цыпляев, АиФ, №8, 2003).

Слот 4.2. Лекарства

При диагностике и лечении болезней, охвативших США и Россию, используют таблетки, пилюли, наркотические вещества.

- Now they (the economists) have more information to guide them in considering remedies (The Economist, March 17, 2001).

- Теперь они (экономисты) владеют информацией и смогут определиться в выборе лекарств.

- С. Степашин: «Кредитоваться, как правило, по силам только крупным компаниям. Отсюда и отсутствие кредитования для покупки жилья. А оно могло бы стать панацеей для нашей страны» (Н. Зятков, АиФ, №31, 2003).

- Многие в Белоруссии давно поняли, что дешевый газ (России) превращается в специфический наркотик для экономики (Л. Заико, Труд, 29.07.2003).

5. Фрейм «Состояние больного»

Во многих контекстах при развертывании метафоры оказывается, что лечение больному либо помогает, либо нет, пациент либо выздоравливает, либо умирает. Зачастую методы лечения не приносят ожидаемых результатов, что приводит к летальному исходу.

Слот 5.1. Неизлечимые болезни /Смерть пациента

- Но хоронить СНГ не в наших интересах. Это в первую очередь экономическое пространство, где российские товары еще конкурентноспособны (А. Угланов, АиФ, №7, 2003).

Затяжной характер, кризисное состояние передаются через введение в метафорический контекст прилагательных хронический или неизлечимый.

- *We don't want to look at the fact that our leader (Bush) is an untreated alcoholic, a "wartime president"....* (Santa Barbara Independent, Sept. 9, 2004).

- *Не хочется мириться с тем фактом, что наш лидер (Буш) неизлечимый алкоголик, президент «военного времени».*

Слот 5.2. Выздоровление пациента

В составе данного слота выделяется ряд метафорических словоупотреблений, которые несут позитивный прагматический потенциал.

- *Mr. Bush's welcome new budget suggests that economic reform in America is alive and well* (The Economist, March 3, 2001).

- *Проект нового бюджета г-на Буша свидетельствует о том, что экономическая реформа в Америке действует (букв. «оживила»).*

- *Ненависть к состоятельным гражданам отступает, в обществе идет оздоровительный процесс к принятию нового социального слоя* (Е. Семенова, АиФ, №5, 2003).

Иногда у пациента может выработаться стойкий иммунитет к болезни.

- *But Europe is relatively immune, through trade links, to an American recession* (The Economist, March 24, 2001).

- *Кажется, посредством торговых связей у Европы выработался иммунитет к (экономическому) спаду в Америке.*

Проанализированные примеры свидетельствуют о подчеркнутой метафоричности языка современной политики. Очевидно, что метафоры не возникают сами по себе и активизация той или иной метафорической модели в определенной степени зависит от состояния экономики и страны в целом. В периоды кризисов и депрессии российская и американская экономическая и политическая действительность не может восприниматься иначе как больной организм человека, что позволяет говорить о типичном для наших дней восприятии современного мира как нездорового физически и психически. Вместе с тем показательно, что в американских СМИ морбиальная метафора чаще всего используется в ее «внешнем» варианте, то есть для описания социальных болезней в других странах, тогда как наша пресса особенно активно обличает метафорические болезни родной страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: (Материалы к словарю) / АН СССР, Ин-т рус.яз. 1991.

2. Каслова А.А. Концептуальная метафора «Выборы пре-

зидента – это театр» в российском и американском политическом дискурсе» // Лингвистика: Бюл. Урал. лингв. общества. Екатеринбург, 2003.Т.9.

3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.

4. Муране С.Н. Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы// Лингвистика: Бюл. Урал. лингв. общества. Екатеринбург, 2002.Т.8.

5. Солганик Г.Я. Лексика газеты. М., 1981.

6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург, 2001.

7. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003.

8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография.- Волгоград,2000.

9. Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // Лингвистика: Бюл. Урал. лингв. общества. Екатеринбург, 2000.Т.5.

© Телешева И.В., 2004

Шаова О. А.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В ДИСКУРСЕ МАСС-МЕДИА ФРАНЦИИ

Тексты СМИ, будучи продуктом художественно-эстетической деятельности и неотъемлемой частью культуры, оказывают вместе с тем идеолого-политическое воздействие на аудиторию (М.В. Гаврилова, Л.И. Гришаева, В.А. Колосов, В.Г. Костомаров, Э.А. Лазарева, Л.М. Майданова, В.Д. Мансурова, Е.И. Шейгал, Л.Л. Шестакова и др.). Современные читатели отчетливо разграничивают функции различных СМИ: люди узнают новости из аудиовизуальных СМИ, осмысливают же их благодаря комментариям в прессе. Особая роль печатных СМИ связана с тем, что «читатель газеты/журнала имеет возможность приспособливать чтение того или иного сообщения к своим потребностям и возможностям, неоднократно возвращаясь к материалу, использовать одновременно дополнительные источники информации в случаях несогласия с позицией журналиста или при желании углубить своё понимание проблемы» [Гришаева, 2002: 100].

Газетные выпуски широко и разнообразно представляют своим читателям окружающую жизнь, события внешнего мира,

многие области реальности. Газетные сообщения служат отображением социальной среды и создают особое представление о действительности, которое В. Д. Мансурова назвала «журналистская картина мира». Картина мира, создаваемая журналистикой как сферой производства социальной информации, полноправно «вписывается» в систему категорий современного знания, таких как научная, физическая, языковая картины мира [Корнилов, 1999; Мансурова, 2002; Стёпин, 2002; Яценко, 1983].

Дискурс масс-медиа (Е. И. Шейгал), являясь «специфическим ментальным образованием, возникающим в массовом обыденном сознании, представляет собой динамическую, сложно организованную, самоорганизующуюся систему циркуляции социального знания – информации, востребованной обществом» [Мансурова, 2002: 217]. Вышеперечисленные черты журналистской картины мира обусловлены такими особенностями СМИ как ориентация на массовое сознание, перевод информации на уровень обыденного понимания. Тексты СМИ доступны широким массам носителей языка. Представляя собой совокупность социокультурных смыслов, выраженных в различных знаковых, символических и образных формах, публицистические тексты конструируют мировидение среднего человека данной культуры. Поэтому с лингвокультурологической точки зрения СМИ можно рассматривать как источник мировоззренческих и языковых стереотипов обыденного сознания. Анализ текстов СМИ, таким образом, позволяет воссоздать тот субъектно-объектный образ мира, который воздействует на понимание нацией той или иной реальности.

Важно подчеркнуть, что картина мира, которую рисуют газеты, не беспристрастна. С одной стороны, она отражает интересы политических, экономических и интеллектуальных элит страны, их внешнеполитические ориентации, восприятие потенциальных союзников и источников внешних угроз (М. В. Гаврилова, В. А. Колосов). С другой стороны, СМИ вынуждены руководствоваться запросами общества – такими, как они формируются на данный момент – с учетом социальной, гендерной, культурной, конфессиональной, политической, мировоззренческой структуры общества (Л. И. Гришаева).

Геополитическая картина мира французской прессы – самоцентрирована, её можно представить в виде нескольких вложенных концентрических окружностей, в центре которых — Франция. Первая геополитическая оболочка — ее непосредст-

венные соседи и партнеры по ЕС, за исключением островной Великобритании. Затем — кольцо соседей в Средиземноморском регионе (Алжир, Марокко, Египет, Израиль, Ливан, Балканы) (Г. Гачев, В. А. Колосов, Р. Claval). Россия, по мнению исследователей, в восприятии французской прессы, находится скорее в Азии и отделена от “коренной” Европы широкой полосой государств (Н.А. Бородулина, О.И. Вендина, Т.А. Галкина, Д.В. Заяц, В.А. Колосов, Е.С. Юр и др.).

Как отмечают исследователи, Россия, несмотря на ослабление ее внешнеполитических позиций, остается в сфере информационных интересов всех ключевых стран мира, в пятерке мировых держав, с новостями о которых газеты считают необходимым знакомить свою аудиторию каждый день (Н.А. Бородулина, О.И. Вендина, Т.А. Галкина, Д.В. Заяц, В.А. Колосов, Е.С. Юр).

Сопоставление материалов о России за период 1999-2004 гг., опубликованных во французских общенациональных ежедневных газетах, позволяет судить о том, какой образ России формируется в концептуальной картине мира читателей французской прессы. Источником нашего исследования стали издания, адресованные читателям с разными интересами и интеллектуальными запросами: «Monde» — это одна из самых солидных и влиятельных газет, которая отличается аналитическими обзорами и избегает прямых политических оценок, «Libération» — газета, которая считается газетой интеллигенции поколения 1968, «Humanité» — орган Французской коммунистической партии.

Целью данного исследования является выделение и описание ведущих метафорических моделей, используемых французскими газетами при подаче информации о России, для определения степени «кривизны метафорического зеркала», что позволит лучше понять, какой видится Россия читателям французских газет. Следует, однако, подчеркнуть, что мы вовсе не считаем, будто образ той или иной страны в сознании населения целиком и полностью зависит от того, как о данной стране сообщает пресса стран, однако не учитывать влияние, оказываемое СМИ на читателей, было бы неразумно и недальновидно (М. В. Гаврилова, Л.И.Гришаева, Й. Коженевска-Берчинска, В. Д. Мансурова, П. Сорокин, А.П.Чудинов).

Информация о России востребована французским обществом, о чем свидетельствует регулярность освещения российских

событий французской прессой и тематическое разнообразие публикаций: газеты отражают сведения из разных сфер (внешняя и внутренняя политика, экономика, война в Чечне, культура и т.д.). Однако в фокусе постоянного внимания французской прессы оказываются далеко не все стороны российской жизни.

Проведённое исследование показало, что из 1743 статей о России, опубликованных в современных французских изданиях, 1108 (63,6%) – посвящены внутренней политике, из них 144 (13%) – войне в Чечне. Внутриполитическая жизнь России отражается французскими газетами преимущественно в тех случаях, когда её сотрясают кризисы (несоблюдение Россией прав человека), теракты (захват заложников в Москве, трагедия в Беслане), конфликты (арест М. Ходорковского, установление государственного контроля над телеканалами НТВ, ТВ6), междоусобицы («колониальная» война в Чечне и злодейства российских солдат), выборы или же когда руководство страны подвергается систематической критике (правление Б. Ельцина). Во французских газетах Россия выглядит единой протяженностью, объектом без пространственного образа. Из российских географических названий фигурируют лишь Москва, Санкт-Петербург, Чечня и Сибирь.

Внешняя политика России (428 статей или 24,5%) интересует французский газетный рынок с точки зрения места нашей страны в системе международных отношений, публикации о национальных внешнеполитических доктринах появляются спорадически. В прессе активно обсуждаются три внешнеполитических проблемы: российско-американские отношения, роль России в урегулировании кризисов на Ближнем Востоке и на Балканах, новая система отношений между Западом и Россией. Что же касается взаимоотношений России со странами СНГ, то они практически не отражаются в зеркале французских периодических изданий.

Несмотря на то, что в западных газетах доминирует экономическая составляющая, доля французских публикаций о российской экономике мала – 138 статей (7,9%): сказываются слабость торговых потоков между Россией и Западом и ограниченность западных инвестиций. Как следствие, общая картина мира оказывается сильно политизированной, конфликтной, взрывоопасной. Наряду с публикациями о кризисе российской экономике, всё больше встречается статей о перспективности капиталовложений в Россию, высокой ёмкости российского рынка.

Публикации о культуре России (69 статей или 4%) находятся на периферии внимания французских СМИ и, как правило, в данных статьях факты превалируют над комментариями и оценкой. Русская культура на страницах французских газет представлена писателями (речь идет главным образом о годовщине со дня смерти или рождения), выдающимися современными режиссерами (А. Кончаловский, П. Лунгин, А. Звягинцев). Регулярно появляется лишь информация о спортивных достижениях России.

В проанализированных материалах большинство публикаций выполнено в жанре «новости», предназначенном для изложения фактов (ср.: Гришаева, 2002). Претендуя на независимость и объективность, на точное и непредвзятое информирование своих читателей, французские газеты (особенно «Монд») избегают напрямую выражать оценку событиям, представленным в упомянутых французских печатных органах.

Моделирование образа России в языковой картине мира адресата происходит вследствие вариативности языковых средств, способных активизировать в сознании определённые комплексы сведений с соответствующими оценочными суждениями, так как оценка, являясь центральным компонентом прагматической информации, занимает в языке газеты весьма важное место. Другими словами, язык обладает способностью «манипулировать восприятием/реакцией адресата» благодаря комплексу «вербально и невербально закодированной информации, хранящейся в когнитивных структурах, из которых, собственно, и складывается культурно обусловленная картина мира» [Гришаева, 2002: 108]. В силу этого факт, отраженный в журналистском слове, пристрастен, а, значит, и субъективен [Мансурова, 2002: 87].

Образ России, будучи для французского адресата «новой», непосредственно ненаблюдаемой мыслительной областью, моделируется и структурируется в процессе познания с более простыми и конкретными наблюдениями через концептуальную метафору (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Путём переноса знаний из сферы-источника (первичной семантической сферы) в сферу-магнит (вторичную семантическую сферу) формируется негативное/позитивное отношение адресата к тому или иному феномену российской жизни, «в то время как вербальные средства (как лексические, так и грамматические) могут быть нейтральными» [Гришаева, 2002: 109].

При анализе образа России, создаваемого французскими СМИ, нами были выделены наиболее частотные и продуктивные метафорические модели. Любая классификация метафорических моделей, равно как и попытка отнесения метафорических обозначений к исходной понятийной сфере, неизбежно страдают некоторым субъективизмом и относительностью, поскольку «возможные пути классификации очень разнообразны и едва ли какая-либо из возможных классификаций окажется принятой всеми» [Чудинов, 2003а: 74].

За основу для систематизации метафорических моделей нами была взята сфера метафорического притяжения «Россия» и её отдельные фреймы и слоты: внутренняя политика (политический курс В. Путина, война в Чечне), внешняя политика, экономика, культура.

В результате проведённого номинативного и концептуального анализа метафор образа России во французских газетных текстах, выявлено три основных субсферы-источника для метафорической номинации субъектов, объектов, явлений и процессов, входящих в понятийное поле «Россия» (таблица 1).

Таблица 1

Основные сферы-источники для метафорической номинации образа России и их активность во французских газетных текстах

№	Сфера-источник	Кол-во метафор	% от общего числа метафор
1	Мир человека	1843	89
2	Мир животных и растений	139	6,7
3	Мир пространственной ориентации	89	4,3

При определении сферы-источника метафорической экспансии мы исходим из того, что привлеченное слово или словосочетание по области применения и смысловому содержанию должно в наибольшей степени принадлежать тому или иному фрагменту картины мира.

В частности, «мир человека» включает такие концептуальные метафоры, которые относятся к исходным понятийным сферам «части тела человека», «болезни», «семейные отношения» (так называемые антропоморфные метафоры); «предметы быта», «результаты деятельности людей» (артефактные метафоры); «организационные формы человеческого бытия» (социоморфные метафоры). Ср.: *M. Poutine joue sa carte*

américaine (L., 16.04.03). [Путин пустил в ход американский козырь (досл. разыграл карту)]; *Une guerre qui est devenue la clé de voûte de l'édifice complexe du pouvoir de Vladimir Poutine.* (M., 09.02.03) [Война в Чечне стала фундаментом в сложном здании власти, возводимом В. Путиным]; *Une guerre coloniale qui gangrène la Russie et nourrit ses éléments les plus rétrogrades*» (M., 23.03.2001). [Колониальная война, которая поражает гангреной Россию и питает её самые отсталые элементы].

В группу слов и словосочетаний, отнесённых к «миру растений и животных», входят лексические единицы, обозначающие животных, птиц, растений. Ср.: *Face au sida, les autorités publiques font l'autruche* (M., 02.07.02). [Столкнувшись с проблемой СПИДа, власти «прячут голову в песок»]; *Quand M. Poutine a progressé, il l'a fait en crabe* (M., 14.04.2001). [Когда Путин продвигался вперёд, он делал это очень медленно (досл. по-крабьи)].

«Мир пространственной ориентации» составляют единицы, образно представляющие локализацию объектов и субъектов в пространстве, а также по отношению друг к другу. Ср.: *L'arrivée de soldats américains sur des bases en Asie centrale, dans le cadre de l'opération anti-terroriste en Afghanistan, n'a jamais été très populaire dans les milieux militaires russes, qui y voient le signe d'une perte de prestige dans ce pré-carré traditionnel de Moscou* (M., 11.01.02). [Российские военные никогда не приветствовали присутствие американских солдат на базах в Центральной Азии в рамках антитеррористической операции в Афганистане. Они видят в этом первый признак потери Россией престижа в странах, традиционно соседствующих с ней на политической карте (досл. вокруг квадрата)].

По количеству единиц, заимствованных из определённых концептуальных сфер, можно с достаточной долей вероятности судить о ментальных доминантах типичного представителя французской лингвокультуры. Из сферы «мир человека» оказалось заимствовано 89% метафор, что вполне закономерно, во-первых, учитывая присущий менталитету человека антропоцентризм (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Л. В. Ивина, Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина, А. П. Чудинов и др.). Во-вторых, преобладание данного вида метафор демонстрирует особенность человека номинировать ранее неизвестные и не имеющие своего языкового выражения области при помощи тех слов, которые чаще всего применяются им в повседневной жизни и вследствие

этого легче и проще других извлекаются из памяти [Лакофф, Джонсон, 1990]. В-третьих, определённую роль в этом процессе могут играть тесные когнитивные и мотивационные связи человека с окружающим его миром, ведущие к актуализации в данной семантической сфере своих характерных признаков [Ивина, 2003].

В концептуальной картине мира адресата-представителя французской лингвокультуры каждая сторона российской жизни представлена определённым набором метафорических моделей, изменяющих модель мира реципиента таким образом, чтобы повлиять на процесс принятия решения. При характеристике внутренней политики России французские газеты особое внимание уделяют личности президента России В. Путина, политическим приоритетам российского лидера, войне в Чечне.

Образ главы российского государства метафорически концептуализируется при помощи монархических, криминальных, милитарных, игровых терминов, что позволяет выделить следующий ряд наиболее частотных и продуктивных моделей:

1. **В. ПУТИН – ЭТО МОНАРХ;**
2. **В. ПУТИН – ЭТО ЧЛЕН ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА;**
3. **В. ПУТИН – ЭТО ИГРОК.**

Оценивая состояние российского общества при новом президенте, французские периодические издания активно эксплуатируют **метафору движения**. Выявленные метафоры, в основе которых лежит сенсомоторный опыт либо зрительные образы, позволяют сориентироваться в пространстве и определить направление движения: вверх либо вперёд. Следовательно, данные метафоры актуализируют положительные оценочные концепты, которые, как правило, связаны с понятием верха [Lakoff, Johnson, 1980: 16].

Наличие в газетном тексте данного вида метафор, образно представляющих деятельность президента России и правительства, позволяет структурировать их в единую метафорическую модель **РОССИЯ ПРИ ПУТИНЕ – МИР ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**.

Анализ метафорической аргументации, используемой журналистами для оценки боевых действий в Чечне, позволяет сделать вывод о сохранении в сознании адресата-читателя устойчивого комплекса сведений об агрессивности России, поскольку, как правило, периодические издания эксплуатируют распространённые в обществе стереотипы [Л.И.Гришаева, 2002].

Непонимание, недоверие, осуждение вмешательства России во внутренние дела Чеченской республики выражается путем использования французскими СМИ таких метафорических моделей как:

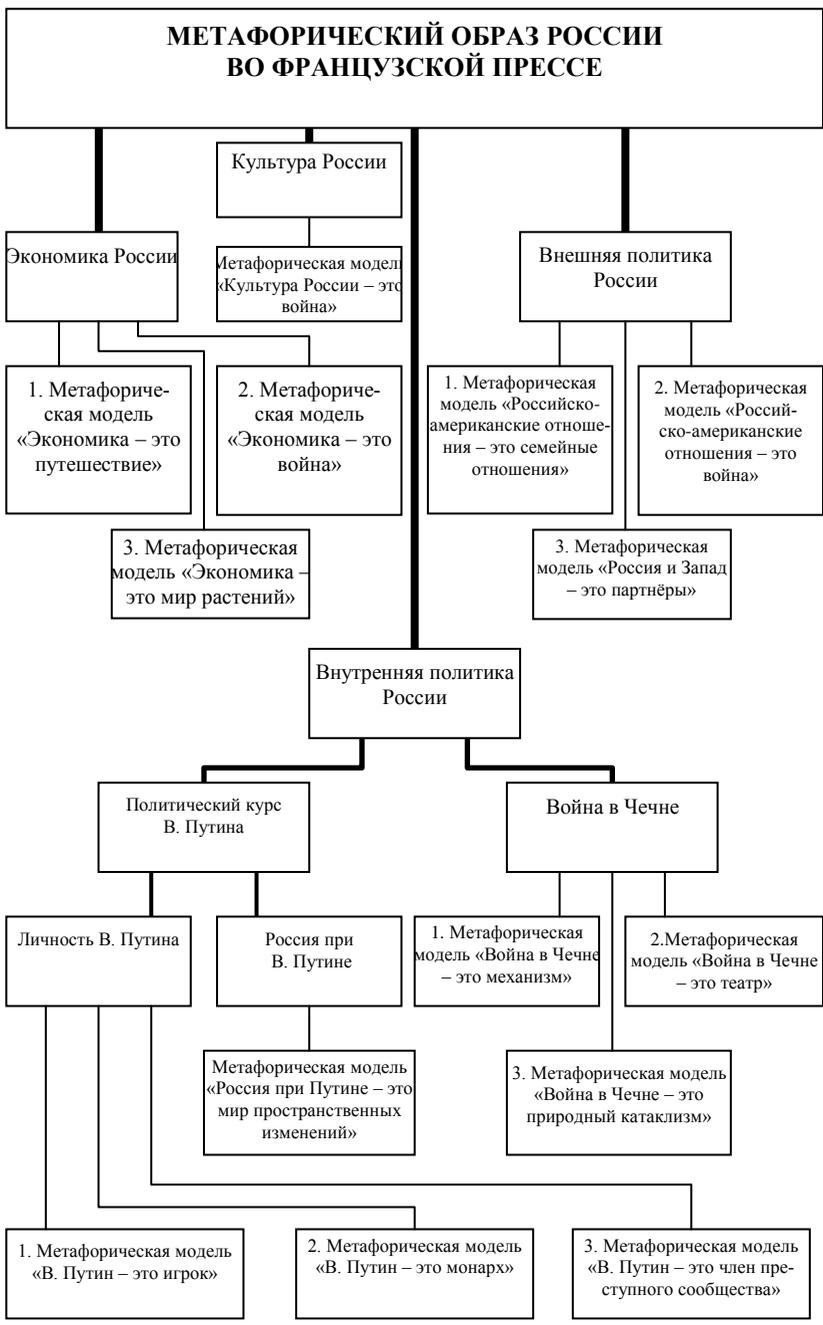
1. **ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это МЕХАНИЗМ;**
2. **ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это ТЕАТР;**
3. **ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это ПРИРОДНЫЙ КАТАКЛИЗМ.**

Внешняя политика России всегда была в центре внимания французских газет, так как отношения нашей страны с Европой и Америкой дают достаточно оснований для экспрессивности и оценки. Приход к власти В. Путина изменил «политическую ориентацию» России, её роль на международной арене и, как следствие, привёл к смене метафорической парадигмы, сквозь призму которой французский адресат воспринимает взаимоотношения России с соответствующими странами.

В концептуальной картине мира француза существует противопоставление российско-американских и российско-европейских отношений. Об этом свидетельствует само название метафорических моделей: **РОССИЯ И ЗАПАД – это ПАРТНЁРЫ** и **РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**, пришедшая на смену модели **РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это ВОЙНА**.

Особенно часто источником метафор, способных образно представить российские экономические реалии, оказываются концептуальные сферы-источники «Движение в пространстве», «Война», «Мир растений». Метафорические модели **ЭКОНОМИКА РОССИИ – это ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ**, **ЭКОНОМИКА РОССИИ – это ВОЙНА** и **ЭКОНОМИКА РОССИИ – это МИР РАСТЕНИЙ** выделяются широкой представленностью и детальной структурированностью в современных французских газетных текстах.

В процессе когнитивного построения культурной реальности России во французской языковой картине мира адресант использует ресурсы понятийной сферы с противоположным прагматическим потенциалом. Анализ материала показывает, что концептуальная метафора **КУЛЬТУРА РОССИИ – это ВОЙНА** принадлежит к одной из продуктивных моделей, используемая на страницах французских газет.

Как представлено на схеме № 1, «метафорический» образ России, сложившийся в концептуальной картине мира адресата-представителя французской лингвокультуры, достаточно стереотипен. Анализируя актуальные события и факты, французские газеты в большинстве случаев тиражируют уже сложившиеся, устоявшиеся представления о России. Базисная метафора **РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это НЕПРЕКРАЩАЮЩАЯСЯ ВОЙНА** (Чудинов, 2001) – основной источник метафорической экспансии при характеристике самых различных сфер российской жизни (политики, экономики, культуры). И всё же отдельные стороны российской действительности (политический курс В. Путина, экономический рост России), концептуально переосмысленные в механистических, пространственных терминах, ведут к формированию позитивного образа нашей страны в сознании французского реципиента.

Список условных сокращений

М. – Le Monde

L. – Liberation

H. – L'Humanité

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилова М. В. Критический дискурс – анализ в современной зарубежной лингвистике. – СПб., 2002.
2. Гришаева Л. И. Россия в зеркале немецкой прессы: путь к взаимопониманию народов? // XXI век: мир без войны и насилия?!: материалы международной конференции /Под ред. Н. П. Тимофеевой. - Воронеж, 2002.
3. Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем. – М., 2003.
4. Колосов В.А., Бородулина Н.А., Вендина О.И., Галкина Т.А., Заяц Д.В., Юр Е.С. Геополитическая картина мира в средствах массовой информации // Политические исследования. – 2003 // <http://www.politstudies.ru/fulltext/2003/3/4.htm>
5. Мансурова В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. – Барнаул, 2002.
6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. - Екатеринбург, 2001.
7. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
8. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.
© Шаова О.А, 2004

**ЗРЕЛИЩНЫЕ ИСКУССТВА И ЖАНРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ И США**

Политические метафоры с исходной понятийной сферой «вид зрелища» и «жанр представления» являются частью (точнее, фреймами) более крупного образования – метафорической модели «Политика – это театр». Данная модель достаточно традиционна для самых разнообразных коммуникативных сфер. Общеязыковая метафора «мир – это театр» уходит своими корнями еще во времена В. Шекспира. Конкретная картина метафорического употребления единиц данной модели претерпевает значительные изменения в зависимости от того, политический дискурс какой страны мы рассматриваем. Можно с уверенностью сказать, что театр играет более важную роль в жизни среднего россиянина, нежели американца. Приведем, например, высказывания о театре В.Г. Белинского: «Театр!.. (...). Какое из всех искусств владеет такими могущественными средствами поражать душу впечатлениями и играть ею самовластно...» «Что же такое, спрашиваю вас, этот театр?.. О, это истинный храм искусства, при входе в который вы мгновенно отделяетесь от земли, освобождаетесь от житейских отношений!» Однако при метафорическом употреблении лексем из области театра в политическом дискурсе эта оторванность от реальной жизни лежит в основе рассмотрения подобных метафор как обладающих негативными коннотациями, имплицитующих такие компоненты значения, как «лицемерие», «имитация деятельности, а не собственно деятельность», «следование указаниям дирижера, режиссера, отсутствие собственной инициативы, работа по готовому фиксированному сценарию».

Поскольку наибольшее место в газетных публикациях, связанных со сферой политики отводится наиболее важным для страны политическим событиям, наиболее волнующим каждого человека, то вполне логичным является тот факт, что в американской прессе подавляющее большинство статей посвящено президентским выборам. И, соответственно, статьи связанные с этой темой преобладают среди анализируемых в нашей работе.

В США кандидаты в президенты, можно сказать, «гастролируют» по стране, выступают перед избирателями, «заводят аудиторию», их речи отличаются высокой эмоциональностью, и чтобы добиться успеха у избирателей. Кандидатам в президен-

ты необходимо обладать актерскими способностями. В отличие от кампании по выборам президента в США в 2004 году, начавшейся чрезвычайно рано и вызывающей напряженный интерес у избирателей, российская кампания, частично совпавшая по времени с американской, проходила без ажиотажа, была скучной, ср.: ... *у критиков российского президента... появилась бы блестящая возможность снова, вплоть до дня голосования, эксплуатировать тему неравных выборов, более похожих на скучную постановку в провинциальном театре.* (Дмитрий Чиркин, Владимир Путин: игра на опережение // ПРАВДА.Ру, 25.02.2004)

Теоретической базой нашего исследования является современная когнитивная лингвистика. Мы исходим из понимания метафоры как основного мыслительного процесса, как способа познания и структурирования мира, как средства воздействия на сознание и эмоциональный мир адресата. Метафора – это основная ментальная операция, человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами. Метафорические модели в рамках когнитивного подхода характеризуются с помощью двух категорий – фрейма и сценария. В соответствии с концепцией А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова (1991, 1994), фрейм – это «описание типизированной ситуации, состоящее из ряда слотов». Помимо категории фрейма для описания метафорической модели используется категория сценария, который является процедурным способом представления стереотипного знания. При описании метафор с исходной понятийной сферой «театр» мы сочли целесообразным прибегнуть к использованию категорий фреймов и слотов. Рассмотрим теперь на примерах составляющие **фрейма «Вид зрелища, жанр представления»**.

Слот 1. Вид зрелища.

Сферой-источником метафорической экспансии в рассматриваемых случаях являются самые разнообразные действия. Это может быть театр: *А демократические выборы сегодня вообще не нужны. Особенно России, особенно такие. Это театр. А если уж идти в театр, то я предпочту Театр имени Маяковского.* (Валерий Абрамкин Контрольный пакет Думы – у президента // Известия 07.12.03)

Подобные метафоры, как правило, обладают негативным прагматическим потенциалом, авторы считают политику не серьезным делом, а его имитацией.

Кроме того, высокой частотностью в российских политических текстах, в отличие от американских, обладают метафоры с исходной понятийной сферой «клоунада», «цирк». В этих примерах при помощи метафор эксплицируются такие характеристики российской политической жизни, как «показная несерьезная деятельность», «объект насмешек»:

• *Стараниями областных властей, еще не начавшись, кампания по выборам мэра Екатеринбурга превратилась в классическую клоунаду.* (Максим Сусоев, *АиФ-Урал*, №32, 2003)

• *В последние годы мы привыкли к тому, что политика стала "ярмаркой тщеславия", а многие партии превратились в театральную площадку, на которой разыгрывается политический спектакль с крутой интригой и клоунадой.* (Сергей Миронов *Российская партия жизни - росток, который взломает асфальт* // *Известия.ru*, 08.01.04)

• *Пока основная масса населения очень плохо разбирается и голосует бездумно: показывают цирк, хорошо показывают - значит, все голосуют за цирк.* (Анатолий Приставкин *Контрольный пакет Думы – у президента* // *Известия* 07.12.03)

• *Если ситуацию в 209-м [Северном округе] можно уподобить дуэли, то в уже упомянутом Адмиралтейском округе № 206 выборы пойдут по сценарию боевика.* (Глеб Сергеев *Среди кандидатов Березовского нет* // *АиФ* № 43, 22.10.2003)

Еще один вид зрелища – «пляски» - служит источником метафоризации и несет такие смысловые компоненты, как «ненужная суматоха», «бестолковая суета», ср.: ... *невнятная позиция резиденции в первом туре, «полеты» облизбиркома в некоторых случаях буквально «над законом» - все это не осталось незамеченным. А народу нравится ясность мыслей и четкость действий, но никак не губернские пляски вокруг да около.* (Андрей Видов, «*И пошла плясать губерния?*», «*Вечерний Екатеринбург*» № 167, 10.09.2003)

Отсутствие интриги, ажиотажа во время кампании по выборам президента в России в 2004 году нашло свое отражение в метафорах (вспомним приведенный выше пример со скучной постановкой в провинциальном театре). Метафорически переосмысливаются также и некоторые заведомо провальные инициативы российских политиков, стремящихся пробудить хоть какой-то интерес к президентским выборам у народа: *По всем приметам – это [проект закона о продлении срока президентских полномочий] одна из тех инициатив, которые инспириру-*

ются и обсуждаются именно затем, чтобы быть отвергнутыми. Акт показательного умерщвления подобных проектов – то же самое, что сжигание чучел. Весь смысл ритуала – в том, чтобы чучело сжечь. Зачем нужны такие ритуалы – не вопрос. (Анатолий Костюков Сожжение чучела. Зачем президенту продлевают срок // Независимая газета от 20.02.2004)

При помощи такого необычного представления проекта можно более четко представить, описать то, чем по сути этот проект является.

По сравнению с российскими текстами, относящимися к политической тематике, американские тексты содержат меньше метафор со сферой-источником «вид зрелища», и метафоры эти менее разнообразны. В основном это шоу, кино или театр.

• *The first public hearing by Missouri Attorney General Jay Nixon on the sale of Health Midwest combined regulatory oversight and political theater.* (Steele Brown, *The Business Journal of Kansas City*). [Первое публичное слушание о валовом доходе на Среднем Западе, проводимое генеральным прокурором штата Миссури Джейем Никсоном, изобиловало оплошностями властей и напоминало политический театр.]

• *...party strategists are exceedingly nervous about Mr. Sharpton taking his racial political theater to the national stage* (Donald Lambro, *The Washington Times*). (Политические стратеги крайне обеспокоены тем, что мистер Шарптон выходит со своим расовым политическим театром на общенациональную сцену.)

Можно заключить, что метафоры со сферой-источником «театр» в равной степени свойственны как российскому, так и американскому политическому дискурсу. Это можно объяснить тем, что театр – традиционное, древнее искусство, знакомое и ценимое во всем мире, следовательно, понятия, метафорически переосмысленные в рамках этой категории, являются понятными и доступными большинству людей; театральные метафоры обладают также высокой способностью воздействовать на адресата.

Из других видов зрелищ, служащих сферой-источником метафоризации в американских текстах, нам встретились гастрольные выступления (“road show”), кино (“the movie”), танец (“dance”), цирк (“circus”). Сравнив российские и американские метафорические словоупотребления, выявляем некоторое сходство, ср. в приведенном выше примере из российских текстов – «пляски», «цирк», «сценарий боевика».

• *Mr. Sharpton's fiery, race-conscious campaign road show is frightening the Democrats' centrist rank-and-file...* (Donald Lambro, *The Washington Times*). (Несдержанная, расистски настроенная предвыборная серия гастрольных выступлений мистера Шарптона пугает рядовые чины центра Демократической партии.)

• *The large and energetic crowds that followed Dr. Dean, and the meticulousness of his schedule and stage-managed events, prove he remains a phenomenon. (In a Long Presidential Race, Dean Sprints By JODI WILGOREN. *The New York Times*. August 27, 2003).* (Масса энергичных последователей Дина, его тщательно спланированное расписание и хорошо подготовленные [срежиссированные] этапы состязаний подтверждают, что он – явление необыкновенное).

• *But the arrows never came, at least not from Mr. Gephardt and the other leading rivals to Dr. Dean... Part of the reason is that these party gatherings are almost always a careful dance, with the candidates uncertain about whether, or how much, to bash... (JODI WILGOREN "Prepared for Arrows, Dean Is Hit Only by Kid Gloves" POLITICAL MEMO September 6, 2003)* (Но стрелы так и не посыпались, по крайней мере со стороны мистера Гэфардта и других основных соперников мистера Дина.... Отчасти это произошло потому, что эти партийные собрания почти всегда напоминают осторожный танец, когда ни один из кандидатов не знает, нужно ли нападать, и насколько резко...)

• *I was a Gore man in 2000. (...) The next three years have been like the movie, The Lion King. We went from the benevolent and wise rule of President Clinton to the maniacal rule of President Bush. (Howard Dean: A fighter who will show us how to win, by dsc - Democratic Underground, January 19, 2004.* (Я был сторонником Гора в 2000 году. (...) Следующие три года были похожи на мультфильм, на «Король-Лев». Мы перешли от милосердного и мудрого правления президента Клинтона к безумному правлению президента Буша.)

• *More fine-tuning sessions [of Bush's address] were planned..., with formal run-throughs in the White House theater on Monday and Tuesday. ("Bush aims to build on celebrated successes", *The Washington Times*, January 18, 2004).* (Планировалось еще несколько заседаний для корректировки [речи Буша]..., с официальным прослушиванием в театре Белого Дома в понедельник и вторник.)

• *An antitax group trying to oust Nevada Gov. Kenny Guinn gave*

up Monday after failing to gather enough signatures to get the recall on the ballot. The recent recall of former California Gov. Gray Davis "really crucified us," said Chris Hansen of the Committee to Recall Gov. Guinn. "That was such a circus, such a show, with a stripper, a porn star, Gary Coleman as candidates." (Greg Pierce, "Inside Politics. No recall in Nevada", *The Washington Times*, November 26, 2003) (Фракция противников налогов, пытающаяся вытеснить губернатора Невады Кенни Гуинна сдалась в понедельник после того, как не смогла собрать достаточно подписей, чтобы поставить на голосование вопрос о его отозвании. Недавнее отозвание бывшего губернатора Калифорнии Грея Дэвиса «нас чрезвычайно измучило», как сказал Крис Хансен из комиссии по лишению полномочий губернатора Гуинна. «Это был такой цирк, такое шоу, кандидатами были стриптизер, порнозвезда, Гарри Коулман»)

Слот 2. Жанр представления.

Многообразие жанров представлений, их известность широкой аудитории являются предпосылками того, что зачастую они становятся сферами-источниками метафор в политическом дискурсе. Проанализировав собранный нами материал, можно сделать вывод, что в настоящий период времени на российской политической сцене разыгрываются спектакли, шоу, фарсы, пародии, водевили, трагикомедии:

- ... управляемость российской демократии - не только в имитации борьбы на выборах, ... но прежде всего в отсутствии прямого действия - связи между выборами и действиями власти. Для избирателя выборы в этих условиях выступают не как механизм непосредственной демократии, а как некая деловая игра, шоу, масштабная имитация... (Н. Петров, «Выборы-2003: сила у Кремля есть, но кое-что еще надо», 11.09.2003, "Центр политико-географических исследований")

- ... совершенно Совет беспомощный и ни на что не способный Федерации ... стал откровенной пародией на верхнюю палату парламента. (Борис Немцов 23.09.2003, "Независимая Газета")

- От того, что элиты, политический класс и бюрократия не умеют и не хотят вести политику публично, сама политика не исчезнет. Особенно в день голосования. Фарсовую ситуацию можно объявить нормальной, но избирателям она таковой все равно не покажется. Более того, если уж фарс, то чем больше его, тем лучше. И фарс очевиднее, и крах его неизбежнее. (Виталий Третьяков, «Что-то случится. Фарс

как показатель морального износа элит», "Российская газета" (Федеральный выпуск) 16.10.2003)

• Раз в четыре года телевизор превращается из "ящика развлечений" в инструмент высоких технологий. Политических. Руководители федеральных телеканалов автоматически попадают в рейтинги самых влиятельных людей России и занимают в них далеко не последние места. А новостные и аналитические программы начинают работать в жанре остросюжетного политического детектива. (Екатерина Власова, «Предвыборный телевизор», "Российская газета" (Федеральный выпуск) 29.08.2003)

• ... как российские партийцы ни пытаются подстроиться под новые технологии, вместо шоу все равно получается водевиль, правда, приятный на вид и легкий для усвоения. К примеру, КПРФ, снявшая для своего мероприятия зал в Российской академии наук, устроила мероприятие, живо напоминавшее о самодельности советской эпохи. Зал так дружно хлопал, что половина предвыборных лозунгов, озвучиваемая со сцены, осталась неизвестной. (Анна Закатнова, «Шоу продолжается» "Российская газета" (Федеральный выпуск) 23.10.2003)

• ... трагикомичное состязание В. Путина и О. Малышкина... («Выборы: Кандидаты на самоотвод. Последняя жертва С. Миронова», "Аргументы и факты", № 04 (1213) от 28.01.2004)

• В конечном счете жизнь сыграла с либеральной элитой самую злую шутку: вначале она сама уничтожила политику (превратив ее в игры «по понятиям», в имитацию, в ток-шоу), а потом, когда народ понял, что его дурят, он преподал ей жесткий урок. (Вячеслав Костиков, «Дефолт ельцинской элиты», "Аргументы и факты", № 51 (1208) от 17.12.2003)

• ... окружающая нас политическая жизнь все чаще напоминает новый отыгрыш старых постмодернистских сочинений. (Александр Архангельский, «Жизнь с идиотом» // Известия.ru, 12.01.04)

• Так что если уж говорить о «Родине», то все это никакая не драма, а просто комедия. Причем с плохими актерами. Их игра торчит, как шило из мешка, выдавая цели, далекие от пропагандистских выборных слоганов. (Жанна Касьяненко, "Непрочен замок на песке" // Советская Россия №11 (12497), 24 января 2004 г.)

Как видим, во всех приведенных примерах зрелищные метафоры несут негативные смыслы (кроме примера с «костросюжетным политическим детективом», где метафоризация лишь помогает более четко представить идею автора). В части примеров имплицуемые зрелищными метафорами негативные характеристики политических деятелей и событий подкрепляются эксплицитно выраженными оценками «масштабная имитация», «беспомощный и ни на что не способный Федерации», «с плохими актерами».

В отличие от российского политического дискурса, в метафорах американского не наблюдается такого разнообразия жанров. Большинство найденных примеров – метафоры со сферой-источником «драма», реже встречаются фарс, трагедия, ср:

• *The Democrats are farcically – or, if you choose, tragically – even more miffed in the past than the press is. (Frank rich, Seattle Post Intelligencer)* (Это нелепо [похоже на фарс], или печально [напоминает трагедию], но демократы, ссорились в прошлом даже больше, чем пресса)

• *Viewers will narrow the field by voting losing “candidates” off the show (Reed Johnson, Modbee.com).* (Зрители сократят количество участников кампании, голосуя против включения в представление заведомо проигрышных кандидатов).

• *The first piece [of the new tax code], lower rates, has now been accomplished in dramatic fashion. (Anti-Tax Crusaders Work for Big Shift. White House Wary Of Broad Changes. By Jonathan Weisman, Washington Post Saturday, June 14, 2003)* (Первая часть [нового налогового кодекса], с более низкими ставками, была драматично завершена).

• *Using language from the stump speech that has been jazzing crowds across the country, he [H.Dean] will point out his opposition to the war in Iraq and the recent tax cuts, and promise universal health insurance... (Dean Readies Ad Blitz More Than Year Ahead of Election. The New York Times. August 26, 2003)* Используя язык своих предвыборных речей, которые приводили в восторг [исполняли джазовую музыку] большое количество людей по всей стране, он [Х. Дин] отмечает свое сопротивление войне в Ираке и недавним снижениям налогов и обещает всеобщее медицинское страхование...)

• *Dean, the front-runner in polls... doesn't talk about his family or where he grew up (perhaps because a childhood... with a stock-broker father doesn't quite fit the log-cabin genre). Instead, he por-*

trays himself as the anti-Bush... («Media Primary Commences as Democrats Run First Ads», Howard Kurtz, The Washington Post, Sunday, September 7, 2003) (Дин, являющийся лидером кампании согласно опросам общественного мнения, не рассказывает о своей семье или о том, где он вырос (возможно, потому, что детство, где отец был биржевым маклером не совсем вписывается в жанр простонародного происхождения [бревенчатой хижины]). Вместо этого он изображает себя как противника Буша...)

• *The most dramatic political descent has been the campaign of Sen. John Kerry of Massachusetts, who was the party's favorite to win the nomination at the start of this year. (Charles Hurt, Rivals seek to halt Dean's drive, The Washington Times, December 11, 2003)* (Наиболее драматичное политическое падение потерпела кампания сенатора Джона Керри из Массачусетса, который имел наибольший шанс получить право выставяться на выборах в начале этого года).

• *But traditional filibusters are a thing of the past, largely because the minority party can use less dramatic parliamentary ploys... (Mike Allen, "GOP Plans 'Marathon' On Judges", Washington Post Nov 08, 2003)* (Но традиционные обструкции ушли в прошлое, преимущественно потому, что партия меньшинства может использовать менее драматичные парламентские приемы)

• *Despite speculation that the current administration hopes to use the gay marriage debate as a wedge issue and despite all the media attention paid to it this past week most voters do not consider the issue to be important enough to sway their vote one way or the other. Opponents of gay marriage suffered a setback in San Francisco, Calif., on Friday when a judge refused to block same-sex marriage licenses from being issued. The drama, which is being played out on front pages nationwide, appears not to be one that will galvanize voters... (Brian Braiker, "A Tighter Race" // Newsweek Feb. 21.2004)*

(Несмотря на предположение о том, что действующая администрация надеется использовать тему однополых браков в качестве спорного вопроса, который должен расколоть избирателей, и несмотря на все внимание, уделенное этой теме средствами массовой информации за прошедшую неделю, большинство избирателей не считают этот вопрос достаточно значимым, чтобы повлиять на их предпочтения на выборах. Противники однополых браков потерпели поражение в Сан-Франциско, Калифорния, где судья отказался наложить запрет на выдачу свидетельств о регистрации однополых браков. Драма, которая ра-

зыгрывается на передовых полосах газет по всей стране, явно не способна заметно всколыхнуть избирателей...)

• ...*some pundits said a two-man Kerry-vs.-Edwards race would be intrinsically more dramatic ...than the nine-person traffic jam of Democratic contenders in December. (No author, "Kerry has it all but locked up" // Newsweek Feb. 27, 2004)* (...некоторые эксперты говорили, что состязание двух кандидатов – Керри и Эдвардса – будет действительно более драматичным, ...чем толпа [дорожная пробка] из девяти кандидатов Демократической партии, существовавшая в декабре).

Таким образом, очевидно, что жанровое разнообразие представлений, разыгрывающихся на российской политической сцене гораздо шире по сравнению с США. Возможно, это объясняется тем, что США – страна с устоявшимися демократическими традициями, где политическая жизнь более регламентирована, чем в России, в которой, к сожалению, меньше закона и порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.

2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.

3. Белинский В.Г. О театре. М., 1982

4. Каслова А.А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

5. Леви-Стросс Клод. Первобытное мышление. М., 1994

6. Санцевич Н.А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2003.

7. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург, 2001.

8. Tokareva N., Peppard V. What it is like in the USA. М., 2000

© Шехтман Н.Н., 2004

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гридина Т.А.,
Иванилов В.М.

МОТИВАЦИОННЫЙ КОД НАРОДНЫХ СНОТОЛКОВАНИЙ

В связи с интересом современной лингвистики к изучению сознания человека, его речевой и ментальной деятельности особый интерес представляет исследование жанров народного творчества, в частности, анализ народных толкований сновидений, отражающих активно-действенное (прагматическое), но и в то же время наивное «мироосознание» и «миропостижение» социума сквозь призму языка и культуры. Прагматика жанра снотолкования определяется его изначальной суггестивной направленностью. Ср.: «С самых древних времен человеческий ум видел в сновидениях одно из наиболее действительных средств для того, чтобы приподнять таинственную завесу будущего. Вера в пророческое значение сновидений существует, кажется, у всех народов..., вера эта была несомненно и у наших предков Славян» [Балов, 1891: 208].

Снотолкование представляет собой особую модель интерпретации действительности: постижение мира ирреального происходит путем проекции увиденного во сне на мир реальный – вербализованное содержание сновидения получает толкование через соотнесение с уже известным и познанным, воспринимаемая в своих истоках как элемент сакрального знания (подлежащего дешифровке, декодированию). Н.И. Толстой, занимавшийся исследованием мифологической основы народных снотолкований, писал: «Связь снов с жизнью, с настоящим и прошлым человека естественна и постоянна, но очень рано в человеческом сознании или, вернее, воображении ощутилась их связь с будущим, связь зачастую не прямая, а скрытая, «закодированная», причем «код» нередко оставался неизвестным всему социуму. Появилась потребность толкования снов. Объяснение скрытого значения снов, их внутреннего, «вещного» смысла существует и, надо полагать, существовало у всех этносов, на какой бы стадии социального и духовного развития они ни находились» [Толстой, 2003: 303].

Существование «второй действительности», «жизни во сне», таким образом, вызывало необходимость соотнесения ее с окружающим миром, с окружающей реальностью, интерпретацию сновидения через толкование (в том числе в народных сонниках). Л.фон Франц, рассматривая отражение различных (пре-

имущественно архетипических) образов в фольклорных жанрах, отмечает, что в человеческом сне «скрыт важный смысл», а «интерпретация увеличивает объективность обнаружения смысла сна» [Франц, 1998: 44].

Мифологическая основа снотолкований (мифологическое сознание, отраженное в них) с течением времени приобретает характер условно-символический. Сложившаяся «техника» интерпретации сновидений в жанре сонника выступает как проявление этнокультурной традиции, стереотипов наивного народного сознания, соотносительных с разными ассоциативными кодами их трансляции, в том числе с языковыми. Т.А.Апинян, рассматривая снотолкования в свете их культурно обусловленной образно-символической («игровой») природы, отмечает: «Сон – магический кристалл, в который смотрится культура, пытаясь заглянуть в тайны бессознательного. Интерпретация снов – самая увлекательная игра, доступная мыслящему существу, игра образами и символами, которые удалось оттуда извлечь. В результате этой игры обнаруживаются модусы сновидений...” [Апинян, 2003: 201].

Одним из традиционных языковых кодов символической интерпретации сновидения является мотивационный, основанный на принципе ассоциативной выводимости – установлении формально-смысловой мотивационной зависимости между словом-стимулом (базовым вербализованным элементом сновидения) и ассоциатами. Мотивационный код при этом может основываться как на реальном семантическом, словообразовательном, структурном и собственно фонетическом подобии между сближаемыми словами, так и на принципе народно-этимологического «прояснения» внутренней формы слова. И в том, и в другом случае вступает в силу ассоциативная игра символических смыслов, отражающих этнокультурные предпочтения этноса и прагматику обыденного сознания. Данный тип толкований сновидений вместе с тем в наибольшей степени приближен к языковой игре, которая моделирует «виртуальную реальность или реальную виртуальность?» [Красных, 1998] по законам лингвокреативного мышления [Гридина, 1996]. Вместе с тем говорить о полной условности данного языкового кода, очевидно, нельзя, так как он сопряжен в народном сознании с разного рода «приметами» и суевериями, выведенными из практического, «житейского» опыта.

В качестве источников языкового материала для выявления

мотивационного кода снотолкований (в том числе модели народно-этимологической интерпретации) нами использовались как современные, так и «древние сонники» [см. Список сокращений].

В исследованиях, посвященных изучению и описанию характера вербально-ментального материала, представленного в сонниках [Н.И. Толстой, С.М. Толстая, С. Небжеговска], выделяется ряд проблем, связанных, в частности, с разграничением типов сонников и соответственно характера информации, которая в них фиксируется. В этом плане выделяются следующие типы сонников:

- Сонники, отражающие устную и письменную традицию.

“Подобно тому, как мы разграничиваем разные национальные фольклорные традиции, – пишет Н.И. Толстой, – мы можем обособлять и классифицировать и национальные сонники – толкования снов. Обращаясь к русскому, в основе своей славянскому соннику (корпусу толкований снов), следует отметить, что у русских, как и у других славян и иных европейских народов, существовали два вида снотолкователей: а) сонники книжные и б) сонники устные, народные. Старые рукописные и более новые печатные сонники в большинстве своем, подобно унаследованным от Византии древнерусским сборникам изречений и «Пчелам», содержат генетически разнородный материал, отражающий несколько напластований, различных по своему происхождению и сущности” [Толстой, 2003: 303-304]. С.М. Толстая, также разграничивая традицию письменных и устных сонников, отмечает вместе с тем, что “между этими двумя типами сонников, безусловно, существует и содержательная, и двусторонняя преемственная связь: как письменные сонники, имевшие широкое хождение в народе, влияли на устную традицию, так и устные толкования снов проникали в письменные тексты. Однако каждый из этих жанров соответствует логике своей культурной модели и потому должен рассматриваться прежде всего в контексте соответствующей – устной или письменной – традиции” [Толстая, 2001: 198-220].

- Сонники, представляющие собой как популярную литературу, так и традиционный фольклор. При этом само понятие «сонник», используемое в традиционном фольклоре, нелегко поддается определению. “Говоря о соннике, – пишет С.Небжеговска, – мы имеем в виду два рода текстов: а) минимальный текст снотолкования, состоящий из лаконичных пред-

ложений типа: *когда снятся яйца, то это сплетни, огонь – это вор, чистая вода – плач, конь – кавалер* и т.п., которые функционируют в своеобразных жанровых рамках; б) весь комплекс таких минимальных текстов снотолкований, складывающихся (подобно лексемам в словаре) в словарь символов сновидений, существующий в коллективном сознании и собираемый и публикуемый фольклористами” [Небжеговска, 1994: 67].

В свете данного выше определения под жанром *сонника* нами понимается комплекс народных толкований сновидений (сборник толкований сновидений, имеющий свою жанровую модель), а «минимальный текст снотолкования» рассматривается как основная составляющая этой жанровой формы. Снотолкование как текстовая структура имеет четкую организацию, представляя собой «...двучлен, состоящий из символа (образа) и его интерпретации. Отношение между символом и его толкованием носит характер предсказания будущего по некоему зрительному образу, явившемуся во сне” [Толстая, 2001: 198-220]. При этом “вербализация жанровых рамок показывает, что образ и толкование имеют разный онтологический статус, принадлежат разным мирам: X — миру сна, Z — миру яви, и этот статус уточняется с помощью выражений, создающих жанровые рамки [Небжеговска, 1994: 69].

Таким образом, можно охарактеризовать снотолкование как специфичную по содержанию языковую структуру, в которой отражается символическая проекция сновидения, представленная в виде «прогноза» его последствий. Снотолкование дает прагматическое объяснение смысла реальности и/или целостной ситуации, увиденных во сне, осмысленных и интерпретированных через призму народного опыта в виде “клишированной” формулы предсказания, основанной на пропозиции (если..., то...). Толкование сновидения содержит соотносительные элементы, к которым относятся: а) ключевое (толкуемое) слово-символ – элемент “сновидения” и б) соотносительные со словом смыслы, представленные в виде интерпретирующей языковой дефиниции или соответствующих вербальных ассоциатов.

Основной задачей изучения народных снотолкований является «...вопрос характера связи между знаком-символом (предметом, лицом или действием), появившимся во сне, и ожидаемым результатом этого действия» [Толстой, 2003: 305]. В связи с этим продуктивным считаем рассмотрение **мотивационных отношений** между словом-символом и его интерпретантами.

Это отношение имеет психологическое и собственно языковое основания. Психологической предпосылкой интерпретации сновидения являются механизмы ассоциативной «обработки» ключевого компонента снотолкования. В терминах теории ассоциативного поля толкуемое слово может быть интерпретировано как **символический стимул**, а толкование – как развернутая текстовая **реакция** на этот стимул (актуализация, «развертывание» ассоциативного потенциала толкуемого слова). Ср. понимание «символа» как обобщенного значения словесного знака [Лосев, 1970], представляющего собой интерпретационный феномен, “дающий перспективу для бесконечного развертывания мысли” (А.Ф. Лосев, разработавший философскую концепцию символа, определяет его как “идейную, образную или идейно-образную структуру, содержащую в себе указание на те или иные, отличные от нее предметы, для которых она является обобщением и неразвернутым знаком. Как идеальная конструкция вещи, символ в скрытой форме содержит в себе все возможные проявления вещи и создает перспективу для ее бесконечного развертывания в мысли, перехода от обобщенно-смысловой характеристики предмета к ее конкретным единичностям” [Лосев, 1970: 10]). Исходя из основных положений теории языкового символизма [см.: Н.В.Иванов, 2002], можно отметить как самую существенную особенность вербального символа его «образно-отвлеченный» характер, способность вызывать устойчивые универсальные и национально специфические ассоциации.

Символические значения ключевых единиц снотолкований, представленных в соннике, являются частными реализациями ассоциативного потенциала соответствующего слова-стимула.

Специфика мотивационного кода снотолкования заключается в том, что основой интерпретации становится внутренняя форма слова-стимула, ее актуализация или «прояснение» по принципу ложноэтимологических сближений. В мотивационном коде генетически заложена связь слова и «образа» предмета, а также возможность отождествления имени и обозначаемого предмета, свойственная мифическому мышлению. Суть этого соотношения ...в символической интерпретации имен “... предстает как модель взаимодействия телесного и духовного миров, которые соотносятся друг с другом через определенную знаковую абстракцию (имя связывается как с конкретным объектом, так и с его символическим значением)” [Белова, 2001: 9].

Наделение слова символическими смыслами путем выведения его значения из «мотивационной формы» – это не только особенность человеческого сознания, используемая как способ моделирования толкований в жанре народного сонника, но и особый код, имеющий прагматическую и прогностическую функцию. При этом, как отмечает С.М. Толстая, прогнозирующая сила «образов» снотолкования “основывается на видимой случайности, неконтролируемости их появления..., на их независимости от человека и предопределенности свыше... Это сближает сонник с такими жанрами народной традиции, как приметы, предсказания, гадания” [Толстая, 2001: 198-220]. Мотивационная интерпретация, очевидно, поддерживает эффект суггестии, основанный на «доверии» к слову. Ср.: “Под суггестией понимается такой способ информирования, при котором информация не подвергается критическому осмыслению, принимается «на веру». Суггестия противопоставлена убеждению, под которым имеется в виду воздействие одного человека на другого доводами разума. Основным отличительным свойством суггестии является отсутствие контроля сознания при обработке информации” [Авдеенко, 2001: 3]. При использовании мотивационного кода снотолкования “ведущей ... становится магия знака, магия символа, в то время как магия семантики выступает лишь фоном, легким “аккомпанементом” [Гридина, Коновалова, 2002: 100-101].

Мотивационная модель, положенная в основу народных толкований сновидений, может быть представлена несколькими группами.

1. Толкования, построенные на «обнаружении», актуализации этимологии опорного слова-символа (в качестве слов-символов выступают единицы, утратившие внутреннюю форму в процессе исторического развития языка).

2. Толкования, построенные на основе ложноэтимологического сближения слова-стимула и ассоциата, доминирующего в интерпретирующей части снотолкования.

3. Толкования, построенные на актуализации синхронной мотивационной связи между словом-символом и его вербальным ассоциатом.

Каждый из выделенных типов реализует мотивационную модель снотолкования специфическим образом. Рассмотрим представленные группы.

Толкования первого типа основаны на этимологической

рефлексии как отголоске «генетической памяти» носителей об исходной мотивированности слова.

Механизм снотолкований, образующих данную группу, «эксплуатирует» генетическое родство слова-символа и доминирующего ассоциата в интерпретирующей части. Ассоциации, актуализируемые в таких толкованиях, связаны с «отличительными» признаками реалии, положенными в основу номинации (т.е. ориентированы на внутреннюю форму ключевого слова-стимула как носителя мотивационного значения). При этом устанавливаемые отношения мотивационной «зависимости» между словом-символом и его ассоциатом не являются синхронно актуальными. Мотивационная рефлексия, кроме того, осложняется суггестивной функцией снотолкования, придающей ему характер предсказания (прогноза), основанного на декодировании заключенной в исходной внутренней форме информации. Интерпретации значения «восстанавливаемого» этимона нередко отражает особенности наивного мифологического сознания, отождествляющего слово и обозначаемый им объект.

Например: **Дневная бабочка** – душа живого человека. **Ночная** – умершего. Пытаться *ловить ночных бабочек* – тосковать по *умершим*. *Ночные бабочки* бьются в стекло снаружи – некая связь с *душой умершего* человека. Предостережение о значительных событиях, к которым нужно готовиться. *Ночная бабочка*, пытающаяся вылететь из светлой комнаты, – ощущение вины перед *умершим человеком*; муки совести вообще. *Ночная бабочка* неожиданно залетает в окно – предостережение против действий, тревожащих *душу умерших* [ГС, 1993]. Данное снотолкование отражает 'языческое представление о бабочке как «вместилище» души' [ЭС], причем сами толкования носят обобщенный характер: *бабочка* – душа умершего вообще, а не только «предков женского пола», исходя из представления, положенного в основу номинации «бабочка» [ЭС]. Ср.: *бабочка* – 'суф. производное от *баба* в значении «мотылек, бабочка» (такое значение в диалектах еще отмечается). *Баба* – «бабочка» – из *баба* «старуха, женщина»' [ЭС]. См. развитие ассоциативного поля того же стимула в снотолкованиях типа: *Мрачные*, пугающие своим видом *бабочки*, – заблуждения *души*, опасность дурного влияния на нее. Видеть *больных, умирающих, обгорелых бабочек* – кто-то остро нуждается в твоей *духовной поддержке*. *Кроваво-красная бабочка* – *упырь* [ГС, 1993]. Ассоциаты *душа* и *дух* являются экспликацией символического смысла *бабочка*

«душа умершего человека». Ср. также: '*упырь* – то же, что *вампир*. *Вампир* – в сказках, старинных народных поверьях: *оборотень*, *мертвец*, выходящий и сосущий кровь живых' [Ож.].

Видеть *калину* – к вдовству [БТС, 2000]. Ср. *калина* – 'суф. производное от *каль* в значении «черный». Кустарник получил свое название по цвету его спелых ягод' [ЭС]. Известно, что «...в символическом языке традиционной культуры носителем семантики «траур», безусловно, является сам черный цвет. ...» [Толстой, 1995: 291]. *Калина* как символический элемент приведенного снотолкования выступает вербальным коррелятом значения «траур», представленного через ассоциат «вдовство». Примечательно то, что *калина* использовалась в похоронных обрядах: «*Калину* сажали на могиле в головах, в ногах покойника. Ср. украинское выражение *посадить калину* в значении "похоронить кого-нибудь". На Украине *калину* сажали обычно на могилах неженатых. ...» [Славянские древности: 447–44]. Устойчивым ассоциатом к слову *калина* также является эпитет «горькая», имеющий символику «тяжелой, несчастной доли».

В снотолковании, таким образом, отражается сакральная символика растения, связанная с траурным ритуалом, что могло быть стимулировано, в частности, и исходной мотивацией названия. Такая символика вообще свойственна названиям растений, во ВФ которых отражается указание на черный цвет (ягод, листьев и т.п.). Например, *чернобыльник* – буквально «черная трава» [Коновалова, 2000: 205], выступая в качестве символического элемента снотолкования, трактуется как «знак» смерти, похорон. Ср.: *Видеть во сне чернобыльник* – к тяжелым обязанностям, связанным с похоронами [БТС, 2000].

Полынь – к горькому известию [НУС, 1998]. Фитонимическая номинация «*полынь*», являющаяся стимулом снотолкования, этимологически мотивирована признаком «горький». Ср.: '*полынь* – суф. производное от *polëti* «гореть». Растение получило свое имя по свойственной для него горечи' [ЭС]. Деэтимологизация слова, затемнившая исходный мотивационный признак, в известной мере «компенсируется» его устойчивой синтагматикой (ср. *горький*, как *полынь*; *горькая полынь*; *горький вкус полыни*). Эмпирическое знание о *полыни* как растении с *горьким* вкусом и *горьковатым* запахом выступает основанием для использования слова в пейоративной оценочной функции, в частности, символа *горького* известия, *горькой* доли.

Ср. также: *Щавель* – у вас будет *кислая* мина, когда вы уви-

дите одного товарища [БТС, 2000]. Ассоциат «кислый» отражает значение исконного мотиватора данного слова-стимула. Ср.: щавель – ‘суф. производное от щавъ того же значения, того же корня, что и ... др.-русск. щавьнь «кислый»; растение названо по кислоте листьев и стебля, употребляемых в пищу’ [ЭС]. Игра прямого и переносного значений прилагательного представлена в прогностической части снотолкования через описание бытовой ситуации неприятной встречи. Ср. *кислый* – *строить кислую мину*. Этимологическая рефлексия имеет опосредованный характер: через символическую интерпретацию «просвечивает» исконное основание мотивации слова *щавель*, сохранившееся в виде эмпирического знания народа о свойствах растения (закрепившееся в семантике слова в виде прагматически значимого компонента).

Клещ – к врагу, который *вцепится* в вас не на жизнь, а на смерть [БТС, 2000]. Ассоциативный перенос клещ – «*цепкий* враг» отражает признак, изначально представленный в названии данного насекомого. Ср.: ‘клещ – суф. производное (суф. –j-, stj>щ) от той же основы, что и клестить, клещить «стискивать, сжимать, сдавливать». Насекомое названо по способности «впиваться»<«втискиваться, вжиматься» в животное и человека’ [ЭС]. В подобных случаях само снотолкование, вероятно, выступает как проявление этимологической рефлексии, когда утраченная ВФ сохраняет «память» о себе на уровне ассоциативной семантики слова, связанной с актуальным для говорящих «образом» обозначаемого (что, в частности, дает возможность использовать слово *клещ* как символ *цепкости*).

Толкования, основанные на актуализации формально-ассоциативных связей генетически неродственных слов.

Суть народной этимологии “заключается в «прояснении» внутренней формы синхронно немотивированных слов за счет уподобления знакомым (понятым) лексемам. Поводом для таких сближений служит случайное (не обусловленное общностью происхождения) звуковое сходство лексических единиц, вызывающие у говорящих представление о формальной и смысловой зависимости этих слов друг от друга” [Гридина, 1989: 3]. Такое ложное сближение диктуется самим жанром сонника, в котором на первый план выдвигается прагматическое объяснение увиденного во сне с учетом собственно языковых аналогий. Ср. утверждение о том, что в наивной модели мира обыденного сознания “способ восприятия обладает преимуществом перед ис-

тинным положением вещей и имеет интерпретирующий характер” [Сукаленко, 1991: 21].

Специфику ложноэтимологического кода, можно охарактеризовать следующим образом:

- во-первых, ложноэтимологический код ориентирован на наивное эмпирическое языковое сознание (ср. наивное миромоделирование в жанре сонника). Ср.: “В обыденной, или наивной, картине мира, «способ восприятия» имеет приоритет перед действительным положением вещей. Речь идет о собственно человеческом предметном восприятии и предметном отражении объективной действительности, закрепленном в первую очередь с помощью языковых эталонов” [Сукаленко, 1991: 28];

- во-вторых, этот код основан на случайных созвучиях, которые являются актуальными для носителей языка (которые, в частности, поддерживают суггестивный эффект в народных снотолкованиях при ассоциативной интерпретации, когда «повторяются» «схожие элементы» толкуемого символа);

- в-третьих, ложноэтимологический код имеет мотивационную природу и тесно сопряжен с символикой мотиватора (мотивационные значения, создаваемые ложноэтимологическим путем, способствуют становлению и развитию символических смыслов толкуемого в соннике стимула)

Рассмотрим конкретные примеры.

Астра – сон предсказывает вам, что ваше усердие поможет вам стать настоящим *асом* в своем деле [НСС, 2003]. Случайное созвучие *астра* – *ас* порождает ложноэтимологическую интерпретацию. Такое сближение можно рассматривать как парадоксальный тип толкования.

Репа – сон ... предупреждает вас о том, что ваша *репутация* может оказаться запятнанной из-за лишнего любопытства, которое вы проявите в некоторых вопросах [НСС, 2003]. Ассоциаты *репа* и *репутация* даются в опоре на случайную (весьма приблизительную) формальную «близость» (в данном случае это звуковое тождество первых слогов слова-стимула и его ассоциата).

Васильки рвать, означает быть в этот день *веселым* [ТС, 1884]. Видеть *василек* в поле – к приятному времяпрепровождению и *веселью* [НСС, 2003]. Формальное ассоциативное сближение *василек* и *веселый* носит ложноэтимологический характер. Ср. *веселый* – ‘суф. производное типа *тяжелый* от той же основы, что и сущ. *весна*, др.-инд. *uāsi* «хороший» и т.д. Бук-

важно – «хорошо живущий, радующийся» [ЭС]. Ложноэтимологическое толкование дается через эмоционально-оценочный мотиватор, связанный с восприятием внешнего вида растения, его положительной характеристикой в народной «фитонимической» картине мира.

Ворону видеть во сне – предвещает *вора* или прелюбодеея [ТС, 1877]. Видеть во сне *ворону* – предвещает *вора* [ТС, 1901]. Пугать *ворона* – выследить *вора* или мошенника [НУС, 1998]. Спугнуть *ворона* означает, что вы выследите *воришку* или раскроете коварные замыслы ваших недоброжелателей [НСС, 2003]. В данном случае формальное сближение *ворон* (*ворона*) и *вор* основывается не только на внешней (фонетической) аналогии ассоциатов, но, по-видимому, имеет в основе эмпирические бытовые знания о поведении птицы и мифологические истоки. Ср. “*Хищность, кровожадность и разбой* – характерные мотивы в представлениях о вороне и вороне. Вороны, как и ястребы, охотятся на цыплят. ... Для поверий о вороне характерен также мотив **кражи**. Согласно поверью, человек станет *вором*, если съест сердце или мясо *ворона*” [Славянская мифология, 1995: 117]. Ср. также: “Считают, что ворона своим карканьем «**украли!**» или «**крал! крал!**» обличает **вора** или предсказывает **кражу**. В ответ на ее карканье, чтобы отвести от себя подозрение, следовало сказать: “Я не крал, я за сваи грошы куплял!” [Славянская мифология, 1995: 117].

Воробей во сне – к маленьким и приятным шалостям и встрече с *воришкой*-проказником, а также к приятным беседам с другом [НСС, 2003]. Как и в предыдущем случае, характер формального ассоциативного сближения *воробей* и *вор* поддерживается народной символикой, присущей образу данной птицы. Ср.: Воробей – “птица, которой в народных представлениях присуща брачная символика, символика *ловкости* и *проворства* и мотив **воровства**” [Славянская мифология, 1995: 113]. В фольклорной традиции ложная этимологизация названия этой птицы также связана с игровой формулой «*воробей – вора бей*».

Баран – оскорбительные слухи, *брань* [НТС, 1882]. Бодающийся *баран* – *брань*, страх [НУС, 1998]. Ложноэтимологическая мотивация стимула «баран» базируется на формальном ассоциативном сближении. Возможно, ложноэтимологическая связь также поддерживается в данном случае и экспрессивным характером номинации (ср. употребление слова *баран* в пейоративном значении – по отношению к *упрямому, глупому* человеку;

брань – осуждение и *обидные* слова, *ругань*) [Ож.]. См. также ситуативно ориентированную интерпретацию слова-стимула: *Баран* – оскорбительные слухи; *бодающийся* – *брань* [С 1887].

Грибы – к *гробу* или известию о чьей-то кончине [БТС, 2000]. В основу снотолкования положено формальное ассоциативное сближение: *гриб* – *гроб*, основанное на созвучии. Однако подобное ложноэтимологическое сближение имеет и семантическое основание. Ср.: *гриб* – ‘заслуживает внимания сближение с *грести* (*гриб* в соответствии с этим получил имя по своему сходству с «награбленной» кучей), толкование как слова, однокоренного с *горб* со значением «нарост, возвышение» (такое значение у сущ. *гриб* в диалектах отмечается) ...’ [ЭС]. Ср. также: *гроб* – производное от *grebti «копать, рыть». *Гроб* – буквально «яма», затем – «могила» и «гроб» [ЭС]. Признаки «грести, нагребать» – «копать, рыть», положенные в основу номинаций *гриб* и *гроб*, указывают на возможные смысловые основания ложноэтимологической интерпретации.

Клопы – *хлопоты* и *заботы* [ПС, 1872]. Клопов видеть – знак хлопот [НС, 1881]. Ползущие клопы во сне означают хлопоты, заботы от которых вы не знаете покоя ни днем, ни ночью [НСС 2003]. В основу снотолкования положено формальное ассоциативное сближение *клоп* – *хлопоты*. Ср. *клоп* – ‘производное (с перегласовкой е-о) от *клепати* «ударять, расплющивая» <«бить, стучать». *Клоп* – буквально «расплющенное» (насекомое) (толкование его как «колющего» насекомого, ср. греч. *κλῶρις* «клоп» от *κείρω* «режу» – менее убедительно)’ [ЭС]. Ср. также: *хлопоты* – ‘форма мн.ч. от общеслав. *хлопот* <*хлопотъ* «забота». В рус. яз. на месте *к* – экспрессивное *х*, очевидно, не без влияния *хлопать*’ [ЭС]. В данном случае на языковом уровне ассоциирования срабатывает игровой механизм сближения паронимов. На содержательном уровне ложноэтимологической интерпретации актуализированным оказывается представление о насекомом как надоедливом, кровососущем «существе», от которого трудно избавиться.

Корова снится «к реву», т.е. к *слезам* [Балов, 1891]. Белая *корова* – к *реву* [НУС, 1998]. Снотолкование строится на основе созвучия и рифмы. Ср., в частности, в речи детей неодобрительное прозвище-дразнилку «рева-корова».

Ловить *лошадь* во сне предвещает *ложное* приобретение [СДНА, 1859]. *Лошадь* – *ложь* [ОМ, 1896]. *Бить* кнутом *лошадь* – *разбить лживый* разговор [НУС, 1998]. Снотолкования основыв-

ваются на актуализации ложноэтимологической связи: *лошадь – ложь*. Ср.: Лошадь – ‘искон. суфф. производное от лоша, в некоторых слав. яз. еще известного. Др.-рус. лоша<алаша «лошадь, мерин»’ [ЭС].

Данный символический смысл слова *лошадь* распространяется и на другие лексемы того же тематического класса (при этом в качестве ассоциата выступает не ложный мотиватор, а его вербальный заместитель). Например, *коня* видеть – встретить ... *лауна* [С 1886]. *Кобылу – клевету* [С 1887]. *Кобылу* видеть – *сплетни* [НТС 1890]. Видеть *кобылу – ложь* [ПС 1892]. Видеть во сне *лошадей* – знак *напраслины* [ТС 1901]. Видеть во сне *лошадей* – к *напраслине* [ТС 1901]. *Кобыла – клевета* [ТС 1911]. Ср. мысль С.Небжеговской о том, что “снотолкования не имеют жесткой языковой формы выражения, хотя и обнаруживают семантическую стабильность. Учитывая зависимость между семантическим уровнем языка и его формальным планом, ... текст снотолкования можно рассматривать как разновидность стереотипа, называемую топикой. Это значит, что он относится к конструкциям, устойчивым в семантическом отношении, но не имеющим постоянной вербальной формы (т.е. не превратившимся в формулы)” [Небжеговска, 1994: 72-73]. Указанная особенность, видимо, в какой-то мере задана (обусловлена) и характером представления прогноза в жанре сонника.

Окунь – около вас кружится незнакомец со скользким характером, который намерен повернуть свое дело, *окунув* при этом вас в грязь, и смыться или, говоря другими словами, уплыть в неизвестном направлении [НУС, 1998]. Снотолкование базируется на формальном ассоциативном сближении *окунь* – *оку-нать*. Этимологически *окунь* возводится к *око*. В таком случае рыба получила имя по своим большим глазам’ [ЭС]. Ситуативный характер интерпретации, на наш взгляд, отражает стремление дать интерпретацию на семантических основаниях, актуализируемых через метафорический смысл ложноэтимологического мотиватора *оку-нать*. Ср. *окунуть* – ‘*обмануть, надуть, обмисулить*’ [Д., Т.1: 670]. Таким образом, значение глагола *оку-нать* становится базой для зооморфной метафоры: «*окунь – незнакомец со скользким характером*», а также основой для ситуативно-метафорического развертывания пресуппозиции, связанной с ситуацией «*ловли окуня*»: *окунет* вас в грязь и смыется, говоря другими словами, уплывет, в неизвестном направлении. Ср. также ассоциативную связь *окунь* с наречием *около*,

отмеченную в снотолковании.

Ревень – *рвать* и метать – только так можно охарактеризовать ваше предстоящее состояние [БТС, 2000]. В основу снотолкования положено случайное созвучие по ложноэтимологическому принципу: *ревень* и *рвать*. Устанавливаемая между ассоциатами смысловая связь базируется на принципе номинации растения по его воздействию на человека.

Ясень – наступит *ясный*, хороший и удачный для вашей семьи день [БТС, 2000]. Снотолкование базируется на формальном ложноэтимологическом сближении: *ясень* и *ясный*. Ср.: *ясень* – ‘суф. Производное от *яс<as* (с развитием протетического *j*) от той же основы, что и латышк. *uoss*, нем. *Esche* и т.п.’ [ЭС]. В основе сближения, кроме того, лежат оценочные стереотипы, связанные с представлением о *ясене* как «чистом» дереве.

Толкования, построенные на актуализации синхронной мотивационной связи между словом-символом и его вербальным ассоциатом

Такие снотолкования основаны на соотнесении структурно-семантических свойств (морфемно-словообразовательного состава и значений) слова-стимула и его интерпретатора. Выразитель (маркер) структурно-семантической зависимости может быть представлен как в структуре слова-стимула, так и в структуре слова-интерпретатора. Ср. два возможных типа развития ассоциативного прогноза: 1) слово-символ (производящее) – ассоциат-интерпретатор (производное); 2) слово-символ (производное) – ассоциат-интерпретатор (производящее); 3) ассоциаты, мотивированные одним производящим.

Ср., например, следующие толкования:

Буревестник – *получить* какое-то известие [БТС, 2000]. В снотолковании использован прием актуализации одной из производящих основ мотивированного ключевого слова через соотнесение с однокоренным эпидигматом: *буревестник* – *известие*. Мотивационное значение слова *буревестник* «предвестник бури» получает расширительное толкование. Ср. другие примеры, отражающие данную традицию толкования орнитологических символов в сновидениях: *зимородок* – видеть эту птицу во сне – к какому-то *известию* [БТС, 2000]; *грач* – получите *известие* об умершем [БТС, 2000]; *скворец* – получите хорошее *известие* [БТС, 2000]; *жаворонок* – получите хорошие *вести* [НУС, 1998]; *ворона* – печальные *вести* [НУС, 1998]; *наседка* – *письмо* от престарелой родственницы [БТС, 2000]. Характер из-

вестия интерпретируется в зависимости от частных символических смыслов, связанных с образом той или иной птицы: *грач*, *ворона* – предвестницы несчастья, смерти; *скворец*, *жаворонок* – предвестники весны, обновления; *курица* – *домашняя птица* (ср. представленную в снотолковании ситуативную актуализацию данного смысла: на основе общей модели «видеть птицу к получению известия»: видеть домашнюю птицу – к получению письма от родственницы).

Петух – к крику, *переполоху* [НУС, 1998]. Снотолкование базируется на пресуппозиции: *петух* – птица, которая своим *криком возвещает* о восходе солнца (наступлении дня). Представленные в снотолковании значения слова «петух» метонимически связаны с актуализацией его синхронно мотивированного значения. Ср. этимологию: петух, 'производного с суфф. -ухъ от пет «петух», суфф. образования от петъ. Петух буквально – «поющий»' [ЭС]. Утрата связующего звена в мотивационной цепочке (петь – *пет* – петух) приводит к декорреляции, сближающей *петух* непосредственно с глаголом *петь*, что способствует усилению (актуализации) ассоциативной связи данных лексем. Ср. также сакральные смыслы, связанные с этнокультурологической фоновой информацией, присущей слову «петух»: *крик петуха* – угроза для нечисти, которая с наступлением утра теряет свою силу и обращается в бегство (ассоциативная связь *бегство-переполох* вполне понятна). Профанный вариант снотолкования, возможно, связан и с ассоциативным представлением о петухе как драчливой и громкоголосой птице, гонящейся за курами (вызывая переполох). Ср. примету: Крик кур на насесте – к домашней ссоре [Д., Т.2: 224].

Осьминог – к большой суете. Вам много придется побегать, побить *ноги* [НУС, 1998]. Интерпретация стимула *осьминог* основывается на актуализации мотиватора *ноги*, выступающего в качестве одной из производящих основ сложения (ср. осьминог – восемь ног). Прогноз снотолкования представляет собой ассоциативную интерпретацию мотивационной связи эпидигматов (много ног – движение – большая суета). Вполне очевидно, что данное толкование не сопряжено с трансляцией каких-либо символических значений, присущих слову *осьминог* в традиционной народной культуре, а выступает одним из приемов ассоциативной обработки сновидения в событийно-ситуативном ключе, ориентированном на современное бытовое сознание.

Незабудка – к напрасной попытке что-то *вспомнить* [БТС,

2000]. Снотолкование базируется на развертывании семантики глагола «не забыть», положенного в основу фитонимической номинации, выступающей в качестве символа снотолкования. Толкование от противного актуализирует один из возможных ракурсов ассоциативной интерпретации мотивационного значения как указание на особое воздействие цветка на память человека (сакральный смысл названия).

Ср.: незабудка – ‘суф. производное от не забудь и. аналогичные англ. forget-not, нем. Vergissmeinnicht и т.д.’ [ЭС]. В народе существуют легенды, рассказывающие о «происхождении» названия цветка. Вот некоторые из них: в средние века незабудке “придавали некоторое религиозное значение. Ее название должно было служить постоянным напоминанием о Боге. Мысль эта особенно часто получала свое символическое выражение на сделанных из дерева вырезках, изображающих небесное око, окруженное венком из незабудок с надписью: “Помни обо мне”. Вообще в этом небольшом темно-голубом цветке заключается притягательная сила, ... это цветок тоски, образец верной любви между мужем и женою” [Коновалова, 2000: 143]. Есть и легенда, повествующая о том, что “собрал однажды Господь все сотворенные им цветы и дал каждому из растений свое имя, наказав не забывать его. Вернулись цветы на свои места, и только один маленький голубенький цветочек снова прибежал к господу и крикнул, что забыл свое имя. Строго взглянув на него, господь сказал – “Не забудь меня”. Многие столетия незабудку считают цветком *тоски, верной любви*” [Коновалова, 2000: 143]. Ср. также: “Хоть и мала незабудка, да почитаема веками. ... Во Франции незабудки дарили на память и сохраняли их как реликвию. ... Древние кузнецы в соке ее закаливали толедские и дамасские клинки, которые не уступали по своей прочности никакой другой стали и в то же время были легки и гибки. С тех далеких времен незабудка является символом *памяти, дружбы и вечной любви*” [СОК, 2000].

Таким образом, представленные выше снотолкования, рассмотренные в мотивационном аспекте, дают основания для заключения о жанре сонника как источнике выявления этнокультурных и языковых стереотипов, закрепленных в наивном бытовом сознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеенко И.А. Структура и суггестивные свойства вербальных составляющих рекламного текста. Автореф. ... канд.

филолог. наук. – Барнаул, 2001.

2. *Апинян Т.А.* Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другое. – СПб., 2003.

3. *Балов А.* Сонъ и сновиденія в народныхъ верованіяхъ. Изъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ Ярославской губерніи // Живая старина, 1891, вып. IV., с. 208-213.

4. *Белова О.В.* Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. – М., 2001.

5. *Гридина Т.А.* Проблемы изучения народной этимологии: Пособие к спецкурсу. – Свердловск, 1989.

6. *Гридина Т.А.* Языковая игра: Стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

7. *Гридина Т.А., Коновалова Н.И.* Языковая игра в русских народных приметах // Лингвистика: Бюллетень Уральского гос. пед. ун-та; Отв. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2002.

8. *Коновалова Н.И.* Словарь народных названий растений Урала. – Екатеринбург, 2000.

9. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. – М., 2003.

10. *Иванов Н.В.* Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). – М., 2002.

11. *Лосев А.Ф.* Символ // Философская энциклопедия. – М., 1970.

12. *Небжеговска С.* Сонник как жанр польского фольклора // Славяноведение, 1994, № 5.

13. *Славянская мифология.* Энциклопедический словарь. – М., 1995

14. *Славянские древности:* этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И.Толстого. – М., 1995. Т. 1. Т. 2.

15. *Сукаленко Н.И.* Образно-стереотипная языковая картина мира как отражение эмпирически обыденного сознания. Дис ... докт. филолог. наук. – Харьков, 1991.

16. *Толстая С.М.* Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты. – М., 2001. С. 198–220.

17. *Толстой Н.И.* Народные толкования снов и их мифологическая основа // Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. – М., 2003.

18. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.

19. *Франц, Мария-Луиза фон.* Психология сказки. Толкова-

ние волшебных сказок. Психологический смысл мотива искупления в волшебной сказке. – СПб., 1998.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БТС 2000 – *Степанова Н.И.* Большой толкователь снов. – М., 2000.

ГС 1993 – *Гришина Н.Г.* Сонник XVI-XX вв. – М., 1993.

НС 1881 – *Новейший* сонникъ. – М., 1881.

НСС 2003 – *Смурова О.Б.* Новый семейный сонник. – М., 2003.

НТС 1890 – *Новый* толковый сонникъ. Снотолкователь. Самое верное и точное разъяснение сновъ и необходимыя условия для ихъ исполненія. Таблица, точно определяющая день осуществленія сна. – Киевъ, 1890.

НУС 1998 – *Новый* универсальный сонник / Л. Зданович. – М., 1998.

ОМ 1896 – *Одинъ* миллионъ 500, 000 сновъ. Толкованіе сновъ, выбранныхъ изъ сочиненій знаменитыхъ египетскихъ и индійскихъ мудрецовъ и астрономовъ, какъ-то Аполлонія, Альбумазара, Сонціуса, Тихо-Браде, Мартына Задеки, Платона, Птоломея и известной французской сногадательницы госпожи Ленорманъ. М., 1896 // Толкователь снов. Репринт. воспроизведение изд. 1896 г. / [Вступ. ст. Т.Л. Федоровой]. – М., 1989.

ПС 1872 – *Полнейший* сонникъ и истолкователь различныхъ приметъ. – СПб., 1872.

ПС 1892 – *Полный* сонникъ. – М., 1892.

С 1886 – *Сонникъ.* (Оракуль). Предсказанія сновъ. Сост. по указаніямъ лучшихъ авторовъ и ученыхъ древней и новой философіи и герметике. – М., 1886.

С 1887 – *Сонникъ.* Самый полный и общедоступный. Собранъ изъ сочиненій древнихъ маговъ, средневековыхъ астрологовъ и позднейшихъ снотолкователей, а именно: Птоломія, Альбомазура, Адія, Тихобраго, Юганна, Калиостра, Сведенборга, Брюса, Кенигебергера, Мартына Задеки и Ленорманъ. – М., 1887.

СДНА 1859 – *Снотолкователь* древнихъ и новыхъ астрологовъ, составленный по алфавиту. – М., 1859.

ТС 1877 – *Толкованіе* сновиденій ста шести летняго старца Мартына Задеки. – М., 1877.

ТС 1901 – *Толкованіе* сновиденій известнаго старца Мартына Задеки. – М., 1901.

ТС 1911 – *Толкованіе* сновиденій ста-шестилетняго старца

Мартына Задеки. – М., 1911.

© Гридина Т.А., Иванилов В.М., 2004

Кабаченко Е.Г.

**«НА УЧЕБНОМ ФРОНТЕ»:
МЕТАФОРА В ИДИОСТИЛЕ А. С. МАКАРЕНКО**

Семантическая емкость метафоры делает необходимым ее использование в педагогическом дискурсе. Эксплицитно или имплицитно метафоры используются во всех педагогических подходах и системах. Палитра метафор предоставляет педагогам возможность выражать некоторую часть их представлений о мире, о взаимоотношениях учителя и ребенка, семьи и школы, ученика и коллектива, о сущности процессов образования и воспитания. Для одних педагогов ученик – это «чистая доска», «податливая глина», «пловец в море знаний», «тайна за семью печатями», а для других – это солдатик на войне с безграмотностью. Любимые метафоры могут сказать о педагоге и педагогической системе не менее, чем многословные декларации и логические определения. «Пусть кто-то намеренно стремится скрыть только лишь от других или от себя самого, что он бессознательно носит в себе – язык выдаст все» [Клемперер, 1998: 20].

Для идиостиля А.С. Макаренко доминантными являются метафоры из субсферы «Социум», в которой выделяются подсферы «Война», «Театр», «Музыка», «Спорт». Военная метафора – яркий признак педагогического стиля Макаренко, так как его система предназначена для перевоспитания педагогически запущенных, «трудных» подростков и ее нередко называют командирской педагогикой. Даже художественная литература была для педагога, прежде всего, средством идейной борьбы. Став писателем, А.С. Макаренко образно говорил, что не переменял профессии, а только «сменил род оружия». Он ощущает себя борцом на педагогическом фронте.

Обратим внимание именно на милитарный характер этой метафоры. Воспитание для педагога – это работа по созданию нового человека, а точнее, война за настоящего человека. И в этой войне А.С. Макаренко предлагает использовать язык художественной литературы в качестве орудия. Интересно, что метафора в данном случае действительно совпадает с реальностью, можно сказать, является буквальной. А.С. Макаренко рассказывает, как в целях собственной безопасности вынужден был ходить по колонии с постоянно заряженным оружием [Макарен-

ко, 1971: 67].

В основе метафоризации всегда лежит когнитивный процесс. Милитарная метафора формирует новое представление об участниках педагогического процесса. Каждый воспитанник понимает, что коллектив – это особая сила: «мастерство в том именно и состоит, чтобы, сохраняя строгое соподчинение, ответственность дать широкий простор *общественным силам школы*». Все отношения между учителями и учениками строго отрегулированы. Ученики становятся участниками военных действий, превращаются в «молодежные силы», отряды, которые «участвуют в операциях» и потрясают «педагогический мир широким маршем наступления». Учителя превращаются в «систему сил», отдельный педагог – в «жесточкого политика», нападающего на противников и отстаивающего свою линию.

Создается замечательный образ учителя – командира, рыцаря «без страха и упрека», окруженного возвышенно-романтическим ореолом. В нем персонифицируется представление о внутреннем, душевном идеале. Учитель – человек строгий, справедливый, высоко квалифицированный, целеустремленный, ведь «уверенное и четкое знание, умение, искусство, золотые руки, немногословие и полное отсутствие фразы, постоянная готовность к работе – вот что увлекает ребят в наибольшей степени». Таким образом, педагог наделен необычными нравственными, волевыми и духовными качествами. А.С. Макаренко сам пишет, что «старался в присутствии колонистов и воспитателей быть *энергичным и уверенным*...старался убедить их в том, что все беды временные, что все забудется». При этом учитель (А.С. Макаренко) достаточно авторитарен и впечателен в колонии. Он обладает правом окончательной оценки всего происходящего, его слово завершающее. Да это и понятно, ведь он – командир действующей армии, который не хочет «*подорвать* свой авторитет» и которому нужно «*завоевать* уважение и доверие своих питомцев», а потом сохранить завоевания.

Педагогика Макаренко – это педагогика коллектива («я...только на коллектив возлагал все надежды»), при этом о коллективе рассказывается как об армии. С помощью военной метафоры описываются необычные формы организации детского коллектива (например, система отрядов с командирами во главе). В педагогической публицистике Антона Семеновича слова «коллектив» и «армия» являются контекстуальными синони-

мами. Эпитеты, которые использует Макаренко для характеристики коллектива своих учеников, - «сильный», «суровый», «воодушевленный», «закаленный», «крепкий» - с легкостью могут быть использованы при описании отряда действующей армии. Наиболее типичные, по мнению педагога, внутрикollectивные отношения – это отношения руководства и подчинения, взаимной требовательности, взаимопомощи, координации, ответственности и товарищества. На этой основе строятся отношения между педагогами и детьми, между старшими и младшими воспитанниками.

Коллектив своих воспитанников А.С. Макаренко часто обозначает при помощи метафоры «колониетская масса»: «*колониетская масса* вдруг приобрела выражение взрослого общества», «главной тенденцией ее работы как-то незаметно сделалось стремление...втннуть в себя всю *колониетскую массу*». С помощью метафор создается собирательный образ трудовой массы. Личностное начало подавляется массовым, а это уже тревожная тенденция. Даже мечты колониетов растворяются в массе, становятся одинаковыми. Например, в центре «Педагогической поэмы», (имеющей подзаголовок «мемуары работника народного образования» и послужившей основным источником метафор) находится не личность, не индивидуальность, а коллективный герой.

Пренебрежение личностью приводит к ее механизации. Классическое сталинское определение советских писателей как «инженеров человеческих душ» можно употребить и по отношению к учителю, в понимании А.С. Макаренко. Педагог воспринимается как специалист по работе с точными механизмами: «а в нашем трудном деле эта верхушка (совет командиров – Е.Г.) показывала себя очень *исправным и точно действующим аппаратом*», колониеты «шли вперед без улыбок и радости, но с хорошим, чистым ритмом *как налаженная, исправная машина*», «и с тех пор у Жорки как рукой сняло, *пошел человек на всех парах к совершенству*».

Ученики являются объектом преобразования, человеческим материалом, происходит их «заготовка». Относительная податливость детского и юношеского восприятия действительно превращает детей в хороший педагогический материал и можно требовать от учителя «воспитания *закаленного, крепкого человека*, могущего проделывать неприятную работу, если она вызывается интересами коллектива». Учеников, по мнению А.С.

Макаренко – это сырье, из которого в дальнейшем получается готовая продукция, из которого можно что-либо строить, одним словом, выкладывать путь в светлое будущее. Образ ученика создается благодаря производственной метафоричности. Обратите внимание, как учитель перевоплощается в производителя, а ученики – в материал: «Малышей у нас десятка полтора: в глазах колонистов *это было сырье*», «мой глаз в то время был уже достаточно набит, и я умел с первого взгляда, по внешним признакам, по неуловимым гримасам физиономии, по голосу, по походке, еще по каким-то мельчайшим *завиткам личности*, может быть, даже по запаху, сравнительно точно предсказывать, *какая продукция может получиться в каждом отдельном случае из этого сырья*», «где шуткой, где приказом, где насмешкой, а где примером Петр Иванович *начал сбивать ребяг в коммуну*», «я то и дело пересматривал их (*колонистов*) состав и *раскладывал его на кучки*, классифицируя с точки зрения социально-человеческой ценности». Ущербность такого подхода заключается в том, что человек сводится к социальной функции, происходит обезличивание человека в массе.

Специфика метафор выдающегося советского педагога, на наш взгляд, тесно связана с советским педагогическим дискурсом. А.С. Макаренко пользуется «правильными» метафорами, рожденными советской эпохой. С помощью военной и механистической метафор советскому педагогу удобнее всего воспитывать учеников. По мнению известного специалиста по литературе советского периода Е. Добренко, нормирующе-контрольная функция советской школы вытекала из доминирования в ней воспитательных задач над образовательными. «Стратегия воспитания всегда шире (и в этом плане всегда *более террористична*) – курсив наш – стратегии обучения». [Добренко, 1997: 138].

Создание горьковской колонии изображается как возникновение новой общности, скрепленной узами социального равенства и коллективного труда. Ученик обретает сознательность, приходит к пониманию социально-человеческих идей, «идеально-морального пути» [Клемперер, 1998: 218]. Воспитанники колонии А.С. Макаренко, как отслужившие в армии, становятся качественно иными. Разрозненная масса воров и малолетних правонарушителей превращается в хорошо организованное социалистическое общество, живущее по социалистическим законам и нормам. Цель достигнута – воспитаны подготовленные и

активные борцы, хорошо владеющие идеологическим оружием. Результаты воспитания настолько заметны, что «новобранцев» любой сторонний наблюдатель (не только педагог) легко отличает от «настоящих горьковцев». По словам А.С. Макаренко, «они и ходят, и говорят, и смотрят не так». Новички только мешают «сохранить горьковскую колонию в полной чистоте и силе».

Феномен А.С. Макаренко начался, когда он организовал трудовую колонию для несовершеннолетних правонарушителей. В педагогической колонии Макаренко существовала похожая на армейскую система структурных взаимодействий: актив, деление на отряды, совет командиров, внешняя атрибутика (знамя, сигналы горнистов, рапорт, форменная одежда), поощрения и наказания.

Метафорический перенос (армия – коллектив) становится возможным благодаря общности вышеуказанных свойств. Но более значимой, на наш взгляд, является функциональная общность армии и детского коллектива в понимании Макаренко. Цель воспитанников А.С. Макаренко – победить, сделать чужих своими, то есть освоить, захватить новую территорию и установить на ней порядок. Центральное событие жизни коллектива – *борьба*: педагога с некоторыми «грубыми хлопцами», колонистов между собой за право называться лучшим, педагога с малодушными педагогами и другими учеными противниками. Педагогические отряды непрерывно движутся вперед, пребывают в состоянии боевой активности, ученики вместе с педагогом постоянно решают новые задачи и планируют результат. Перевоспитавшиеся начинают перевоспитывать других. Ощувив себя единым коллективом, «горьковцы» переходят в наступление по всему оставшемуся фронту и отправляются на завоевание Куряжа. Колонисты-горьковцы и дзержинцы не чувствуют себя «педагогическим материалом», предназначенным для работы воспитателя (хотя именно так своих воспитанников воспринимает А.С. Макаренко). Они - деятельные организаторы своего коллектива, объединенного общей работой и общими интересами.

Большое внимание А.С. Макаренко уделял проблеме дисциплины: «В спальне должно быть чисто! У вас должны быть дежурные по спальне. В город можно уходить только с моего разрешения»; «кто останется жить в колонии, тот будет соблюдать дисциплину»; «колонна вступала в город, поражая впечатлительных педагогов суровой стройностью и железной дисципли-

ной». Детский коллектив предъявлял определенные дисциплинарные требования к каждому из своих членов. В колонии культивировалась «дисциплина борьбы и преодоления», поэтому объяснима ориентация педагога на военную метафору.

При рассмотрении метафорической модели «Воспитание - это война» выделяются следующие фреймы.

1. Фрейм «Организация военной службы».

Слот 1.1 «Иерархические отношения военнослужащих» Само устройство колонии, созданной Макаренко требовало метафорического обозначения отношений между ее субъектами. Среди воспитанников были командиры, помощники командиров, старшие и младшие (имеется в виду не возрастное отличие), часовые и многочисленные дежурные – дежурный сигналист, дежурный по отряду, дежурный по спальне, дежурный по столовой: «Противники нашей системы, нападающие на командирскую педагогику, никогда не видели нашего живого командира в работе». Функции распоряжения и исполнения чередовались у колонистов так, чтобы воспитать у каждого способность руководить и подчиняться.

Как в настоящей армии в педагогической колонии было введено почетное звание колониста и давали его только тем, «кто дорожит колонией и кто борется за ее улучшение».

Слот 2.2. «Воинские подразделения».

Трудовой коллектив в педагогических работах Макаренко обозначается как армия, отряд, колонна, дружина, штаб: «Это позволило нашим отрядам слиться в настоящий, крепкий и единый коллектив»; «каждый колонист знал свой постоянный отряд, имеющий своего постоянного командира». И у каждого отряда были свои полномочия.

2. Фрейм «Военные действия».

Педагогическая система Макаренко была новаторской, и конечно же, у нее появились противники и началась война: «Я доказывал, что с такими силами мы ничего не сделаем»; «...женское влияние счастливо дополнит нашу систему сил»; «Я напал на малодушных педагогов»; «он участвовал во всех операциях колонистов»; «они все на вашей стороне, и они не выдадут»; «вопросы стали располагаться в коллективе на каких-то далеких флангах»; «Я решил, что пора перейти в наступление»; «для этого нужно было либо шпионить, либо выпытывать кое у кого из колонистов»; «наши отряды потрясли мир широким маршем наступления»; «нужно еще отбиваться от

нападений на мой доклад».

Семантическая оппозиция «свои-чужие», «наши – чужие» последовательно разворачивается в педагогических текстах Макаренко. Разделение на «мы» и «они» используется для героизации сторонников «командирской педагогики», для создания положительного образа «наших». Следует отметить, что при наличии оппозиции «свои-чужие» в педагогических текстах А.С. Макаренко нет попытки дискредитировать противников, унижить их, потому что все «другие» - потенциальные «свои».

3. Фрейм «Воинские символы и атрибуты». Военная символика была очень значима для педагогики А.С. Макаренко, благодаря своей эмоциональности и суггестивности. «Символ является репрезентацией смыслов и ценностей, он способен влиять на поведение человека: не обладая «семантикой», символ определяет прагматикой [Педагогическая энциклопедия, 1964: 25]. Наличие собственного флага, например, позволяет воспринимать отряды колонистов как боевые единицы, принадлежащие государству. Такие атрибуты как знамя, флаг, мишень, строевой шаг, колонна, салют, марш, парад, приказ, подчинение, собрание действительно существовали в педагогической колонии и были средствами социального структурирования: «колонисты щеголяли военной выправкой»; «у нас был великолепный строй, украшенный спереди четырьмя трубачами и восемью барабанами, было у нас и прекрасное, шелковое знамя». Слова с военной символикой используются для метафорического обозначения происходящих событий (например, «они давно слышали наши *трубные призывы*»).

Итак, милитарная метафора в педагогических текстах Макаренко, на наш взгляд, не несет негативного, а имеет скорее позитивный заряд (война – не настоящая, это «военная игра» со своими участниками и правилами). Это в какой-то мере объясняется отсутствием фреймов «Вооружение», «Ранение и смерть».

Рассмотренная концептуальная метафора отражает желание педагога защититься, отстоять новый взгляд, подход к воспитанию. Милитарная метафора выражает суть педагогической системы А.С. Макаренко, который общие для всех педагогов задачи решал необычно, по-своему, и на практике осуществил целостную, теоретически обоснованную систему воспитания детского коллектива, выиграл бой на педагогическом поле битвы.

Хотя, на наш взгляд, трудно назвать стиль А.С. Макаренко

абсолютно индивидуальным языковым стилем. Отметим, что на образность его педагогических текстов сильно повлиял советский педагогический дискурс, основная задача которого – создание у адресата определенных необходимых настроений и нужных представлений о мире. А.С. Макаренко пользуется базовыми метафорами тоталитарной культуры. Милитарная и механистическая метафоры оказались востребованы именно в советскую эпоху, когда кругом виделись враги и недоброжелатели. Рассмотренные нами метафорические модели «Воспитание – война», «Воспитание – работа с механизмами» (ученики – механизм») обусловлены советским дискурсом, где отдельный человек был всего лишь винтиком в системе и «незаменимых людей» не существовало.

Язык тоталитарно-социалистического советского союза был очень мощной системой, которая подчиняла себе сознание всех людей и распространяла свое влияние на все сферы жизни. В. Клемперер в своей книге «Язык Третьего рейха: записные книжки филолога» блестяще показал, как глубоко язык тоталитарной системы проникает в сознание всех людей [Клемперер, 1998]. Тем более уязвимы дети. Школьники еще не защищены критическим сознанием, самостоятельным взглядом на вещи, и метафоры могут повести их в любом направлении, (в котором захочет педагог).

А.С. Макаренко должен был соответствовать духу эпохи и быть педагогом, воспитывающим «настоящих советских людей». Советский педагогический дискурс - дискурс борьбы - резко отличается от современного педагогического дискурса. Педагог (А.С. Макаренко) сам воспитывался советской системой, и становится объяснимой экспансия военной и механистической метафоры. Актуализация вышеуказанных метафор в педагогической публицистике А.С. Макаренко позволяет нам разглядеть за образом педагога образ тоталитарной, советской России. Метафоры А.С. Макаренко отражают культурную атмосферу, они пронизаны сознанием времени, к которому принадлежал их автор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добренко Е. Формовка советского читателя. Спб, 1997.
2. Жульен Н. Словарь символов. Челябинск, 2000.
3. Клемперер В. Язык Третьего рейха: записные книжки филолога. М., 1998.
4. Макаренко А.С. Собрание сочинений в 5 т. Т.1. М., 1971.

5. Педагогическая энциклопедия. Т.2, М., 1964.

6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.

© Кабаченко Е.Г., 2004

Коурова О.И.

ОСОБЕННОСТИ КОННОТАЦИИ ТРАДИЦИОННО-ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Важной проблемой современной лингвистики является исследование способов хранения культурной информации. Культурная информация, по мнению Е.О. Опариной, может быть представлена в единицах языка четырьмя способами: через культурные семы, через культурный фон, через культурные концепты и культурные коннотации. «Культурные семы – способ отображения культуры в лексемах и фразеологизмах, обозначающих идиозэтнические реалии. Культурный фон – характеристика лексем и фразеологизмов, обозначающих явления социальной жизни и исторические события. К культурным концептам относятся имена абстрактных понятий, например: `тоска`, `воля`» [Опарина, 1999: 34-35]. Ведущим способом хранения культурной информации современные лингвисты называют культурную коннотацию.

Понятие коннотации проникло в языкознание в XVII в. из схоластической логики. С конца XVIII в. в лингвистике этим термином стали обозначать эмотивно окрашенные языковые элементы, например, в работах О. Эрдмана, Л. Блумфилда. Несмотря на значительное внимание к этой проблеме как зарубежных (Л. Блумфилд, К.Кербрат-Оррекиони, А. Мартине, Ж. Молино), так и отечественных лингвистов (Л.Г.Бабенко, Ю.А. Бельчиков, В.И. Говердовский, О.С. Сапожникова, В.Н.Телия, Г.В. Токарев, В.К. Харченко, В.И. Шаховский и другие), существуют различные теории и определения коннотаций; неоднозначно выделяются компоненты, входящие в состав коннотации.

По мнению Г.В.Токарева, наиболее популярными концепциями коннотации в отечественной лингвистике на сегодняшний день являются теории В.Н. Телия и Ю.Д. Апресяна [Токарев, 2003: 56].

«Коннотация – это тот макрокомпонент значения, который включает в себя наряду с образно-ассоциативным комплексом, переходящим во внутреннюю форму, эмотивную модальность и

стилистическую маркированность» [Телия, 1988: 199].

Ю.Д. Апресян под коннотацией понимает «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян, 1995: 159].

Коннотация характерна для единиц всех уровней языка, но наиболее явно она проявляется в области лексики и фразеологии; она может быть связана как с семантикой слова, так и со стилистической окрашенностью.

Коннотации лексических единиц, которым свойственна функция стилистического обобщения вне контекста, обусловленная их номинативным значением и являющаяся устойчивой в сознании носителей, О.С. Сапожникова вслед за Ф. Растье называет «ингерентными», коннотации же, появляющиеся лишь в определенных речевых ситуациях или контекстах, - «адгерентными» [Сапожникова, 2003: 71].

Определение компонентов, составляющих коннотацию, «является предметом острейших дискуссий» [Бабенко 1989: 21].

В.И. Говердовский [1979] выделял следующие типы коннотации: эмоциональный, оценочный, образный и экспрессивный.

С точки зрения содержания Г.В. Токарев делит коннотации на дескриптивные, интенсивные, оценочные, эмотивные.

«Дескриптивным со-значением» он считает «несущественные сигнификативные признаки, отражающие фоновые знания членов лингвокультурной общности».

«Экспрессивные коннотации интенсифицируют один из дескриптивных несущественных признаков (например, «пот» – «бесцветная жидкость, выделяемая подкожными железами, дескриптивная коннотация – «усердно, до изнеможения», экспрессивная – «очень»).

Эмотивные со-значения, как считает Г.В. Токарев, всегда сопряжены с оценочными. «Оценочные и эмотивные коннотации могут быть результатом соотнесения с культурными установками (правилами поведения), стереотипами, фоновыми знаниями» [Токарев, 2003: 58-59].

По мнению Т.В.Матвеевой, в коннотации выделяются следующие типы компонентов: а) эмоционально-оценочный, б) параметрический, то есть компонент интенсивности, в) стилевой и г) культурный; «каждый из них в конкретном слове может быть единственным, а может сочетаться с другими». Эмоционально-

оценочный «отражает мнение говорящего о предмете речи», параметрический «указывает на предельную, значительно превышенную или, напротив, пониженную меру какого-либо признака предмета, стилевой - «на традицию употребления слова в одной из сфер общения». Культурный компонент коннотации «соотносится со знанием образа жизни, традиций, обычаев, мировоззрения народа» [Матвеева, 2003: 111-112].

В.Н.Телия под культурной коннотацией предлагает понимать интерпретацию «денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [Телия, 1986: 214].

По мнению Г.В. Токарева, «культурная маркированность коннотаций обусловлена, во-первых, их узуальностью, во-вторых, соотносительностью с культурно маркированными установками, стереотипами, фоновыми знаниями, в-третьих, культурной спецификой внутренней формы, которая вербализует национальные стереотипы.

Тем самым коннотации имеют как концептуальную, так и провербальную природу, что определяет их разнообразие с точки зрения содержания. Таким образом, культурные коннотации представляют собой узуальные устойчивые семантические признаки, которые являются результатом использования данной реалии и ее обозначения определенной лингвокультурной общностью, влияния этимологии либо соотносительности внутренней формы с культурно маркированными концептуальными единицами» [Токарев, 2003: 60].

Учитывая вышеизложенные подходы к пониманию коннотации и ее типов, рассмотрим ее особенности на примере традиционно-поэтической лексики и фразеологии. Т р а д и ц и о н н о – п о э т и ч е с к о й лексики и фразеологией мы называем устойчивый набор слов и выражений с окраской лиричности, регулярно воспроизводимый преимущественно в средних жанрах сентиментальной и романтической литературы конца XVIII- первой трети XIX вв. Например, *богиня красоты, возжечься, воспылать, время золотое, гореть любовью, дневное светило, жар сердца, Зефир, младость, сойти на берег Ахерона, странник земной, утро дней.*

Как показывает анализ, традиционно-поэтическая лексика и фразеология, обладающая общей стилистической окраской, включает следующие компоненты коннотации.

1. Культурный компонент коннотации соотносится с особен-

ностями мировосприятия. Коннотации «служат звеном, соединяющим в единую цепь «тело знака»..., - с одной стороны, а с другой, - концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и т.п., знаки национальной и шире – общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [Телия, 1996: 215]. Культура конца XVIII-первой трети XIX вв., напрямую связана с такими художественными направлениями, как сентиментализм и романтизм. Язык лирических произведений сентиментального и романтического содержания этой эпохи, явился отражением улучшенного, украшенного восприятия поэтами мира. Сфера романтизма – «таинственная почва души и сердца, откуда подымаются все неопределенные стремления к лучшему и возвышенному, стараясь находить в себе удовлетворение в идеалах, творимых фантазией» [Белинский, 1955: 145-146]. Страстная жажда совершенства – одна из важных особенностей романтического мирозерцания. В стремлении утвердить свои идеалы романтики обращаются к искусству, религии, истории, к идее гармонии человека и природы – всему тому, что не похоже на прозаическую повседневность, что составляет основу культуры. В соответствии с главными идеями романтизма традиционно-поэтическая лексика и фразеология реализуется в таких культурных концептах, как `Жизнь`, `Смерть`, `Любовь`, `Творчество`, `Природа`.

2. Стилевой компонент указывает на традицию употребления соответствующей лексики и фразеологии в одной из важных культурных сфер - поэзии. В системе современных функциональных стилей большинство современных исследователей не выделяют стиль художественной литературы. Основанием для этого служат аргументы, наиболее полно представленные Л.Ю. Максимовым [1967: 5-12]: во-первых, ресурсы языка современной художественной литературы ничем не ограничены, в них могут включаться и нелитературные формы: диалекты, жаргоны, просторечие; во-вторых, язык художественной литературы выполняет особую – эстетическую функцию. Язык лирической поэзии конца XVIII – первой трети XIX вв. – периода развития сентиментализма и романтизма - имел устойчивый набор регулярно воспроизводимых лексико-фразеологических единиц, называемых «украшениями», «языком богов», и представлял особый стиль, именуемый лингвистами поэтическим, украшенным, элегическим, фигуральным.

3. Образный компонент коннотации связан с тем, что абсо-

лютное большинство состава традиционно-поэтической лексики и фразеологии – это языковые единицы, выступающие в переносных значениях.

Ведущими тропами, как показывает анализ, являются метафоры. Приведем ряд примеров из концептуального поля `Жизнь`: *весна* - «юность», *вечер* - «старость», *влачиться* - «жить, испытывая трудности, лишения», *вянуть и гаснуть* - «слабеть, терять силы», *гость* - «о человеке в его земном бытии», *гроза и буря* - «жизненные невзгоды, испытания», *дорога* - «жизненный путь», *жребий* - «судьба», *закат* - «старость», *заря* - «юность», *идти* - «жить», *море* - «жизнь с ее заботами», *осень* - «старость», *отцветсти* - «утратить молодость, силы», *пилигрим* - «человек в его земном бытии», *пир* - «жизнь в радости», *пить* - «жить, принимая все, что дает земное бытие», например, *пить из чаши бытия* – «жить, испытывая невзгоды, страдания», *пить из чаши полной радости* – «жить, в полной мере предаваясь жизненным радостям», *погаснуть, померкнуть* - «умереть» и другие.

Весьма распространены эпитеты - образные, нередко метафорические определения, выраженные, как правило, именем прилагательным, например: *божественная* любовь, *бурные* любви желанья, *волшебная* грусть, *жаркое* волнение, *задумчивый* взор, *лилейное* чело, *лилейная* рука, *мятежный* пламень страстей, «*небесные* черты», *голос нежный*, *раздумье* *одинокое*, *остылая* душа, *остылая* любовь, *охладевшая* душа, *пламенные* ланиты, *пламенное* сердце, *прелестный* глас, *пурпурные* ланиты, *пылкое* желанье, очарованье *роковое*, *светлый* взор, *сладкое* свиданье, *голос сладкий*, грусть *сладостная*, сердца *сладостные* муки, *сладострастная* мечта, *сребристый* голосок, *тихая* слеза, *тихие* мечты, *томительные* взоры, *томный* глас, *томные* очи, *трепетные* сны сердца, *упоительная* страсть и т.п. Примеры взяты из концептуального поля `Любовь`.

Сравнения по своему статусу относятся и к тропам, и к фигурам речи.

Основным способом грамматического оформления сравнений в составе традиционно-поэтической лексики, как показывает исследование, является сравнительный оборот с союзом «как», в ряде случаев – форма творительного падежа, например: «*как утра луч*, сияют ваши дни»; «*жизнь ...кипит, как океан безбрежный*»; «исчезли юные забавы, *как сон*»; «*как тучей*, ом-

рачен»; «как путник среди песков, прелестным цветом любовался»; «поэт уныл, как сумрак полуночи»; «но смерть коснулась к ним, как сон»; «невинна, как агнец»; «прекрасна, как ангел»; «нежна, как горлица»; «мила, как грация»; «как демон, коварна и зла», «приди, как дальняя звезда», «она цветет, как ландыш»; «лицо, как чистая лилия»; «как лилия с зарею, красавица цветет»; «глаза, как небо, голубые»; «уста, как розы»; «густой туман, как пелена»; «сумрак тусклой пеленою...ложится», «лицо мгновенной розою пылает».

Символ – знак-слово или художественный образ, которые воплощают идею определенного явления. Так, например, концепт `Творчество` включает следующие символы: *Камена* – символ искусств, творческого вдохновения, *Кастальский Ключ* – символ поэтического вдохновения, *Лавр* – символ славы, признания, успеха, *Лира* – символ поэзии, *Мельпомена* – символ сценического искусства, *Муза* – символ вдохновения, искусств, наук в образе женщины, *Парнас* – символ поэзии, *Пегас*, *Пинд*, *Пизриды* – символы поэтического вдохновения.

Перифраза в лингвистической литературе рассматривается, главным образом, в качестве стилистического приема, заключающегося в непрямом, описательном, обозначении предметов действительности, в литературоведческой – как фигура и троп. Например, *утро дней, ангел мой, баловень Венеры, баловень природы, бездна волн, царство Плутона, сны младенческих годов, нить жизни, годы золотые, вещун младой, дни весны, лета молодые, поклонник граций; влачить дни, выпить чашу, петь любовь, спать вечным сном, сгореть душою, предаться нежности, пить из чаши бытия* и другие. Перифразы в силу метафоричности и регулярной воспроизводимости послужили источником для формирования традиционно-поэтической фразеологии, например: *лавровый венок (-венец), лететь душой, под покровом (чего), под сению (чего), терновый венок, курить фимиам, во (в) цвете (чего) лет (-сил), лить слезы, оседлать Пегаса*.

Оксюморон – стилистический прием усиления выразительности за счет объединения в одном словосочетании слов с логически несовместимой семантикой. Ряд лингвистов включает оксюморон в состав тропов. Традиционно-поэтическая лексика и фразеология представлена и в этой разновидности выразительно-образных средств, например: *сладостная грусть, веселье жизни хладной, горькое наслаждение, отрава сладкая* («лю-

бовь»), *очарованье роковое, милые мученья, пить огонь травы сладкой* («переносить любовные страдания»), *сердца сладостные муки, сладость слез, темное утро года* (т.е. юности), *яд сладкий, волшебный яд желаний и другие*.

4. Невозможно найти в словаре традиционно-поэтической лексики и фразеологии такие единицы, которые были бы лишены в коннотативной окраске эмоционально-экспрессивного компонента.

Например: *агнец* – «о кротком, безропотном человеке», *амброзия* – «аромат, приятный запах», *ангел мой* – «ласковое обращение к любимой», *Аркадия* – «символ идеальной счастливой жизни», *безотрадный* – «унылый, мрачный», *влачить век* – «жить безрадостно», *воспылать страстью* – «предаться сильной страсти», *восторги сладострастья* – «чувственные наслаждения», *время золотое, года весны* – «юность», *жар любви* – «любовная страсть», *лобзание* – «поцелуй», *очарование* – «обаяние, чарующая сила кого-, чего-либо», *пламенеть любовью* – «быть охваченным любовной страстью», *расцвети душой* – «стать радостным, оживленным», *царицы Геликона* – «музы» и другие. Традиционно-поэтическая лексика и фразеология как показывает анализ, имеет, в основном, положительно-оценочную коннотацию и экспрессию «сладостности, нежности, пластичности, музыкальности» [Винокур, 1999: 241].

Итак, содержание культурной информации, представленной традиционно-поэтической лексикой и фразеологией, связано со следующими сферами реализации.

Во-первых, это романтический срез языковой картины мира, представленный культурными концептами: `Жизнь`, `Смерть`, `Любовь`, `Творчество`, `Природа`.

Во-вторых, это языковые средства стиля художественной литературы (лирики) конца XVIII-первой трети XIX вв.

В-третьих, – это совокупность образных средств - устойчивых и регулярно воспроизводимых тропов: метафор, сравнений, эпитетов, символов, перифраз, оксюморонов, представляющих интерес для исследования проблем исторической поэтики.

В-четвертых, это парадигма, обладающая положительно-оценочной и лирической эмоционально-экспрессивной окраской.

Кроме этого, традиционно-поэтическая лексика и фразеология - это категория исторической стилистики, связанная с историей формирования и развития норм литературного и художественного словоупотребления.

Таким образом, коннотация, как показывает анализ традиционно-поэтической лексики и фразеологии, есть один из способов хранения культурной информации.

Литература:

1. Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды. Т.2. М., 1995.

2. Бабенко Л.Г. Русская эмотивная лексика как функциональная система. Свердловск, 1989.

3. Бельчиков Ю.А. О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование /Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1988.

4. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т.7. М., 1955.

5. Винокур Г.О. О языке художественной литературы/ Сост. Т.Г. Винокур. М., 1991.

6. Говердовский В.И. История понятия коннотация // Филологические науки. 1979. N 1.

7. Максимов Л.Ю. Литературный язык и язык художественной литературы // Русский язык в национальной школе. 1967. N1.

8. Матвеева Т.В. Коннотация //Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003.

9. Опарина Е.О. Лексика, фразеология, текст: Лингвокультурологические компоненты // Язык и культура. Сборник обзоров. Вып. 2. М., 1999.

10. Сапожникова О.С. К семантической систематизации коннотативных значений // Филологические науки. 2003. N 2.

11. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

12. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль метафорического фактора в языке. М., 1988.

13. Токарев Г.В. К вопросу о типологии культурных коннотаций //Филологические науки. 2003. N3. С. 56-60.

14. Харченко В.К. Взаимодействие коннотативных признаков, созначений в семантике слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж,1983.

15. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. N 3.

© Коурова О.И., 2004

Палютина З.Р.

АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ ЯЗЫКА МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ

Древние цивилизации при всей их несхожести между собой представляют все же некое единство в отличие от прежних состояний развития человечества. Эволюция языка каждой этнической общности закономерно приводит к возникновению письменности и формированию основ культуры зарождающегося общества.

Открытия древнейших цивилизаций изменили картину древнего мира. Алан Элфорд подчеркивает, что первой из трех «великих» цивилизаций древности была Шумерская, возникшая на равнине между реками Тигром и Евфратом (две другие в долине Нила и в долине Инда). Полная картина хронологической преемственности между Шумером, Аккадом, Ассирией и Вавилоном остается загадкой, но изучение их письменных источников подтверждает первенство шумеров. В течение ста лет ученые переводят шумерские тексты, но они не обнаружили ни одного «заимствованного слова» и никаких следов предшествовавшей системы письма. Таким образом, приоритет Шумера в изобретении письменности очевиден. «Шумер был первой передовой цивилизацией на Земле, и все единодушно согласны, что начало этой цивилизации следует отнести к 3800 году до РХ» [Элфорд 2002: 159].

Что касается медицины, то у шумеров с самого начала были очень высокие стандарты. Шумерская медицина отличалась научным подходом к постановке диагноза и предписанию курса лечения, как терапевтического, так и хирургического [там же: 160]. Однако значительная часть глиняных табличек, найденных археологами в древней Месопотамии, – свидетельств высокой культуры шумеров – остается непереуведенной и по сей день. Скудность и фрагментарность имеющегося языкового материала заставляет ученых придерживаться традиционного подхода к истории древнего мира, согласно которому приоритет остается за античностью.

Не умаляя значения иных древних цивилизаций, ученые признают, что особое влияние на историю народов Европы оказала наиболее доступная для исследования античная цивилизация. В ее развитии четко выделяются две локальные цивилизации: греческая и римская. Иногда выделяют между ними эллинистический, или александрийский, период, когда эпицентр культуры переместился в Александрию. Именно в этих цивилизациях с давних пор шло интенсивное развитие культуры, по-

вливавшее на весь ход истории Западной и Восточной Европы.

В Греции в VIII – VI вв. до н. э. развились те социально-экономические и политические явления, которые придали античному обществу определенную специфику по сравнению с другими цивилизациями: классическое рабство, система денежного обращения и рынок, полис – основная форма политической организации. По мнению Ж.-П. Вернана, возникновение античного города-государства знаменовало собой раскрытие новых духовных горизонтов, выработку нового социального пространства [Вернан, 1998].

Становление полиса означало не только ряд экономических и политических преобразований, но и включало в себя также следующие факторы: изменение образа мышления, открытие другого интеллектуального горизонта, выработку нового социального пространства с центром на городской площади. В тот период зародились важнейшие элементы античной культуры – наука и философия, главные жанры литературы, театр, архитектура, спорт. Греческий античный мир был уникальным явлением в мировой культуре, в истории мировых цивилизаций.

У истории цивилизаций есть свой предмет исследования. Она изучает результаты человеческой деятельности в сфере материальной и духовной культуры в том виде, как они сложились и дошли до нашего времени. При этом подходе деление на материальную и духовную культуру исчезает уже потому, что произведения культуры возникают не сами собой, а только через деятельность человека. Вне человеческого сознания, его мышления не появляется ни одно произведение материальной культуры, ни одно проявление духовной культуры и науки. Главное достижение античной цивилизации связано с расцветом человеческой личности. Крупнейшим завоеванием этого периода считают подъем науки, в том числе медицины. Врачевание, возникшее из практического опыта народа, было неотъемлемой частью своеобразной культуры древнего Египта.

Различные области знаний у древних греков не были еще расчленены на отдельные науки и объединялись общим понятием «философия». Врачевание также долгое время развивалось в русле натурфилософии. Для древнегреческой философии, особенно в наиболее ранних ее стадиях, характерна стихийная диалектика. Несмотря на свою стихийность, именно философия способствовала превращению преднауки в науку, эмпирического опыта в теоретическое знание.

В этой связи нельзя не упомянуть точку зрения А.В. Семушкина, согласно которой греческая наука выводится из восточной науки, основываясь на бесспорных фактах взаимоотношений Востока и Запада накануне и в ходе социокультурного переворота в Элладе VП – V1 вв. до н. э. Хотя древнее ближневосточное естествознание, по признанию современных ученых, лишь условно и ориентировочно может быть названо наукой [Семушкин, 1996: 33]. В подтверждение сказанному можно процитировать Г.О. Винокура: "Сейчас нам представляется элементарно простым тот факт, что история древнего греческого общества теснейшим образом связана с историей других человеческих групп и сама имеет свою предысторию в культуре более древнейших народов" [Винокур, 2000: 35].

Несколько иначе обстояло дело в медицине, сохранившей свою терминологию на века благодаря преемственности языка. Осмысление медицинской терминологии на теоретическом уровне сводится к попытке систематизировать и описать ее с целью найти общие законы и правила, которым подчинялись образование терминов и их употребление.

Сочинения древнегреческих врачей обобщают достижения медицины древнейших цивилизаций. В трактатах Гиппократов и других древнегреческих врачей можно найти много медицинских терминов, принадлежащих к древнейшему пласту языка. Вероятно, было бы более приемлемо называть их не терминами, а словами терминологической направленности, но т.к. они в неизменном виде дошли до современного языка медицины, мы будем называть их терминами.

В форме этих разрозненных терминов, которые выражали специальные понятия зарождавшейся тогда медицинской науки системы, конечно, еще не наблюдается. Первоначально термины, скорее всего, никак не регламентировались. Время и практика отбирали наиболее удачные формы. Терминологическая система, как известно, складывается постепенно в течение длительного времени. Но уже в древние эпохи сложилось основное ядро медицинской терминологии, которое, обогащаясь семантическими изменениями и пополняясь заимствованиями, способствовало обеспечению преемственности исторических периодов в развитии языка медицинской науки.

Обнаружить эту преемственность помогает, несомненно, диахронический метод исследования. По мнению специалиста в области исторического терминоведения О.В. Фельде, диахрония

– особый аспект исследования. При диахроническом подходе к изучению лексики учитывается, что любая синхронная система является следствием предыдущей, что в каждый отдельно взятый момент истории исследователю приходится иметь дело с начавшимися изменениями предыдущей системы. "Задача диахронических исследований терминологии – проследить развитие терминологии от момента их возникновения до настоящего времени. При этом всегда выявляются те основные языковые процессы, которые определили современное состояние той или иной терминосистемы" [Фельде, 2001: 7].

Реконструкции древнейших представлений человека об окружающем мире, восстановлению древнейших, порой ошибочных представлений греков о причинах болезней способствует этимология, в задачи которой входит поиск и объяснение древнейших значений и форм слова. А выявление генетически первичной семантики слова способствует правильному осмыслению его в функции термина.

Материалом для исследования медицинской лексики античного периода послужила выборка терминоединиц из двух медицинских этимологических словарей О. Перри Пеппера и Х.А. Скиннера.

В медицинской лексике античной цивилизации выделяются несколько тематических групп (ТГ). Бесспорно, можно говорить о самых распространенных и самых древних ТГ анатомических наименований и ТГ наименований болезней. Теоретически вполне допустимо выделение и тематических групп наименований примитивных лекарств для лечения болезней, которые использовали древние врачи, и группу первых хирургических инструментов. Но ввиду отсутствия исчерпывающих данных о лекарственных препаратах и инструментах древности не представляется целесообразным выделять эти ТГ для лингвистического исследования.

Изучение медицинской лексики донаучного периода в данной работе ограничивается рассмотрением ТГ анатомических наименований и ТГ нозологических наименований (в медицинской терминологии учение о болезнях, их классификации и номенклатуре носит название «нозологии»). Будучи одними из самых древних, эти ТГ интересны и тем, что в них представлены основные способы номинации, и на примерах формирования и развития этих групп можно выявить некоторые общие закономерности номинативных процессов.

В терминоведении, как отмечает В.А. Татаринов, сложилась своя специфическая система способов словообразования, отличающаяся от академической грамматики и специальных курсов [Татаринов, 1996: 210]. В этой отрасли языкознания принято выделять лексико-семантический, морфологический и синтаксический способы словообразования.

Языковой базой медицинской лексики античного периода послужили переосмысление общеупотребительной лексики, морфологический способ образования терминов и заимствование. Диахронический подход к рассмотрению содержательной стороны слова предполагает изучение изменения значения слова. Ретроспективный анализ позволяет проследить его развитие и вскрыть первоначальное этимологическое значение, которое не всегда совпадает с основным, т.к. на разных этапах развития языка в качестве основного могут выступать разные значения слова.

Основная часть древнегреческих медицинских терминов была создана путем переосмысления общеупотребительных слов. Переосмысление – результат взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов, это один из способов познания действительности в сознании человека, и он связан с воспроизведением реальных или воображаемых особенностей отражаемых объектов на основе установления связи между ними. Каждое переосмысление – образное семантическое преобразование, но не каждое семантическое преобразование – переосмысление: *epiphora* – древнегреческое общеупотребительное слово, обозначавшее *добавок к жалованью*, в результате переосмысления у этого слова возникло терминологическое значение *слезотечение*. План выражения слова и его значение остаются неизменными до тех пор, пока слово не начинает употребляться для наименования другой реалии, тогда эту реалию начинают называть тем же словом.

Возникновение терминологического значения у общеупотребительного слова может происходить в результате метафорических переносов. Метафора, связанная с переносом по сходству и являющаяся единственным способом выразить новое через уже известное [Арутюнова, 1978], – одно из главных и продуктивных средств формирования вторичных наименований и пополнения как общеупотребительной, так и терминологической лексики. Метафоризация в терминологии – это семантический процесс создания наименования на основе предметного, при-

знакового или функционального сходства двух гетерогенных объектов [Лапиня, 1988: 137]. Метафоры присущи человеческому мышлению. Они пронизывают всю концептуальную систему человека, в основе которой лежит ряд ключевых базисных или «корневых» метафор [Lakoff, Johnson, 1980]. При этом следует отметить, что метафоризация характерна для ранней стадии развития терминологии. В сложившихся терминосистемах роль ее заметно снижается. В продолжение этой мысли уместно привести высказывание В.Н. Телия: "Деятельностный аспект метафоры самым тесным, непосредственным образом связан с человеческим фактором в языке: благодаря ему в языковых средствах запечатливается все то национально-культурное богатство, которое накапливается языковым коллективом в процессе его исторического развития" [Телия, 1978: 173]. При этом следует отметить, что метафоризация характерна для ранней стадии развития терминологии. В сложившихся терминосистемах роль ее заметно снижается.

Большое значение метафоризации как активному виду семантического образования в медицинской терминологии придает в своих работах В.Н. Прохорова. Различная активность метафоризации в терминосистемах объясняется, пишет В.Н. Прохорова, различием соотношения конкретной и абстрактной лексики. В терминологиях естественных дисциплин, в том числе и медицины, широко представлена конкретная лексика. «Метафоризация в терминологии – процесс, характерный прежде всего для конкретной лексики» [Прохорова, 1996: 41]. Аналогичное мнение высказывает Г.Г. Ивлева (2000. С. 26).

В основе создания нового наименования может лежать сходство (иногда весьма отдаленное) некоторых признаков реалии, уже имеющей название в языке, и называемой реалии. Такими признаками могут быть признаки цвета, формы, размеров, качества и т. п. В основу переносных значений медицинских терминов в античной цивилизации было положено сходство признаков:

- с представителями животного мира, их частей – *lagophthalmos* – лагофталм (*lagoos* – заяц – *ophthalmos* – глаз);
- с растениями – *staphyloma* – стафилома (*staphyle* – виноградная гроздь);
- с явлениями природы – *chalazion* – халазион (*chalaza* – град);
- с обозначениями цветов – *poliosis* – полиоз (*polios* – серый)

-*osis* – состояние);

- с предметами домашнего обихода – *angioma* – ангиома (*angion* – сосуд -*oma* – опухоль); *cycle* (*kyklos* – кольцо) – цикл.

Немаловажную роль в терминообразовании играет и морфологический способ. По мнению В.Н. Прохоровой, морфологический и семантический способы образования являются разными аспектами словообразования и во многих отношениях сходны [Прохорова, 1996: 8].

В современной литературе активно утверждается близость семантической многозначности и словообразования. Взаимосвязь структурных и семантических признаков ярче всего представлена в лексике терминологического плана, и чтобы раскрыть эту связь, нужен морфологический анализ, который целесообразнее провести на материале ТГ нозологических наименований, являющихся в семантическом отношении вторичными. Морфологический анализ способствует выявлению определенных морфем, определению их значений с учетом их роли в терминологии и тем самым способствует установлению рационального способа пополнения лексического состава.

В терминообразовании той эпохи наиболее продуктивными были следующие префиксы: *di-*, *en-*, *eso-*, *exo-*, *hyper-*, *hypo-* (*diastasis*, *encephalitis*, *esophagism*, *exophoria*, *hypertonia*, *hypoadenia*).

Для оформления нозологических наименований античного периода в языке медицины широко использовались суффиксы: *-itis*, *-ia*, *-osis/-iasis*, *-oma*, *-ism*, *-us*, имеющие очень широкую, но выборочную по отношению к корневым морфемам сочетаемость: они употребляются для обозначения болезненного состояния или воспалительного процесса.

Одним из самых распространенных суффиксов, употреблявшихся еще во времена Гиппократов, был суффикс *-itis*, представлявший собой архаичную форму окончания прилагательного *-ites*. Этот суффикс наряду с перечисленными выше суффиксами составляет семантическую группу слов со значением *заболевание, воспалительный процесс*. Огромное количество медицинских терминов образовано при помощи этого суффикса: *-itis*, *blepharitis*, *salpingitis*, *endaortitis*, *dermatitis* и др.

Сведениями о том, заимствованиями из каких источников пользовался Гиппократ для создания новых медицинских слов, не располагают ни отечественные, ни зарубежные исследователи. Хотя известно, что знания врачей Древнего Востока и преж-

де всего Шумера, Ассирии, Вавилона и Древнего Египта легли в основу медицины Древней Греции. Исключение составляют лишь отдельные слова, которые приводятся в этимологических словарях. В частности, *hyalitis* – *воспаление стекловидного тела* дается в словаре как заимствование из древней египетской цивилизации [O.Perry Pepper, 1949].

В Древнем Риме языком медицины до кризиса античного мира был греческий язык, т.е. греческая медицина была занесена в Рим врачами – выходцами из Греции и Египта. Однако, по мнению Л. Винничук, люди в Италии лечили друг друга еще задолго до того, как там утвердился культ Эскулапа. Издавна существовали народная медицина, лечение травами, заговорами [Винничук, 1988: 244]. Несмотря на установление римского господства над Грецией, латинский язык на протяжении всей своей истории испытывал сильное влияние греческого языка. Образование медицинских терминов на греческом языке продолжалось до VIII–IX вв., а затем временно (до эпохи Ренессанса) пошло на убыль.

Из сочинений римских ученых Цельса и Галена, касающихся симптоматики и лечения болезней, до нас дошли немногочисленные наименования: *oculus* – глаз, *cartilage* – хрящ, *tunica* – оболочка, *thalamus* – таламус. Греко-латинский язык эпохи Цельса – язык современной медицинской науки.

В формировании латинского пласта медицинской лексики заметную роль сыграло заимствование, которое находится в прямой зависимости от исторических условий развития науки. Древние римляне, сами не занимавшиеся медициной, заимствовали почти полностью весь медицинский словарь древних греков, приспособив его к фонетическим, грамматическим и лексико-семантическим законам своего языка. Латинские наименования анатомической номенклатуры – прямой перевод с греческого. Очень часто латинское слово употреблялось для названия анатомической структуры какого-либо органа, а греческое – для обозначения патологических процессов в том же органе: *gingiva* – десна – *gingiva* + *-itis* – гингивит; *lingua* – язык – *lingua* + *tuliasis* – лингватулез (инфекция); *nephron* – почка – *nephro* + *oma* – опухоль, происходящая из почечной ткани; *pancreas* – поджелудочная железа – *pancreato* + *lysis* – деструкция панкреатической ткани.

Поскольку процесс ассимиляции заимствований включает в себя изменения в звуковой форме, морфологической структуре,

грамматических характеристиках, значениях и употреблении, то выделяют фонетические, грамматические и лексические ассимиляции заимствований. Фонетическое преобразование заимствований заключается в замене неприемлемых чужих звуков близкими по качеству звуками заимствующего языка, а также изменение ударения. Такой фонетической ассимиляции подверглись греческие звуки и буквы. Так, греческие *chi*, *X*, *theta*, *psi* перешли соответственно в *k*, *t*, *ps*; *eia* > *ia* или *um* (*cheilitis*, *chilitis* [ki-litis] хейлит – *воспаление губы*; *cheilosis*, *chilosis* [ki-losis] хейлоз – *ангулярный стоматит* и т.п.

При грамматической ассимиляции заимствованные слова теряли свои грамматические формы, приобретая новые. Греческие слова, заимствованные латынью, можно подразделить на три класса: 1) греческие слова, употреблявшиеся в латинском языке в неизменном виде: *analysis*, *analgesia*, *epitome*, *scotoma* и др.; 2) греческие слова с измененными окончаниями *therapeia* > *therapy*; 3) сложные слова, созданные по греческим моделям: *hydroscopic*, *thermometer* и др.

Ассимиляции подвергались не только существительные, но и прилагательные. В древнегреческом языке медицины было несколько способов образования прилагательных от существительных (Andrews 1947). Самым распространенным окончанием стало греческое окончание *ikos*, которое перешло в *ic*. В латинском языке оно получило широкое распространение и по аналогии римляне начали создавать свои прилагательные *cardiac*, *pulmonic*, *pelvic*. Иногда греческое слово существовало в двух формах: одно с греческим окончанием, другое – с латинским *thermic* -- *thermal*. От одного и того же слова могло быть образовано два имени прилагательных, так *oculus* – глаз; глазной – *ocular*, *optic*.

Лексическая ассимиляция предполагает изменение семантической структуры заимствованной лексики. При заимствовании мог измениться объем значения слова. Обычно происходило его сужение, так было с греческим словом *stenosis* – сужение любого канала. Значение этого слова сузилось и в кардиологии стало обозначать *сужение одного из сердечных клапанов*.

Переосмысление общеупотребительных слов, широко употреблявшееся древними греками, было распространенным способом создания медицинской лексики и у древних римлян. Путем метафорического переноса по сходству с растениями, материальными объектами, различными веществами было создано

немало терминов по сходству с растениями (*uvea* – средняя сосудистая оболочка от лат. *uva* – виноград; *lens* – хрусталик глаза от лат. *lens* – чечевица; *fungi* – грибы от лат. *fungus* – гриб; *hordeolum* – ячмень на глазу от лат. *hordeum* – ячмень; *milium* – белые угри от лат. *millet* – просо) с материальными объектами (*cupula* – купол от лат. бадья, лохань; *retina* – сетчатая оболочка от лат. *retina* – сеть; *corpus vitreum* – стекловидное тело от лат. *vitrum* – стекло; *fusimotor* – фузимоторный от лат. *fusus* веретено + *motor* – двигаться), с различными веществами (*pinguecula* – желтое пятно от лат. *pinguis* – жир + уменьшительный суффикс *-cula*).

С точки зрения структуры латинский медицинский пласт лексики представлен одно- и многословными единицами: *orbit*, *caveola*; *articular cartilage*, *ganglion cell*, *collagen fiber*; *vasa sanguinea retinae*, *fascia perinei superficialis*; *fasciculus posterior plexus brachialis*, *ganglion superius nervi vagi*.

Таким образом, наиболее обширный пласт медицинской лексики составляют термины, созданные на греко-латинской основе, что подчеркивает непревзойденное значение античной цивилизации для создания языка науки. Использование элементов классических языков для образования медицинских терминов позволяло создавать абсолютные термины, т.е. слова, в семантической структуре которых отмечены лишь терминологические значения. Для абсолютных терминов характерна высокая степень соответствия плана содержания и плана выражения, что очень важно в сфере специальной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. М., 1978. Т.37. № 4.
2. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988.
3. Винничук Л. Люди, нравы, обычаи Древней Греции и Рима. М.: Высшая школа, 1988.
4. Винокур Г.О. Собрание трудов: Введение в изучение филологических наук. М.: Лабиринт, 2000.
5. Ивлева Г.Г. О роли метафоры в процессах познания (на материале немецкой космической терминологии) // Терминологический вестник. М.: Моск. Лицей. 2000. № 1.
6. Лапиня Э.А. Метафора в терминологии микроэлектроники (на материале английского языка) // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988.

7. Прохорова В.Н. Русская терминология /лексико-семантическое образование/. Филол. фак-т МГУ, М., 1996.
8. Семушкин А.В. У истоков европейской рациональности. Начало древнегреческой философии. М.: Интерпракс, 1996.
9. Татаринов В.А. Теория терминоведения: В 3 т. Т. 1.: Теория термина. М.: Моск. Лицей, 1996.
10. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М.: Наука, 1988.
11. Фельде О.В. Историческое терминоведение в теории и практике. Красноярск: РИО КГПУ, 2001.
12. Элфорд Алан Ф. Боги нового тысячелетия. М.: Вече, 2002.
13. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press. 1980.
14. Perry Pepper O.H. Medical Etymology. London, 1949.
© Палютина З.Р., 2004

Попова Э.Ю.

ВАРВАРИЗМЫ В ДЕЛОВОЙ РЕЧИ

Процесс заимствования иноязычных слов диктуется потребностями общества, изменениями в его жизни, политической, экономической, повседневной. Однако есть и другая сторона этого процесса. Зачастую иноязычные слова возникают в языке как дань моде, вытесняя исконные русские и ранее заимствованные, прижившиеся в языке слова. Конец XX – начало XXI века ознаменованы «нашествием» англицизмов на русский язык. Н.С. Валгина называет это явление «американоманией», *«когда привлекательными оказываются не только технические новшества, но и стандарты жизненного уровня, манеры поведения и общение, вкусы»* [Валгина, 2001: 108].

Необходимость в международном обмене информацией привела к заимствованию интернациональной лексики (чаще английской), не имеющей адекватных соответствий в русском языке, но вместе с новыми словами пришло много слов, нарушающих чистоту русской речи. Большая часть иноязычных слов – варваризмы, поскольку отсутствует их необходимость в русском языке, ибо существуют русские лексические эквиваленты данным словам. Иноязычные слова стали привлекательными, престижными. Как дань подобной моде появились, например, названия: автомагазин «Байрон», кафе «Фридей», а бывший

уборщик называется теперь клинингер и т.п.

Среди наиболее употребительных заимствований в современном русском языке в особую группу выделяются слова, связанные с экономической сферой деятельности. В последние годы в деловом общении появилось множество слов, связанных с предпринимательской деятельностью. В этой сфере проявляется чрезмерная тяга к употреблению иноязычного слова вместо русского. В.Г. Белинский писал: *«В русский язык по необходимости вошло много иностранных слов. Потому что в русскую жизнь вошло множество иностранных понятий и идей. Подобное явление не ново.... Изобретать свои термины для выражения чужих понятий очень трудно, и вообще этот труд редко удаётся. Поэтому с новым понятием, которое один берет у другого, он берет и самое слово, выражающее это понятие»*. С другой стороны, В.Г. Белинский указывал, что *«употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, значит, оскорблять и здравый вкус, и здравый смысл»*. *«Ничего не может быть нелепее, чем употребление слова **утрировать** вместо **преувеличивать**»*, - сетовал русский критик. Правда, он не догадывался, что могут быть еще более нелепые случаи словоупотребления в XXI веке. В одной из екатеринбургских газет поместили следующее объявление: «Международная компания «Реemtсма» производитель известных **брандов** ... объявляет конкурсный набор **МЕРЧЕНДАЙЗЕРОВ**. Обязанности: **дистрибуция** сигарет в розничной сети г. Екатеринбурга и области; ... **мерчендайзинг**». Неужели в русском языке отсутствуют слова, обозначающие распространение табачных изделий и торговлю ими? Подобное словотворчество вызывает не только горькую улыбку, но и возмущение. Тиражируя отклонения от норм русского литературного языка, журналисты, новоявленные бизнесмены, а иногда и государственные деятели навязывают нам ненужные иностранные слова.

В данной работе мы остановимся на некоторых иноязычных лексических единицах, используемых в деловом общении. Материалом послужили слова со значением «профессия», «специальность» из объявлений, помещенных в газетах, предлагающих вакансии и рекламирующих новые, «престижные», профессии: «Работа для Вас», «Есть работа!», «Работа Урала», «Вакансия» за август – сентябрь 2004 года.

Страницы данных печатных изданий пестрят разнообразными объявлениями, которые приглашают на работу специалистов

в области менеджмента. Например:

Модному дому Ларисы Селяниной
требуется

имидж-менеджер...

(«Работа для Вас», № 67, с.7)

Компании в отдел продаж

На новые и действующие направления

«офисных стульев и мебели»

срочно требуется

супер-менеджер.

Работа для энергичных профессионалов.

Рассмотрим кандидатуры толковых выпускников ВУЗов...

(«Работа для Вас», № 67, с. 8)

Кадровая служба приглашает **менеджера на выпуски.**

Требования: девушка, среднее образование, от 23 лет...

(Там же),

а также требуются **офис-менеджеры, менеджеры по продажам, менеджеры по рекламе** и т.д.

Похоже, что уважаемые работодатели не совсем четко представляют себе значение слова «менеджер». В словаре иностранных слов читаем: «**Менеджер** [англ. manager < manage управлять] – 1. наемный профессиональный управляющий предприятий, член руководящего состава компании, банка, учреждений, их структурных подразделений». 2. Предприниматель в профессиональном спорте, организующий тренировки и выступления спортсменов. [Крысин, 1998: 428].

Опрос студентов, обучающихся по специальности «менеджмент» показал, что многие из них не могут точно определить значение слова «менеджер»: «...что-то вроде специалистов по продаже, ...слово модное».

Ряды управляющих пополнила еще одна специальность – **супервайзер**. Если слово «менеджер» включено в «Современный словарь иностранных слов», то слово «**супервайзер**» пока еще не заняло там достойного места. Однако в газетах достаточное количество предложений от различных работодателей:

ООО ТК «СВИТ»

Приглашает

Супервайзера

Требования: от 25 до 30 лет, высшее образование, знание ПК....

(«Работа для Вас», № 67, с. 1)

Уральская вино-водочная компания

приглашает молодых инициативных
коммуникабельных людей на должность
супервайзера городских продаж

в/о, опыт работы

(«Работа для Вас», № 67, с. 1)

Крупной кондитерской компании требуется

Супервайзер

Требования:

- * личный автомобиль
- * опыт работы не менее года
- * активность и ответственность, исполнительность.....

(«Работа для Вас» № 60, с. 30).

Сопутствующие комментарии о требованиях к претенденту не объясняют сути предстоящей деятельности. Обратимся к Англо-русскому словарю:

Supervisor – 1. Надсмотрщик, надзиратель, контролер. 2. Инспектор школы. <**supervise** – смотреть, наблюдать, надзирать, заведовать. [Миллер, 1990: 703]. Пристрастный читатель, обратившийся к словарю, очевидно, не найдет там достойного объяснения значения «русского» слова **супервайзер**. По утверждению некоторых специалистов в области торговли, **супервайзер** – руководитель нижнего звена. К счастью, среди объявлений мы обнаружили рекламу от компании «Сладко», в которой поясняется: «**Супервайзер** команды торговых представителей будет отвечать за достижение максимального объема продаж от **дистрибьютора** в розничные точки, обеспечивая максимальную **дистрибьюцию** продукции Компании на вверенной территории посредством управления командой торговых представителей **дистрибьютора**» («Работа для Вас», № 60, с. 30). Не правда ли все предельно ясно. Только претендент может не знать, кто такой **дистрибьютор**.

Читаем еще одно объявление в газете:

SIL – агентство

Абрикос

Проводит набор на вакансии

Менеджер проекта

Мерчендайзер

Супервайзер

Промоутеры

(«Есть работа!», № 34, с.16)

Думается, что рядовому читателю трудно разобраться. Кем

его приглашают работать.

Со словом **мерчендайзер** мы уже встречались. Это слово восходит к английскому **merchandise** – 1. товары. 2. торговать. [Миллер, 1990: 441]. В русском языке это слово имеет, очевидно, несколько значений:

ООО «Сити Пресс»

Приглашает на постоянную работу

Мерчендайзеров

Для работы в г. Первоуральск и г. Ревда
(обслуживание магазинов самообслуживания)

(«Есть работа», № 34, с.14)

Рекламное агентство «AGN-Group»

Срочно требуется

Мерчендайзер

* наличие автомобиля

* опыт работы

* выкладка товара и размещение PSD материала...

(«Есть работа», № 30, с.18)

Рекламное агентство «Абрикос»

Торговая компания (продукты питания)

Объявляет набор на должность

Мерчендайзера

Для работы с магазинами на неполный рабочий день

(«Работа Урала», № 33, с. 17)

Из контекстов следует, что **мерчендайзер** – 1. специалист по работе с товаром и его продвижением (см. выше). 2. специалист, помогающий магазинам оформлять витрины, рекламировать товар, человек, осуществляющий проверку работы магазинов в данном направлении.

В последнее время на полках книжных магазинов появились учебники по мерчендайзингу. Правда, господа рекламодатели еще не договорились, как писать это новомодное, «престижное» слово: **мерчендайзер** или **мерчандайзер**.

Слово **«промоутер»** знакомо любому студенту. Это они в свободное от учебы время, одетые в яркие костюмы, в магазинах или на улице рекламируют товар: «Сегодня, покупая у нас одну бутылку водки «Довгань», вы получаете в подарок вторую» (рекламная акция в магазине). Однако носителю языка старшего поколения слово **«промоутер»** ни о чем не говорит. Обратимся снова к англо-русскому словарю: **promotion** – 1. продвижение, содействие, поощрение. 2. продвижение по службе. **Pro-**

moter – 1. тот, кто или то, что способствует (чему-л.), покровитель, патрон. 2. подстрекатель. [Миллер, 1990: 550]. В нашем случае **промоутер** – человек, продвигающий товар, рекламный агент, коммивояжер.

Совсем недавно в рекламных изданиях появился призыв приобрести профессию **трейдера** (англ. **trader** - 1. торговец (оптовый), 2. биржевой маклер, спекулянт. [Миллер, 1990: 740]. Газета «Есть работа!» № 34 расписывает нам все преимущества профессии **трейдер** международного финансового рынка Forex. Из статьи, помещенной в газете, следует, что значение русского слова **трейдер** соответствует второму значению английского **trader**.

От сферы торговли по употреблению варваризмов не отстает и сфера общественного питания.

Ресторану японской кухни «Васаби» требуется

ХОСТЕС

Обязанности: встречать и провожать гостей

Требования: мужчина до 23 лет, привлекательная внешность, коммуникабельность.

(«Работа для Вас», № 60, с. 40)

Ресторан «Антей» приглашает на работу

Девушку на **ресепшн**

(Там же).

В некоторых объявлениях еще проще: «Приглашаем **хостес на ресепшн**». На русский язык это уже совсем не похоже, поэтому снова обратимся к англо-русскому словарю: **hostess** – 1. хозяйка. 2. хозяйка гостиницы. 3. бортпроводница. 4. старшая официантка. [Миллер, 1990: 441]. **Reception** – 1. прием, получение. 2. прием, принятие. 3. прием, вечеринка, встреча [Миттер, 1990: 582].

Думается, что невооруженным глазом заметно, что английское **hostess** обозначает особу женского пола. Как же тогда **хостес** – мужчина до 23 лет? На месте хозяина ресторана мы бы употребили простое и понятное, хотя тоже заимствованное, слово «швейцар». В случае с **ресепшн** почему бы не воспользоваться словами «встреча» и «прием», хотя и английский и русский варианты совпадают и по значению и по произношению.

По мнению Н.С. Валгиной, стремление к модному, более современному слову – одна из причин заимствования. «На общем фоне широкого заимствования «заморское слово» оказывается престижным, звучащим по-ученому и, следовательно, интел-

лектуально и красиво» [Валгина, 2001: 112]. Следует, однако, отметить, что, употребляя заимствованное слово, носитель русского языка берет на себя особую ответственность. Он должен задать себе вопрос: «Достаточно ли хорошо я знаю его значение? А правильно ли я его пишу?» Иначе появляются «шедевры», подобные следующему. Позволим себе привести его целиком:

РЕСТОРАН
В ЦЕНТРЕ ГОРОДА
Объявляет конкурс
На должность
Метродателя
Тел. 359 – 20 – 04

(«Работа для Вас», № 62, 40)

Думается, что прежде, чем подать объявление в газету, автор данного произведения должен был заглянуть словарь:

Метрдотель [фр. Maitre d'hotel] – главный официант, распорядитель в ресторанах [Крысин, 1998: 434]. О какой интеллектуальности идет речь? Кстати, газета объявлений «Работа для Вас», имеющая и редактора, и **ведущего менеджера**, и **офис-менеджера** по рекламе, и специалиста по **промоушин**, снимает с себя ответственность: «За содержание и стиль рекламных объявлений редакция ответственности не несет». А следовало бы.

Рассмотренные нами заимствования являются преимущественно англицизмами. «Английский язык (в его американском варианте) – главный донор эпохи, его влияние в разные языки мира, в том числе в последние десятилетия и в русский язык, очень существенны» [Валгина, 2001: 116]. Причины этого явления могут быть различными, но мы убеждены, что основная масса заимствований в тематической группе, представленной в данной работе, не является насущной необходимостью, а вызвана психологическими причинами. Приобщенность к «продвинутой» среде, стремление показать свою принадлежность к миру «большого» бизнеса – вот, на наш взгляд, основные причины употребления модных слов.

Человеку, ратующему за чистоту языка, гораздо ближе природные русские слова: управляющий, руководитель, продавец, наконец, купец. Невозможно остановить бег времени, но хочется верить, что большинство из этих «варварских» слов исчезнут из русского языка, хотя возможно, мы привыкнем к ним, как к заим-

ствованным еще в XVIII веке словам бухгалтер, администратор, аудитор.... Будем надеяться, что разумное отношение к родному языку, любовь к нему и бережное отношение позволят пережить этот «бум» заимствований. Ведь новый октябрьский праздник называется Праздник мира и **согласия**, а не мира и **консенсуса**.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2001.
2. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Рус.яз., 1998.
3. Миллер В.К. Англо-русский словарь – М.: Рус.яз., 1990.
4. Костомаров В.Г. Язвковой вкус эпохи. – М., 1994
5. Капорина Е.В. Иноязычное слово в узусе 90-х годов (социолингвистические исследования) // Русский язык сегодня. Вып. 1. сб. статей // РАН Ин-т рус. яз. Им. В.В. Виноградова. – М., 2000.

© Попова Э.Ю., 2004

Хабибрахманова Ю.Р.

КАТЕГОРИЯ ТОНАЛЬНОСТИ В ЖАНРЕ ОЧЕРКА

Очерк – «художественно-публицистический жанр, требующий образного, конкретно-чувственного представления факта и проблемы» [Стилистический энциклопедический словарь, 2003: 84]. Особенность этого жанра в том, что автор (наблюдатель, комментатор, участник в событии исследователь) не может относиться к описываемому факту или проблеме беспристрастно, он старается пропустить это все через себя, дать свою оценку происходящему. И не сухого натуралистического описания ждет от того или иного очерка читатель, он ждет его «психологии».

Любой публицистический очерк, как и художественное произведение, характеризуется тем, что в нем выразительно воздействующий аспект играет доминирующую роль. «Тон цементирует произведение, а также служит способом возбуждения в сознании читателя соответствующих ассоциаций» [Лейдерман, 1976: 9].

По мнению Б.О. Кормана, «основной эмоциональный тон представляет собой определяемый мировоззрением закон эмоциональных реакций, лирическое самосознание самых разных людей» [Корман, 1997: 62]. Существенным признаком публицистических жанров является повышенная субъективность, связанная с обязательной авторской оценкой. Автор может быть

участником того или иного события, а может быть лишь «закадровой силой», но его цель всегда - донести до читателей ту или иную проблему, событие, факт, выставить ее на всеобщий суд, дать ей свою оценку, которая в свою очередь должна совпасть с оценками читателей. Поэтому эмоциональный тон (тональность), является неременным способом выражения авторской точки зрения, воздействующим на читателя и служащим для формирования его умозаключений.

Вслед за Т.В. Матвеевой мы считаем, что автор стремится в своем тексте разместить те или иные сигналы психологической установки на подсознательном или сознательном уровне, которые проходят через весь текст, создавая при этом некую сквозную нить и связывая его в единое целое [Матвеева, 1990: 27].

За счет таких сигналов и создается определенная психологическая окраска речи – тональность текста. Из этого следует, что тональность представляет собой такую текстовую категорию, в которой находит отражение психологическая установка автора текста.

Некоторыми исследователями, прежде всего Т.В. Матвеевой, тональность понимается как функционально-семантическая категория, связанная с языковыми категориями эмоциональности. По ее мнению, данная категория взаимодействует с оценками на эмоциональном основании усиления и взаимодействия. Так, на языковом уровне Т.В.Матвеева выделяет следующие базовые средства тональности, непосредственно выражающие семантику эмоциональности, волеизъявления, усиления: эмоциональные междометия, эмоционально-экспрессивная лексика, эмоционально-экспрессивные аффиксы, экспрессивные интонационные конструкции, прямые и переносные формы повелительного наклонения, экспрессивные синтаксические конструкции, изобразительно-выразительные средства (тропы и фигуры речи). Периферию тональности составляют те единицы языка, которые содержат не прямое выражение эмоционально-экспрессивной семантики, а также слова, обозначающие понятия о тех или иных эмоциях, волеизъявлениях. Текстовыми средствами поля тональности являются не только ядровые и периферийные средства, но и открытый и скрытый характер эмоционального и волевого авторского настроения.

В.В. Виноградов в своей работе «О теории художественной речи» рассматривает тональность (хотя о ней прямо не заявлено) на примере типов ораторской речи, «в которых главное –

фоника, смена интонаций – словом, синтактика словесных рядов в их звучании» [Виноградов, 1997: 130]. Так, по его мнению, в патетической речи важна, прежде всего, интонация эмоционального нагнетания, подъема, которая связана с фигурой лексических повторов, сцеплений синонимов, а также обилием вопросительных и восклицательных конструкций, установкой на тон непосредственных обращений к слушателям, вкрапление своеобразных разговорно-речевых конструкций. Все это способствует созданию единого эмоционального настроения в тексте.

Обобщив сказанное выше, можно утверждать, что средства выражения тональности функционируют на следующих уровнях:

1. Фонетический уровень – экспрессивно-интонационные конструкции;

2. Словообразовательный уровень – эмоционально-экспрессивные аффиксы;

3. Лексический уровень – эмоционально-экспрессивная лексика, а также слова, содержащие в своей семантике указание на то или иное эмоциональное состояние; образительно-выразительные средства, синонимия слов, фразеологические обороты;

4. Грамматический уровень – эмоционально-экспрессивные междометия, формы повелительного наклонения;

5. Синтаксический уровень – инверсия, синтаксические повторы, обособленные причастные и деепричастные обороты, устойчивые обороты и др.

Целью данной работы является выявление **средств выражения** тональности и специфики их функционирования на материале политического очерка, в частности, одной из его жанровых разновидностей – политического портрета. Мы считаем, что позиция носителя речи в публицистическом тексте является не менее конкретно-чувственной, чем в тексте художественном. Конкретной же задачей является уточнение **иерархии** средств выражения тональности, а в итоге - авторской оценки всего текста.

На материале политического очерка «Он вернулся в чужую для себя страну» В. Вульфа [Вульф, 2004: 8], в котором он попытался показать место А.И. Солженицына в общественной и культурной жизни России, мы попытались показать, как реализуется тональность на различных уровнях текста.

1. Наиболее ярко, на наш взгляд, в этом очерке тональность проявляется на лексическом уровне текста. Для данного очерка

характерно использование «лексических единиц с эмоциональным семантическим потенциалом», которые «рассыпаны» по всему тексту, но вместе с тем, создают определенную психологическую окраску. Так, нами были выделены две тональности: тональность уважения и тональность снисходительного сожаления. Тональность уважения представлена следующим лексическим набором: *чрезвычайно велики, потрясение, поступок, переворот, значимый факт, истинно русский человек, уважение, человек-патриот, высокий нравственный строй, заслуги, писательский подвиг, слава, вернулся*. Приведенные слова, несмотря на то, что они разбросаны по всему тексту, связаны между собой скрытой эмоциональной оценочностью и создают при этом единый эмоциональный настрой.

Прежде всего надо отметить, что роль и значение Солженицына в том, что произошло в нашей стране, чрезвычайно велики

А потом Солженицын совершил поступок, равный которому не совершил ни один человек на Земле. Это был подвиг – опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ». Название этого романа стало для всего мира – синонимом сталинского времени.

Тональность снисходительного сожаления выражается на лексическом уровне следующим образом: *неудовлетворенность, трудно читать, далекость писателя, удаленность, другой мир, утопический мир, немолодой, болеющий человек, не принимает активного участия, анахронизм, чужд, непонятен, место скромно, живет отдельно, заслуги в прошлом*. С помощью этих лексических средств автор определяет свое отношение к месту писателя в сегодняшней жизни России.

Я могу не соглашаться с сегодняшними взглядами писателя. Но это не имеет никакого значения. Когда Александр Исаевич напечатал свое знаменитое произведение «Как нам обустроить Россию?», мне стала очевидна далекость писателя от современной России.

Солженицын сегодня живет отдельно от страны. А страна живет отдельно от него. Его великие заслуги в прошлом, а прошлое, как известно, забывается. Обидно, что многие не хотят его знать. Но без кирпичиков прошлого нельзя построить будущее. Место Солженицына в сегодняшнем сознании скромно, он не является идолом, идеологом, кумиром.

К этому уровню мы относим и устойчивые обороты:

Александр Исаевич и его жена Наталья Дмитриевна про-

шли через то, что не дай бог испытать никому.

С помощью вкрапления в придаточную часть предложения устойчивого оборота актуализируется тональность уважения к личности Солженицына и его жены и тональность сожаления по поводу произошедшего с ними во время политических гонений.

2. Грамматический уровень представлен лишь эмоционально-экспрессивным междометием **увы**, в толковом словаре имеющем следующее значение: «восклицание, обозначающее сетование, сожаление», и наречием **обидно** – «досадный, неприятный», которые являются очередными средствами воплощения тональности снисходительного сожаления:

«Как нам обустроить Россию?», увы, показало удаленность Солженицына от сегодняшнего времени, то, что он живет в своем утопическом мире, который совершенно не соответствует тому, как живет наша страна.

Обидно, что многие не хотят его знать.

3. Синтаксический уровень текста.

Тональность на данном уровне воплощается посредством разнородных средств текстообразования.

1) Синтаксические конструкции с тире – знак, который, на наш взгляд, в приведенных ниже примерах выполняет не только грамматическую, но и тональнообразующую функцию:

Это был подвиг – опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ».

Тире в данном предложении является психологическим маркером, реализующий тональность уважения. Автор стремится заострить внимание читателя на данном предложении, акцентировать свою мысль о том, что опубликовать в тот период такое произведение, сказать правду о сталинской эпохе - деяние, действительно, во многом определившее поворот в общественном сознании.

Его возвращение – свидетельство высокого нравственного строя человека-патриота, который должен жить в своей стране.

Посредством тире автор заостряет внимание читателя на том уважительном факте, что возвращение Солженицына на родину характеризует масштаб его личности, патриотизм.

Солженицын на этом фоне с его нынешними взглядами – анахронизм.

В приведенном примере с помощью тире реализуется тональность сожаления. Автор акцентирует внимание читателей на том факте, что Солженицын, несмотря на его заслуги и опыт,

предстает перед современным обществом как явление устаревшее, отставшее от реальной действительности.

2) Анафорические повторы:

Его возвращение – свидетельство высокого нравственно-го строя человека-патриота, который должен жить в своей стране. Его ведь выслали из Советского Союза, он уехал не по своей воле.

В данном примере представлена группа предложений с анафорическим элементом во второй части, связанные пояснительными отношениями. В роли анафорической скрепы здесь выступает личное местоимение **его**. С помощью такой конструкции автор концентрирует внимание на личности Солженицына, на его способность поступать вопреки обстоятельствам, в соответствии со своими убеждениями. Данный пример вновь свидетельствует о чрезвычайно уважительном отношении автора к своему персонажу.

Солженицын вернулся в чужую для себя страну, в чужое пространство. Вернулся в государство, живущее в эпоху так называемого капитализма по-русски.

В этом отрывке предложения снова связаны присоединительными отношениями. В роли анафорической скрепы выступил глагол **вернулся** в первом предложении, который способствует созданию тональности сожаления. С помощью такой конструкции автор стремится акцентировать внимание читателей на том факте, что Солженицын вернулся в «чуждо-родную» для себя страну, живущую «в эпоху так называемого капитализма по-русски».

3) Предложения с причастными оборотами:

Лично для меня его приезд стал необычайно значимым фактом, вызвавшим огромное уважение.

Обособленный причастный оборот в составе предложения, выполняющий пояснительное значение, способствует привлечению внимания читателя к эмоциональному состоянию самого автора, вызванному приездом Солженицына в Россию, подчеркивает его уважительное отношение к герою очерка.

Нельзя критиковать человека, открывшего миру правду об

ужасах сталинизма.

В данном предложении обособленный причастный оборот служит как созданию уважительного тона по отношению к незаурядной личности Солженицына, так и манифестации уверенности говорящего в том, что такая личность не подлежит нападкам со стороны критики.

Вышеперечисленные средства создания тональности способствуют созданию образа автора и трансляции его позиции. В очерке «Он вернулся в чужую для себя страну» автор пытается разобраться в причинах того, почему современный Солженицын воспринимается как анахронизм, почему он практически «выключен» из общественной жизни. Не отрицая прежних заслуг своего героя, автор показывает причины, по которым Солженицын не может стать духовным лидером в общественной жизни нынешней России. Поэтому в этом очерке, прежде всего, преобладает тональность снисходительного сожаления.

Особенностью данного очерка является динамическое взаимодействие двух, отчасти полярных, тональностей, определяющих специфику авторского видения представленной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003. – С. 84.

2. Лейдерман Н.Л. К определению сущности категории жанра / Жанр и композиция литературного произведения. Межвузовский сборник. Выпуск II. – Калининград, 1976. – С. 9.

3. Корман Б.О. Основной эмоциональный тон как способ изображения лирического субъекта. / Образцы изучения лирики. Ч.1. – Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1997. – С.62.

4. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – Свердловск: Издательство УрГУ, 1990. – С. 27.

5. Виноградов В.В. О теории художественного текста. – М., 1997. – С. 130.

6. Вульф В. «Он вернулся в чужую для себя страну» // Аргументы и факты. 2004. № 20. – С.8.

© Хабибрахманова Ю.Р., 2004

Шевнин А.Б.

ЭРРАТОЛОГИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Анализ ошибок как прикладное исследовательское направление изначально был сосредоточен на анализе английского языка как второго в условиях проживания в англоязычной среде. На этой основе были введены понятия “входа” и “выхода”, а позднее “приема”, осуществляемого изучающим иностранный язык. В связи с различиями на входе и выходе появились такие понятия, как “интеръязык” или “аппроксимативная система”; исследователи отмечали необходимость изучения и усвоения не только языковых форм, но и социокультурной составляющей иностранного языка. Позднее исследователи перешли к анализу английского языка как иностранного, анализу речевого взаимодействия иностранцев с иностранцами [Selinker, 1984; Nemser, 1984; Carroll, Murcia-Serra, 2000; Gass, Varonis, 1994]. Более того, теория анализа ошибок все более широко стала применяться на всех уровнях языковой системы, начиная от фонологического и кончая коммуникативным.

Особое внимание уделялось анализу интеръязыка учащегося как системы его переходной компетенции (*transitional competence*). По мнению Дж. Ричардса и Г. Сэмпсон, интеръязык обусловлен семью факторами [Richards, Sampson, 1984: 5-15]:

1) языковой перенос (*language transfer*), при котором наблюдается интерференция родного языка при построении предложений на иностранном языке. По подсчетам ряда исследователей, примерно одна треть ошибок объясняется языковым переносом или (что то же самое) межъязыковой интерференцией.

2) внутриязыковая интерференция (*intralingual interference*), обусловленная супергенерализацией ранее усвоенных правил. Так, например, усвоив окончание *-ed* для образования прошедшего времени, обучающийся вполне может сказать “*He growed up in Canada*”. Дж. Ричардс при этом выделяет типы ошибок, которые типичны для речи иностранцев с разными языковыми кодами родного языка. Более того, утверждается, что ошибки как межъязыковой, так и внутриязыковой интерференции подтверждают действие правила переноса в обучении (*transfer of training*): ранее полученные знания могут влиять отрицательно на позднее приобретенные знания.

3) социолингвистическая ситуация (*sociolinguistic situation*), которая определяет выбор того или иного процесса усвоения

иностранный язык.

Одно дело, когда язык мотивационно изучается для утилитарных целей, и другое, когда язык изучается с целью интеграции в иное лингвокультурное сообщество.

4) модальность (modality), которая определяет степень “ороднения” иностранного языка и процесса порождения речи. По мнению исследователей, случаи интерференции элементов родного языка чаще бывают на уровне порождения речи и гораздо реже на уровне ее восприятия /понимания. Сюда же можно отнести случаи неправильного произношения, правописания, смешения форм устной и письменной речи.

5) возраст (age), который также детерминирует характеристики того или иного интеръязыка. Если речь детей характеризуется короткими высказываниями, состоящими из нескольких слов, неспособностью детей планировать свою речь, то взрослые обладают лучшей памятью, более богатым запасом абстрактных понятий и лучшими способностями к формулированию новых понятий. Однако, по мнению исследователей, взрослые стратегически более ориентированы на усвоение вокабуляра, тогда как усвоение синтаксиса и грамматики в целом представляет для них большую проблему.

6) последовательная смена интеръязыков или аппроксимативных систем (successions of approximative systems), которые характеризуются своей нестабильностью ввиду постоянного языкового роста обучаемого. В данном случае предлагается различать компетенцию восприятия (receptive competence) и компетенцию порождения (productive competence). Обучаемый может, например, сказать “I has a book”, но понимать правильно сказанное по-английски. Иначе говоря, знание правила не всегда означает, что оно будет правильно реализовано в процессе коммуникации [Lightbown, 2000: 444]. Возникает вопрос: как сделать так, чтобы вновь введенное правило могло бы быть безошибочно использовано в процессе коммуникации?

7) универсальная иерархия трудностей (universal hierarchy of difficulty), которая может быть разработана для учащихся с общим для них кодом родного языка. Психолингвисты определяют трудности в изучении иностранного языка, исходя из таких факторов, как длина предложения, время, необходимое на обработку языкового материала, степень сложности словообразовательных моделей, количество трансформаций, семантическая сложность. Представляется, что в отношении английского и рус-

ского языков данную иерархию трудностей еще предстоит определить.

В дополнение к данной проблематике изучения иностранных языков Л. Селингер вводит понятие “фоссилизации” (fossilization) (окаменения), которое, с его точки зрения, присутствует в латентной психологической структуре и представляет собой “языковые единицы, правила и подсистемы, которые обучаемые сохраняют в своем интеръязыке, несмотря ни на собственный возраст, ни на объем материала или объяснений, полученных при изучении иностранного языка [Selinker, 1984: 36]. В качестве примеров таких фоссилизированных элементов являются французский увулярный /r/ в английском интеръязыке, американский ретрофлексный /r/ при изучении французского языка, сохраняющийся ритм речи в интеръязыке изучающих испанский язык, немецкий порядок слов немецкоговорящих студентов, изучающих английский язык [Selinker, 1984: 36]. Подобные фоссилизированные элементы появляются в интеръязыке обучаемого, несмотря на изученные правила, каждый раз, когда его внимание отвлекается на решение какой-либо интеллектуальной задачи или когда в его занятиях по изучению иностранного языка имел место хотя бы небольшой перерыв.

Другой постулируемой проблемой является “стратегия коммуникации” (strategy of communication), которая зачастую является общей для обучаемых разной национальности. Стратегия коммуникации подводит их к тому, что они знают уже вполне достаточно, чтобы вступать в коммуникацию и поэтому прекращают совершенствовать свои знания, вследствие чего “фоссилизируется” их компетенция в сфере интеръязыка [Selinker, 1984: 38].

Еще одной, на наш взгляд, важной проблемой является проблема “переноса в обучении” (transfer of training), в результате которой определенные языковые элементы и структуры подвергаются фоссилизации под влиянием неправильной ориентированности материала, излагаемого учителями или учебниками. Так, например, сербо-хорваты постоянно сталкиваются с проблемой разграничения местоимений “he/she”, хотя в сербо-хорватском, как и в английском, имеется четкое разграничение в употреблении этих местоимений, т.е. причиной этому не является межъязыковая интерференция. Дело в том, что в учебниках, по которым учатся сербо-хорваты, как правило, приводятся тренировочные упражнения на местоимение “he” и почти никогда

упражнения на местоимение “she”. В результате данная ошибка в интеръязыке фоссилизуется и позднее находит выражение в определенной стратегии коммуникации [Selinker, 1984: 39].

Нечто подобное можно наблюдать и в речи русскоязычных студентов, говорящих на английском языке. Известно, что в русском языке категория вида представлена совершенным и несовершенным видами. В английском языке данная категория не находит формального выражения, как это имеет место в русском языке (делал – сделал, плыл – приплыл). Однако, в английском языке имеется видо-временная форма Present Perfect, которая характеризуется, как правило, учителями и учебниками как результативное действие, совершенное к моменту речи и связанное своим результатом с настоящим. Именно данное понятие совершенности в рамках категории вида (совершенный вид) и видо-временной формы Present Perfect ориентирует учащихся на то, что предложения, в которых глагол выражен совершенным видом, должны переводиться формой Present Perfect, а предложения, в которых глагол выражен несовершенным видом, должны переводиться на английский язык формой Past Simple. Соответственно, перевод предложения “Он получил письма” получает английское соответствие “He has received letters”, а предложения “Он получал письма” - английское соответствие “He received letters”. Такая жесткая корреляция между совершенным видом и Present Perfect и несовершенным видом и Past Simple постоянно наблюдается в речи русскоязычных студентов, говорящих на английском языке. В действительности же, английские глаголы, употребляющиеся в Present Perfect, могут переводиться на русский язык как глаголами совершенного, так и несовершенного вида.

Впоследствии исследователи теории анализа ошибок, занимавшиеся в 70-е годы, в основном, описанием синтаксических форм и конструкций в речи изучающих иностранный язык и межъязыковой интерференцией, расширили диапазон своих интересов, обратив свои взоры на другие аспекты, способствующие более эффективному усвоению иностранного языка. Многие из них пришли к выводу, что простое обращение к линейной модели “вход - черный ящик - выход” не является эффективным при объяснении процесса усвоения иностранного языка. Выход редко бывает изоморфным тому, что предлагается на входе, соответственно, необходимо более тщательно изучить механизмы приема (intake), которыми пользуется обучаемый, как он

производит отбор материала на входе, после этого исследовать соотношение материала на входе и приеме, что позволит откорректировать в последующем вход. При этом возникают два вопроса: почему обучаемые не могут достигнуть уровня владения иностранным языком, которым обладают носители этого языка? Почему одни обучаемые более успешно усваивают иностранный язык, чем другие? При ответе на эти два вопроса высвечиваются два разных аспекта: при ответе на первый вопрос в фокусе внимания оказывается сам процесс изучения (learning), при ответе на второй вопрос главным действующим лицом является сам изучающий (learner). Отсюда проистекает необходимость обращения к анализу как процесса изучения, так и самого изучаемого. Тем более, что изучающий иностранный язык не является пассивным получателем информации, а представляет собой динамическую составляющую, активно производящую прием на входе, качество и количество которого зависит от таких переменных, как возраст, социально-экономический статус, условия, в которых протекает изучение иностранного языка, и, наконец, уровень владения родным языком и другими иностранными языками. Дело в том, что уровень владения родным языком и степень эффективности усвоения иностранного языка находятся в прямо-пропорциональной зависимости: чем выше уровень владения родным языком, тем выше вероятность более успешного усвоения иностранного языка.

Анализ исследований в области теории анализа ошибок, проведенных в последние годы, позволяют нам определить круг интересов исследователей и совокупность проблем, которые предстоит решить в дальнейших лингвистических и/или психолингвистических исследованиях по эрратологии с акцентом на эффективность изучения и усвоения иностранного языка:

- соотношение материала на входе и приеме; механизмы, обеспечивающие более эффективный прием поступающей информации;
- анализ источников материала на входе в дополнение к материалу, предоставляемому учителем или учебниками;
- контрастивное изучение материала на входе и выходе с последующей коррекцией входа;
- изучение вербального взаимодействия говорящих на иностранном языке;
- изучение социолингвистических факторов, способствующих усвоению иностранного языка;

- анализ процесса усвоения иностранного языка и личности, изучающей иностранный язык;

- анализ роли учителя и учебных пособий в изучении иностранного языка с целью исключения ошибок, являющихся причиной переноса в обучении (transfer of teaching).

Независимо от того, участвует ли субъект в переводческой деятельности или в изучении и усвоении иностранного языка, он непременно сталкивается с необходимостью участия в этих видах деятельности в качестве рецептора (деятельность по восприятию и пониманию иноязычной речи) и в качестве продуцента (деятельность по порождению иноязычной речи). Каждый из данных видов деятельности требует формирования специфических умений и навыков. По мнению Дж. Хармера [Harmer, 1991: 183-184], в основу формирования рецептивных умений по чтению и слушанию аутентичных текстов могут быть положены шесть базовых умений, которые способствуют более полному пониманию иноязычного текста:

- прогнозируемые умения, поскольку процесс понимания текста - это процесс, в ходе которого Рецептор устанавливает степень соответствия собственного прогноза с действительным содержанием текста;

- умение извлекать специфическую информацию, при котором внимание учащегося концентрируется не на содержании текста вообще, а на информации, важной для решения конкретной задачи (узнать конкретно, чем занимается компания; результаты исследования);

- умение понимать общий смысл текста, при котором опускаются детали и на первый план выходит релевантная для понимания общей картины информация;

- умение извлекать подробную информацию, когда внимание учащихся акцентируется на языковых и внеязыковых средствах передачи (например, ответить на вопросы: А что думает по этому поводу автор? Каково его отношение к описываемым событиям и персоналиям?);

- умение определять функции и структуру текста, при которых учащийся должен знать средства создания связности и целостности текста;

- умение выводить смысл текста и его составляющих из контекста, при которых учащийся должен научиться понимать смысл даже не знакомых ему слов благодаря языковому контексту и контексту ситуации.

Формирование рецептивных умений на каждой из этих стадий будет способствовать повышению общей культуры восприятия и понимания текста и осознанию многомерного характера данного процесса. С целью формирования данных умений Дж. Хармер предлагает также пять базовых методических принципов, которые реализуются в ходе обучения, проходя следующие этапы:

- этап ввода (lead-in), где главной задачей является знакомство с темой текста (устного или письменного) и пробуждение интереса к ней;

- этап постановки цели и задач понимания, на котором учитель ставит перед учащимися цель восприятия/понимания текста - ответить на конкретные вопросы, составить таблицу, пересказать текст и т.д.;

- этап исполнения, на котором учащиеся читают или слушают текст в соответствии с поставленной учителем целью;

- этап обратной связи, на котором учащиеся, выполняя задание, сверяют свои ответы друг с другом с точки зрения правильности понимания текста;

- этап развития, на котором учитель дает развивающее задание на базе прослушанного/прочитанного текста. Например, если учащиеся ответили на текст-письмо, то в качестве развивающего задания учитель может попросить учащихся написать ответ на данное письмо.

При восприятии/понимании учащимся можно предоставлять более аутентичные тексты (roughly-tuned texts), чем при порождении (finely-tuned texts). Дело в том, что понимание текста не обязательно предусматривает умение учащихся также писать или говорить [Harmer, 1991: 184-185].

При порождении текста формирование продуктивных умений (productive skills) проходит три основных этапа [Harmer, 1991: 50]:

- этап ввода новых языковых элементов, который представляет собой “некоммуникативный” этап формирования продуктивных умений. На данном этапе выполняются тренировочные упражнения на отработку отдельных языковых элементов, а учитель по мере необходимости контролирует и исправляет ошибки. Данный этап иначе также называется презентацией (presentation);

- этап практической деятельности (practice), который совмещает в себе черты, коммуникативных и некоммуникативных ти-

пов упражнений. Учитель также контролирует и устраняет возможные неточности и ошибки в речи учащихся;

- этап коммуникативной деятельности, на котором учащиеся решают определенные коммуникативные задачи, пользуясь всей разнообразной языковой палитрой. Такой вид деятельности является обязательным для учащихся для выхода на более высокий уровень владения языком. Взаимоотношения и баланс между этими тремя этапами определяются потребностями учащихся при решении определенной задачи и на определенном временном интервале. Коррекционная работа учителя на этапе практической деятельности может более полно раскрыть для учащегося содержание информации на входе.

Таким образом, при изучении иностранного языка большая роль отводится учителю, от которого в наибольшей степени зависит методический аспект организации занятия, соблюдение баланса этапов в зависимости от коммуникативной цели и степени усвоения иноязычного материала и, как следствие, уровень сформированности рецептивных и продуктивных умений и навыков.

В зависимости от этапа и вида коммуникации - восприятие/понимание и порождение - учитель участвует в профилактической и коррекционной работе по предупреждению и исправлению ошибок понимания и ошибок порождения.

Специалисты по анализу ошибок в большинстве своем сходятся во мнении, что ошибки - это составляющая процесса изучения (a part of learning), а исправление ошибок - составляющая процесса обучения (a part of teaching). В этом случае возникает методический вопрос: как наиболее эффективно и правильно совместить эти два процесса?

С другой стороны, важным является разграничение ошибок с точки зрения обучающегося (learner' mistakes) и ошибок с точки зрения обучающего (teacher's opinion of mistakes). Ошибки обучающегося, как правило, подразделяются на две категории: ошибки смысла (mistakes of meaning) и ошибки формы (mistakes of form), причем ошибки первой категории представляются наиболее серьезными. Так, по мнению Дж. Эдж, в предложении "Please, will you to show me coats?" имеют место две ошибки: употребление частицы "to" перед глаголом "show" и употребление существительного "coats" во множественном числе вместо единственного. "Will you to show me" - по-английски неправильно, но звучит вежливо и понятно, поэтому ошибка в употребле-

нии частицы “to” не является существенной для коммуникации в отличии от второй ошибки (coats) [Edge, 1989: 2].

В другом примере имеет место непонимание между собеседниками, поскольку, употребив в принципе правильную грамматическую форму, один из собеседников имел в виду совершенно другой смысл (пример из [Edge, 1989: 8]:

- How long are you here?
- Two years.
- Wha.. .You are already here since two years?
- No, no, I am come yesterday.
- Oh, yester...
- No, no, last week, I mean I came last week.

То, что в действительности имел в виду один из собеседников соответствует английскому предложению “How long have you been here?”, тогда как предложение “How long are here for?” передает будущность и соответствует русскому предложению “На сколько Вы приехали?”. Иначе говоря, не имеет смысла заучивать грамматически правильные предложения, если они означают совершенно не то, что хотел сказать обучающийся [Edge, 1989: 3].

Ошибки формы, как правило, появляются в процессе порождения речи на этапе ввода новых языковых элементов и этапе практической деятельности, когда те или иные языковые формы не устоялись в речевой практике обучающегося. Важно отдавать отчет в том, какие причины лежат в основе ошибок формы с тем, чтобы обучающийся в последующем мог откорректировать материал на вводе. Дж. Эдж полагает, что причинами ошибок формы являются следующие [Edge, 1989: 7-8]:

- ошибки под влиянием первого или родного языка, т.е. межъязыковая интерференция;

- ошибки под влиянием изученных правил и их переноса на все без исключения случаи. Так, например, если обучающийся знает, что Past Simple образуется с помощью “-ed”, то он вполне может сказать “He growed up in Canada”, не зная, что глагол “grow” является неправильным и имеет иную (grew) форму образования данного времени. Данное явление можно назвать “супергенерализацией” правила. Как отмечал П. Лайтбуун, “знание правила еще не означает, что обучающийся сможет им пользоваться правильно во время коммуникации” [Lightbown 2000: 444]. С другой стороны, подобного рода ошибки называют “ошибками роста” (developmental errors), поскольку с точки зре-

ния обучающегося он успешно пользуется своим знанием о языке для осуществления коммуникации;

- супергенерализация или перенос общего правила на все случаи речевого употребления приводит к ошибкам, как правило, внутриязыковой интерференции. В основе ошибок подобного рода можно наметить следующие тенденции (нижеприведенные примеры заимствованы из [Hewings, 1999: 246-263]:

а) исчисляемые существительные ошибочно получают форму множественного числа с целью передачи обучающимся идеи множественности:

Entry will be by **tickets**.

Don't pull my **legs**.

The Delhi Fort is made of **red stones**.

б) существительные единственного числа ошибочно употребляются с неопределенным артиклем, поскольку, с точки зрения обучающегося, они относятся к категории исчисляемых:

It is advisable to keep your enemies at **an arm's length**.

They only pay **a lip service** to his ideas.

в) существительные обычно употребляются без неопределенного артикля на том основании, что они относятся к категории исчисляемых:

When we reached the camp, the first thing we did was to light **fire**

He was running **temperature** yesterday.

г) существительные ошибочно лишаются неопределенного артикля на том основании, что они явно указывают на множественность:

At the ceremony about **hundred** people were present.

About **million** times I must have reminded you.

д) существительные ошибочно получают форму множественного числа, поскольку обучающийся вносит их в категорию исчисляемых существительных:

The doctor advised him to eat plenty of **fruits**.

You must examine **criteria** again.

She has black **hairs**.

е) существительные ошибочно получают неопределенный артикль, поскольку обучающийся приписывает им значение единичности:

I want **a paper** and a pencil.

As you enter the mountain city, you are greeted by **a beautiful scenery**.

ж) существительным ошибочно предшествуют числительные для того, чтобы передать идею количества:

There are **two** good news for you.

You may buy **two** woollen trousers.

Выявление ошибок формы поможет определить области, которым необходимо уделить больше внимания, выработав соответствующие механизмы устранения ошибок. По мнению М. Джейн, “ошибки не следует рассматривать как пример “языкового греха”, который нужно подвергнуть “интенсивной терапии”; наоборот, к ним следует подходить как к важному условию изучения, вооружив учителя ответами на то, как переключить внимание обучающегося с заученного раз и навсегда правила на понимание более гибкой формы его применения в конкретной ситуации” [Jain, 1984: 208].

С точки зрения обучающего (учителя) ошибки имеют разную природу, степень сложности и возможной коррекции. По мнению Дж. Эдж, ошибки следует подразделять на: оговорки (slips, в терминологии С. Кордера - mistakes), собственно ошибки (errors, в терминологии С. Кордера - errors of competence) и ошибки роста (attempts, в терминологии П. Лайтбоуна - developmental errors). Примеры [Hewings, 1999: 246-263]:

He had been **their** for several days.

She left school and now **work**.

В данных предложениях ошибки не представляют трудностей коррекции и в случае концентрации внимания обучающийся может их легко исправить. Такого рода ошибки можно назвать “оговорками” или “ошибками невнимательности”. В случае, если обучающийся не может исправить ошибку даже при указании на нее учителем, такие ошибки называются “ошибками компетенции”. В случае недостаточного знания всего спектра грамматических форм, например, глагола, и необходимости участвовать в коммуникативном акте обучающийся, зная только форму образования Past Simple, может выразить свою мысль следующим образом:

I wish I **went** my grandmother's house last summer.

Даже пользуясь неправильной грамматической формой глагола (правильный вариант - I wish I had gone to my grandmother's last summer), обучающийся вполне успешно справился с коммуникативной задачей, творчески пользуясь ограниченными знаниями иностранного языка. Такого рода ошибки называются “ошибками роста”. В данном отношении справедливо звучат

слова Дж. Эдж: “Многое из того, что мы называем ошибками и рассматриваем как проблему, фактически является сигналом того, что наши студенты успешно изучают язык. Они делают шаг вперед в изучении языка” [Edge, 1989: 14].

Таким образом, с методической точки зрения к ошибкам не следует относиться как к некоему раздражителю, они являются, как правило, неизбежной составляющей любой, в том числе речевой, деятельности. Представляется, что осознание данного факта и природы тех или иных ошибок в методическом плане может способствовать более эффективному и творческому применению языкового материала как со стороны обучающегося, так и со стороны обучающего (по принципу обратной связи). Коррекционная работа обучающего - это способ напоминания о формах правильного, стандартного английского языка, а не критика и, тем более, разнovidность наказания. Многие ошибки являются ошибками роста, повышения речевой компетенции обучающихся, поэтому деятельность студентов по экспериментированию с языком, в ходе которого они пытаются продвинуться в изучении языка, непременно должна поощряться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carroll M., Murcia-Serra J. The relevance of information organization to second language acquisition studies // Studies in Second Language Acquisition. - London: Cambridge Univ. Press, 2000. - Vol.22. - No.3.

2. Edge J. Mistakes and correction. - London, N.Y.: Longman, 1989.

3. Error Analysis. – London, N.Y.: Longman Group Limited, 1984

4. Gass S.M., Varonis E.M. Input, interaction and second language production // Studies in Second Language Acquisition. - 1994. - Vol.16.

5. Harmer J. The Practice of English Language Teaching. - London, N.Y.: Longman, 1991.

6. Hewings M. Advanced Grammar in Use. – Cambridge Univ. Press, 1999.

7. Jain M.P. Error analysis: source, cause and significance // Error Analysis. - London, N.Y.: Longman Group Limited, 1984.

8. Lightbown P.M. Classroom SLA research and second language teaching // Applied Linguistics. - 2000. - Vol.21. - No.4.

9. Nemser W. Approximative systems of foreign language learners // Error Analysis. - London: Longman Group Limited, 1984.

10. Richards J., Sampson G. The study of learner English // Error

Analysis. - London: Longman Group Limited, 1984.

11. Selinker S. Interlanguage // Error Analysis. - London: Longman Group Limited, 1984.

© Шевнин А.Б., 2004

Шустрова Е.В.

ТРОПЕИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АФРО-АМЕРИКАНСКИХ АВТОБИОГРАФИЙ КОНЦА 18 – НАЧАЛА 19 ВВ.

Данная статья имеет целью представить начало обзора исследования афро-американской литературы. В частности, нас интересовала тропеическая организация афро-американских текстов различных временных периодов, константы и изменяющиеся характеристики системы тропов качества афро-американской литературы.

Если история афро-американской диаспоры начинается с начала 16 в., то история литературного наследия, сложившегося непосредственно на территории США, исчисляется сроком чуть более двух столетий. (Оговоримся, что мы имеем в виду произведения не только созданные, но и *записанные* самими афро-американцами, поэтому за пределами рассмотрения остаются фольклорные произведения типа «Сказок дядюшки Римуса» Дж. Харриса) Подобно афро-американскому английскому, часто принимаемому либо за искажение стандарта либо за язык, доступный только представителям диаспоры, афро-американская литература считается либо полным подражанием западной культуре, либо чем-то уникальным, понятным только афро-американцам. Мы считаем, что ни тот ни другой подходы не дадут нам ясного представления. Афро-американская литература есть ни что иное, как культурная и лингвистическая реалья, характеризующаяся наличием определенных черт, которая может и должна быть изучена с позиций традиционного литературоведческого анализа.

Действительно, как и в афро-американском английском, вошедшем в себя африканские и европейские черты, в афро-американской литературе четко прослеживается двойственный характер. Произведения афро-американских авторов полны аллюзий (или, если пользоваться афро-американским термином, *signifyin'*) как на европейские тексты, так и на африканское наследие.

Прежде чем перейти к описанию исторических этапов афро-американской литературы, нам следует рассмотреть понятие

маски, как одного из символов афро-американского наследия.

Если проанализировать этимологию слова *mask*, то мы получим следующие результаты: «происходит от др. лат. *maskara*, вероятно с исходным значением «черный» (нанесение черного грима считалось самой простой формой маски). Другое развитие этой основы приводит к появлению в ср. лат. *maska* со значением «ведьма, привидение» [*Webster's Dictionary*, 1996: 1182]: «основано на арабском *maskara* со значением «шут, буффон, фигуля» [*Oxford Dictionary*, 2002: 501].

Предлагается также считать латинское *maska* заимствованием с последующей ассимиляцией арабского *mas-chara* «человек в маске, шут, живая кукла» [*Gates*, 1988: 55 – 59]. Если сопоставить *maska* с латинским *mas*, *maris* «маленький человечек», то значение «живая кукла» проявится более отчетливо. Можно провести еще одну параллель между *mask* и *mascot*. Последнее приходит в английский в 1880-85 гг. из французского со значением «талисман» [*Webster's Dictionary*, 1996: 1181]. Кроме того, у английского глагола *to mask* к 1814 г. Развивается значение «вливать, сливаться» [*Webster's Dictionary*, 1996: 1182].

Почему нам так важен этот образ маски? Не только потому, что в сознании европейца, маска часто ассоциируется с Африкой. Дело в том, что, начиная с эпохи Ренессанса и Просвещения произведения афро-американцев кроме традиционного описания событий, чувств и философской позиции автора всегда выполняли ряд дополнительных функций – это создание образа афро-американца, который был бы принят миром. Негр, в силу своего цвета, остается человеком-невидимкой. В силу отсутствия голоса, а единственным голосом, слышимым миру была литература, негру суждено оставаться немой, пока он не обретет свою песню, которая бы с одной стороны была услышана миром, а с другой была бы молитвой, обращением к Богу. Только тогда он обретет свое лицо.

Но что такое облик, который должен быть принят окружающими? Это маска, которую мы надеваем в зависимости от обстоятельств. Неслучайно же существуют такие сочетания, как «показать истинное лицо», «сорвать личину» и др. Присутствие маски вовсе не означает отсутствие искренности. Мы можем быть абсолютно искренни в своем желании представить себя лучше чем, как нам кажется, мы есть на самом деле. Что плохо в желании защитить себя? Ведь обретение защиты и уверенности в себе посредством маски есть и проявление заботы об

окружающих – маска предписывает нам определенное поведение, принятое в обществе и понятное для других. Попытка же бунта против маски есть ничто иное, как другая маска.

Если вспомнить взгляды философов эпохи Ренессанса и Просвещения на место, отводимое негру в цепи обитателей Земли, которую было принято выстраивать, то он не мог претендовать ни на что, кроме «промежуточного звена». Базировалось подобное положение на факте отсутствия у черной расы развитых искусств и наук. Первым это четко формулирует еще Ф.Бэкон в «Новом Органоне»: По справедливости можно насчитать только три периода наук: один – у греков, другой – у римлян, третий – у нас, т.е. западных народов Европы [Бэкон, 1978: 41].

Определяя же место цветных он пишет: Опять же если только вдуматься в разницу между жизнью представителей самой цивилизованной области Европы и примитивных обитателей самых диких областей Новой Индии мы с уверенностью сможем утверждать, что поговорка «человек – есть хороший человек» относится не только к людям добродетельным, способным к жертве и помощи ближнему, но и к условиям их проживания. И эта разница не есть суть влияние почвы, климата или расы, а искусств. [Бэкон, 1978: 264]

В 1748 г. В работе «О Национальных Характерах» («Of National Characters») Д. Хьюм замечает:

Я склонен предполагать, что негры и все остальные разновидности людей (а их четыре или пять разных типов) неполноценны от природы и не могут равняться с белой расой. Никогда не существовало ни цивилизованной нации ни человека, прославившегося делами или мыслями, с цветом кожи иным чем белый. Среди них нет ни искусных мастеров, ни наук, ни искусств.... Соблюдение такого полного и постоянного различия между расами не могло бы наблюдаться столько веков в таком множестве стран не будь оно предусмотрено самой природой. Кроме наших колоний рабы-негры разбросаны по всей Европе и ни один из них никогда не проявлял каких либо признаков ума.... Говорят, на Ямайке живет какой-то негр, «углупившийся» в науку и искусство (a man of parts and learning) [имеется в виду Ф.Уильямс, поэт, получивший образование в Кембридже и писавший стихи на латыни – Е.Ш.], но скорее всего им восхищаются как попугаем, который может отчетливо произнести лишь несколько слов [Hume, 1964: 252].

Двадцать лет спустя ему вторит И. Кант: «...разница между цветом кожи белой и черной рас настолько велика, что следует усматривать в этом и огромную разницу в умственных способностях» [Kant, 1960: 111]. Далее он описывает одно из рассуждений черного плотника и признает, что в его словах было что-то мудрое, однако «он был черен с головы до пят – явное доказательство его глупости» [Там же]. Еще ниже он отмечает как само собой разумеющееся: «Американские индейцы и негры ниже по своим умственным способностям чем все остальные расы» [Там же: 113].

Г. Гегель в «Философии истории» рассуждает об отношении Африки к культуре и истории. Именно отсутствие письменности, по мнению Г. Гегеля, является наиболее очевидным доказательством существования той бездны, которая отделяет Африку от остального мира. «Африка как таковая на протяжении всей истории человечества пребывала в молчании по отношению ко всему миру. Это Земля Золота, замкнутая на себе, страна детства, сокрытая под покровом Ночи, чье существование не освещено светом дня Самосознания» [Hegel, 1956: 91]. Утверждается, что мы не можем познать характер африканца, поскольку он сам не проявил его ни путем демонстрации самосознания, носителем которого является идеальный представитель нации, ни с помощью записи своей истории. Следует «отказаться от всех попыток понять характер африканца», который заключен в тюрьму своих особенностей, отделяющих его от мировой цивилизации. Одна из таких особенностей это отсутствие осознания себя как индивида. Именно поэтому «в этом человеческом типе нет ничего согласно с природой человека» [Hegel, 1956: 96].

Согласно Г. Гегелю, в Африке нет культуры, а у африканца «всего того, что мы называем чувством». Его «фетиши» не отличает «оригинальность произведения искусства». Для африканца «каннибализм вполне естественен и привычен», как следствие «их полного пренебрежения к Гуманности, которая в сочетании со Справедливостью и Моралью является основной характеристикой расы... у негров чувство морали слабо, строго говоря, отсутствует» [Там же: 97].

В таком состоянии, объясняет автор, африканец «неспособен к развитию и культуре, и сегодня мы видим их такими же, какими они были на протяжении веков» [Там же]. Единственное, что может их спасти, это особая система рабства. Являясь рабом европейца, негр проходит «стадию образования, что позво-

ляет ему приобщиться к высшей морали и культуре, связанной с ней» [Там же: 98].

Африка же, по Г.Гегелю: не является исторической частью мира; там нет ни движения ни развития. Исторический прогресс в Африке, вернее, в ее северной части, – заслуга Азии или Европы.... То, что мы понимаем под Африкой, является неразвитым Духом, все еще пребывающем в первозданном состоянии, и который есть ничто иное, как порог мировой истории. [Там же: 99].

Т.о. негра нет в мировой культуре, пока у него нет искусств и наук, пока он не обретет свой голос и свою историю. Подобные рассуждения могли бы остаться исключительно достоянием того или иного направления в философии, если бы на них не базировалось твердое убеждение общества в историческом предназначении негра быть рабом и оставаться им пока, он не сможет доказать свое право считаться полноценным человеком, обретя искусства, и литературу, в частности.

Приговор таков: до той поры пока у аборигена не появится науки и искусств, так как их понимает европеец, на него можно обращать внимание не более чем на обезьяну и ему суждено оставаться человеком-невидимкой.

Мы неслучайно повторно прибегаем к этому образу человека-невидимки. Дело в том, что мысль о связи между голосом, обретением песни и способностью стать видимым является лейтмотивом всей афро-американской литературы, начиная с первых автобиографий и заканчивая последними новинками То-ни Моррисон.

Во всех произведениях афро-американских авторов конца 18 – 19 вв. главной печалью рассказчика (а повествование, как правило, ведется от первого лица) становится его неспособность читать Библию. Неграмотность рассматривается как отказ книги говорить с негром из-за его цвета кожи.

Я часто видел, как читал мой хозяин и Дик и мне очень хотелось говорить, как я полагал, с книгой также как они, познать начало всех начал. С этой целью я часто брал книгу в руки и разговаривал с ней, а затем наклонялся и ждал ответа. Я очень печалился, что молчание было единственным, что мне было суждено услышать [*Equiano*, 1969: 92 – 93].

Когда хозяин или его сыновья читали Библию, я полагал, что книга с ними разговаривает. Когда никого не было поблизости я брал книгу и подносил ее к уху, чтобы узнать, будет ли она со

мной говорить. Все оказалось тщетным. Ни словечка не услышал я в ответ. Я горевал и плакал, что после того, что Господь сделал для меня, очистив от грехов и даровав Прощение, я, негр, все еще был недостоин разговаривать с Книгой [Jea, 1968: 39]

Неумение же говорить с Книгой ведет к невидимости негра для Бога. Неумение писать ведет к неслышимости для Творца. Владение письменным словом считается проявлением божественного чуда и милости Господа, разрешившего к нему обратиться. Неслучайно описание случаев внезапного обретения дара грамотности в автобиографиях афро-американцев [Jea, 1968: 40 – 41; Jackson, 1981: 107]. Символична и первая фраза послесловия «Hear my cry, O God the Reader» [выделено нами – Е.Ш.] романа У.Е.Б. Дюбуа «Души Черных» [Du Bois, 1989: 187].

Соответственно, чтобы стать видимым нужно надеть маску – маску владения письменной формой европейского языка. Того языка, на котором написана Библия хозяина и который, видимо, понятен и угоден Богу. Спеть свою песню-молитву. Так появляются первые автобиографии афро-американцев.

Образ маски удобен еще и тем, что подобно традиционным чертам маски у всех писателей того или иного этапа развития литературы есть константы, присущие всем. В тоже время, как маска без актера есть только кусок дерева или кожи, так и литературные каноны мертвы без голоса писателя и оживают только в произведении, несущем печать личности конкретного автора. Как только маска того или иного периода наскучивает зрителю или больше неприемлема для актера, ее сменяет новая маска с другими чертами и другим голосом.

Всего в афро-американской литературе мы считаем возможным говорить о четырех масках-этапах:

Маска 1. (1760 – 1880)

Представлена автобиографиями (бывших) рабов, поэзией Ф. Уитли и автобиографическими романами Ф. Дугласса.

Маска 2. (1890 – 1910)

Ее надевает поэзия, написанная на разновидности афро-американском английском

Маска 3. (1920 – 29)

За ней кроются произведения поэтов-«пересмешников» (Mockingbird School) и авторов Гарлемского Ренессанса (Harlem Renaissance).

Маска 4. Принадлежит авторам волны 60-х (Black Arts

Movement) и нашим современникам.

Наша первая маска существует в период с 1760 по 1880 гг. За ней скрываются три основных действующих лица: собирательный образ писателей-автобиографов (Б. Хэммон, Дж. Гронниосо, Дж. Моррант, Дж. Стьюарт, О. Эквиано, Дж. Джи, Дж. Пеннингтон, А. Плато, Дж. Томпсон, Р. Джексон, Х. Уилсон, Х. Джекобс, А. Смит, позднее к ним присоединяется и Б.Т. Вашингтон), поэтесса Филлис Уитли и Фредерик Дугласс.

В данной статье мы хотели бы обсудить характеристики, присущие ранним афро-американским автобиографиям.

Напомним, что историческими и социальными предпосылками для начала формирования афро-американской литературы были обвинения в неразвитости ума и способности к образованию и искусствам, в отсутствии истории, записанной расой. Без них негру суждено оставаться рабом. Следовательно, чтобы стать свободным и равным необходимо создать литературное наследие и обрести свою историю. Как отмечает К. Бенстон: «Вся афро-американская литература представляет собой единую генеалогическую поэму, предназначение которой восстановить пробелы и разрывы в единой цепи событий – результат условий существования негров в Америке» [Benston, 1984: 154].

История же народа складывается из несметного количества отдельных человеческих судеб и, наверное, самой близкой и дорогой историей для каждого из нас являются события своей собственной жизни, т.е. автобиография.

Литературной же предтечей автобиографий рабов вероятнее всего были популярные в Европе в конце 18 в. хроники путешественников и полководцев, миссионеров и спиритов, монахов, придворных и авантюристов. Другим источником видимо была смесь жанров сентиментального и плутовского романа, не менее популярных в Европе и Америке, породившая разновидность романа о судьбах обитателей плантации (из огромного числа подобных произведений, все из которых принадлежат перу белых писателей, нам лучше всего известна «Хижина дяди Тома» Г.Б. Стоу).

Действительно, если сопоставить особенности плутовского романа и повествования о плантации, мы легко обнаружим ряд общих черт. Так, рассказчик становится как обманщиком, так и невольником в определенный момент своей «карьеры». Обе формы предлагают нам в лице главного героя вымышленный образ сироты и аутсайдера. Повествование ведется от первого

лица и воспоминания «предлагают философские и критические размышления о морали и религии». И мошенник и раб излагают свой взгляд на устройство общества, однако главный акцент делается на описание материального положения, голод, деньги, обеспечение существования. Повествование отличается множеством затронутых тем и подробное сообщение деталей. И в том и в другом случае герой покрывает значительные расстояния и общается с представителями разных слоев общества.

Если к этим характеристикам добавить такие особенности сентиментального романа, как витиеватые отступления, вычурность стиля, набожность главного действующего лица, мелодраматичные диалоги, разлуку семьи, насилие над женщиной, оскорбление невинности, наказание самоуверенности и обретение бедным достатка, то и получится классический роман об обитателях плантации. Кроме того, в нем нам наверняка встретятся хозяин-аристократ – джентльмен, полный самых разных добродетелей, несколько образцов безупречных женских достоинств, покорные, верные слуги, величественные дома владельцев плантаций и жалкие лачуги рабов, и пожалуй, пара управляющих или надсмотрщиков в роли негодяев, которых должно покарать Провидение. Это было модно, такая литература издавалась большими тиражами в Англии и Штатах. Она пользовалась коммерческим успехом. Мы упоминаем об этом потому, что это было одной из причин появления автобиографий афро-американцев в продаже. Никто не стал бы рисковать, публикуя литературу, которая не будет иметь спроса. При описанном же раскладе вещей и, без преувеличения, огромном интересе читающей публики у афро-американца появился реальный шанс обратиться к миру. Так возникает первая маска. Каковы же ее черты?

Во-первых, в весьма простом названии обязательно указывалось полное имя автора-афро-американца (до 1760 многочисленные опубликованные произведения афро-американцев носили фамилию белого фольклориста или же хозяина), недвусмысленно оговаривалась его расовая принадлежность, часто добавлялось и определение социального статуса. Нередко упоминались перенесенные страдания и имя Божье.

Поскольку неспособность обучиться грамоте была одним из доказательств ограниченности негра, то в названии обязательно указывалось «written by him(her)self». («Narrative of the Uncommon Sufferings & Surprising Deliverance of Britton Hammon, a Ne-

gro Man, Written by Himself» [1760] «A Narrative of the Most Remarkable Particulars in the Life of James Albert Ukawsaw Gronniosaw, An African Prince, As Related (во втором издании Written) by Himself» [1770], «A Narrative of Lord's Wonderful Dealings with John Marrant (Quobna Ottobah Cugoano), A Black, Written by Himself» [1785], «The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African, Written by Himself» [1789], «The Life, History & Unparalleled Sufferings of John Jea, the African Preacher. Compiled & Written by Himself» [1815], «Gifts of Power: the Writings of Rebecca Jackson, Black Visionary, Shaker Eldress» [1830] и др.)

Повествование велось от первого лица на правильном английском с неукоснительным соблюдением всех норм.

Автор рано лишается родных и вынужден пуститься в странствие либо будучи захваченным силой, пленившись посулами или же в поисках истинного Бога, либо сразу следуя за своим хозяином. Во всех повествованиях он в тот или иной период является рабом и испытывает моральные и физические мучения, которые прекращаются по милости Господней.

Система тропов качества представлена в этих ранних работах довольно ограниченно. Так, метафорическая группа, кроме устойчивых метафорических выражений, зафиксированных в любом словаре нормативного английского, представлена, в основном, зооморфными сравнениями и эпитетами. Наиболее часто повторяющиеся связи устанавливаются между концептом негра или афро-американца и концептом таких животных, как собака, свинья, лошадь, мул.

Метонимическая группа ограничивается исключительно словарно зафиксированными значениями. Наибольший интерес представляет смешанная группа тропов. В первых хрониках она представлена тремя основными аллегориями. Первая из них – это **образ корабля**, символизирующий расставание с родиной и начало новой жизни. При этом, как бы не разворачивались последующие события, мы не встретим мрачных описаний трюмов, полных живым товаром, насилия и жестокости. Хотя исторические исследования свидетельствуют об обратном. Тем не менее, в афро-американской литературе начиная с самых первых хроник образ корабля несет свет, радость, удачу, новую жизнь. Кроме того, и здесь проявляется одно из отличий от британской традиции, корабль символизирует мужское начало, сливающееся с женским образом воды.

Другой аллегорией, представленной во всех первых работах, становится уже упомянутый нами **образ Говорящей Книги**. Он несет с собой первое испытание – осознание своей неграмотности и неспособности обращаться к белому Богу.

[My master] used to read prayers in public to the ship's crew every Sabbath day; and when I first saw him read, I was never so surprised in my life, as when I saw the book talk to my master, for I thought it did, as I observed him to look upon it, and move his lips. I wished it would do so with me. As soon as my master had done reading, I followed him to the place where he put the book, being mightily delighted with it, and when nobody saw me, I opened it, and put my ear down close upon it, in great hopes that it would say something to me; but I was very sorry and greatly disappointed, when I found that it would not speak. This thought immediately presented itself to me, that every body and every thing despised me because I was black [*Gronniosaw*, 1972: 4 – 5].

At this instant the king's eldest daughter came into the chamber, a person about 19 years of age, and stood at my right-hand. I had a Bible in my hand, which she took out of it, and having opened it seemed much delighted with it. <...> His daughter took the book out of my hand a second time; she opened it and kissed it again; her father bid her give it to me, which she did; but said, with much sorrow, the book would not speak to her [*Marrant*, 1973: 178].

And he [Atahualpa] desired to know where Valverde had learned things so extraordinary. In this book replied the fanatic Monk, reaching out his breviary. The Inka opened it eagerly, and turning over the leaves, lifted it to his ear: This, says he, is silent; it tells me nothing; and threw it with disdain to the ground [*Cuguono*, 1969: xix – xxiii]

Подобное обращение с книгой не может не навлечь божественного гнева и во всех хрониках такие случаи заканчиваются гибелью виновного.

I was reading a book that I was very fond of, and which I frequently amused myself with, when this person snatched it out of my hand, and threw it into the sea. But, which was very remarkable, he was the first that was killed in our [first military] engagement. I don't pretend to say that this happened because he was not my friend; but I thought it was a very awful providence, to see how the enemies of the Lord were cut off [*Gronniosaw*, 1972: 11].

Следующее испытание – обретение дара владения письменным словом. Подробное описание всех мук и усилий, людей, поделившихся своим знанием, малейших обстоятельств, сопут-

ствовавших обучению, также отличает все автобиографии афроамериканцев. При этом автор либо прямо указывает либо весьма прозрачно намекает, что обретение им знания – есть еще одно проявление милости Господа. Нередко это описывается как чудо, внезапно дарованное свыше.

... the Spirit of the Lord brought this passage of Scripture to my mind, where Jesus Christ says, «Whatsoever, ye shall ask the Father in my name, ye shall receive. Ask in faith nothing doubting: for according unto your faith it shall be unto you. For unto him that believeth, all things are possible». Then I began to ask God in faithful and fervent prayers, as the Spirit of the Lord gave me utterance, begging earnestly of the Lord to give me the knowledge of his word, that I might be enabled to understand it in its pure light, and be able to speak it in the Dutch and English languages...

Thus I wrestled with God by faithful and fervent prayer, for five or six weeks... The Lord heard my groans and cries at the end of six weeks, and sent a blessed angel of the covenant to my heart and soul, to release me from all my distress and troubles, and delivered me from all mine enemies, which were ready to destroy me; thus the Lord was pleased in his infinite mercy, to send an angel, in a vision, in shining raiment, and his countenance shining as the sun, with a large Bible in his hands, and brought it unto me, and said, «I am come to bless thee, and to grant thee thy request,» as you read in the Scriptures. Thus my eyes were opened at the end of six days, while I was praying, in the place where I slept; although the place was as dark as a dungeon, I awoke, as the Scripture saith, and found it illuminated with the light of the glory of God, and the angel standing by me, with the large book open, which was the Holy Bible, and said unto me, «Thou has desired to read and understand this book, and to speak the language of it both in English and in Dutch; and I will therefore teach thee, and now read»; and then he taught me to read the first chapter of the gospel according to St. John; and when I had read the whole chapter, the angel and the book were both gone in the twinkling of an eye, which astonished me very much, for the place was dark immediately; being four o'clock in the morning in the winter season. After my astonishment had a little subsided, I began to think whether it was a fact that an angel had taught me to read, or only a dream... but the Spirit of the Lord convinced me that I could; I went out of the house to a secret place, and there rendered thanksgivings and praises unto God's holy name, for his goodness in showing me to read his holy word, to understand it, and

to speak it, both in the English and Dutch languages [Jea, 1989: 106 – 107].

And these words were spoken in my heart, «Be faithful, and the time shall come when you can read and write.» These words were spoken in my heart as though a tender father spoke them. My tears were gone in a moment...

One day I was sitting finishing a dress in haste and in prayer. This word was spoken in my mind, «Who learned the first man on earth?» «Why, God». «He is unchangeable, and if He learned the first man to read, He can learn you». I laid down my dress, picked up my Bible, ran upstairs, opened it, and kneeled down with it pressed to my breast, prayed earnestly to Almighty God if it was consisting to His holy will, to learn me to read His holy word. And when I looked at the word, I began to read. And when I found I was reading, I was frightened – then I could not read one word. I closed my eyes again in prayer and then opened my eyes, began to read. So I done, until I read the chapter.... So I tried, took my Bible daily and praying and read until I could read anywhere [Jackson, 1981: 107].

Если учесть, что обучение рабов письму и грамоте было за-
прещено законом и служило основанием для штрафных санк-
ций, то можно понять, почему владение письменным словом
было не иначе, как чудом.

В продолжение же религиозной темы следует упомянуть еще
о двух особенностях, присущих хроникам афро-американцев.
Первая состоит в том, что понимание Бога соответствует тради-
ционным европейским представлениям. Эта тенденция сливает-
ся с острым желанием афро-американца самому внешне похо-
дить на европейца, перенять его манеру одеваться, говорить и
поклоняться белому Богу. Вторая черта, присущая этим текстам,
это желание познать не только слово европейского Бога, но и
его природу. Прямое указание на эти поиски мы обнаруживаем в
гимне Дж. Джи [Jea, 1989: 38]

I need not tell thee who I am;
My misery and sin declare:
Thyself has call'd me by my name;
Look on thy hands, and read it there:
But who I ask thee, who art thou?
Tell me thy name, and tell me now....
Wilt thou not yet to me reveal
Thy new unutterable name?
Tell me, I still beseech thee, tell;

To know it now, resolv'd I am:
Wrestling I will not let thee go,
Till I thy name, thy Nature know.

Итак, познание сути Бога лежит для афро-американца через имя Божье. (Здесь нам следует вспомнить о традиционных понятиях о тайных именах, являющихся своего рода ключом и доверенных лишь посвященным). Этим, на наш взгляд, объясняется настойчивое, многократное повторение имени Бога, прямое обращение к нему – еще одна характерная черта первой маски.

Вместе с познанием Слова и Истины становятся ненужными драгоценности Африки. Здесь ярко проявляется еще один образ хроник, а именно **образ (Золотой) Цепи**. Он призван символизировать отказ от прошлого, расставание с цепью есть отказ от своих прежних грехов. В отличие от более поздних произведений в первых автобиографиях образ Цепи несет успокоение, облегчение, обретение мира с самим собой.

У Гронниосо Цепь связана с наследием Африки и отказом от него.

When I left my dear mother, I had a large quantity of gold about me, as is the custom of our country. It was made into rings, and they were linked one into another, and formed into a kind of chain, and so put round my neck, and arms, and legs, and a large piece hanging at one ear, almost in a shape of a pear. I found all this troublesome, and was glad when my new master took it from me. I was now washed, and clothed in the Dutch or English manner [*Gronniosaw*, 1972: 4 – 5].

Эквиано, напротив, связывает этот образ с европейской цивилизацией, в частности, с цепочкой для часов.

The first subject that engaged my attention was a watch which hung on the chimney, and was going. I was quite surprised at the noise it made, and was afraid it would tell the gentleman any thing I might do amiss [*Equiano*, 1969: v – vii].

Позднее, у Дж. Джи этот концепт усложняется и ассоциируется с цепью грехов, порождающей муки. Это уже ближе к образу Цепи и оков, представленному в произведениях 20 века.

Unless you improve your advantages, you had better be a slave in any dark part of the world, than a neglecter of the gospel in this highly favoured land; recollect also that even here you might be a slave of the most awful description: – a slave to your passions – a slave to the world – a slave to sin – a slave to Satan – a slave to hell – and, unless you are made free by Christ, through the means of the

gospel, you will remain in captivity, tied and bound in the chains of your sin, till at last you will be bound hand and foot, and cast into utter darkness, there shall be weeping and gnashing of teeth forever [Jea, 1989: 9].

Подводя краткий итог, повторим, что афро-американские автобиографии 18 – 19 вв. представляют собой первую попытку диаспоры обрести свое культурное наследие, явиться миру в образе грамотного и глубоко верующего человека. Система тропов качества на данном этапе весьма ограничена и представлена несколькими основными концептами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд. Т. 2. М.: Мысль, 1978
2. Benston K.W. I Yam What I Am: Naming and Unnaming in Afro-American Literature // Black Literature and Literary Theory, ed. by H.L. Gates, Jr. N. Y.: Methuen, 1984. P. 151 – 172.
3. Cuguono O. Thoughts and Sentiments on the Evil and Wicked Traffic of the Slavery and Commerce of the Human Species. London: Dawsons of Pall Mall, 1969 (orig. printed in 1787).
4. DuBois W. E. B. The Souls of Black Folk. Bantam Books, NY-Toronto-London-Sydney-Auckland, 1989 (orig. printed in 1903).
5. Equiano O. The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African. London: Dawsons of Pall Mall, 1969 (orig. printed in 1789).
6. Gates H.L., Jr. The Signifying Monkey. A Theory of African-American Literary Criticism. Oxford University Press, 1988.
7. Gronniosaw J. A.U. A Narrative of the Most Remarkable Particulars of the Life of J. A.U. Gronniosaw, An African Prince. Bath, 1972 (orig. printed in 1770).
8. Hegel G.W.F. The Philosophy of History. N. Y.: Dover, 1956.
9. Hume D. Of National Characters // The Philosophical Works, 4 vols. ed. by Green T.H. and Grose T.H. Darmstadt, 1964.
10. Jackson R.C. Gifts of Power: the Writings of Rebecca Jackson, Black Visionary, Shaker Eldress. ed. by Humez J.M. Amherst: University of Massachusetts Press, 1981.
11. Jea J. The Life, History & Unparalleled Sufferings of John Jea, the African Preacher. UK: England, Portsea, 1968 (orig. printed in 1815).
12. Kant I. Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime. Berkeley: university of California Press, 1960.
13. Marrant J. A Narrative of Lord's Wonderful Dealings with

John Marrant (Quobna Ottobah Cugoano), A Black. London: Gilbert and Plummer, 1973 (orig. printed in 1788).

14. Oxford Illustrated Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2002.

15. The Collected Works of John Jea. African Preacher, ed. by H.L. Gates, Jr. N. Y.: Oxford university Press, 1989.

16. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. N.Y.: Gramercy Books, 1996.

© Шустрова Е.В., 2004

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БУДАЕВ Эдуард Владимирович – преподаватель Нижне-Тагильской государственной социально-педагогической академии

ГРИДИНА Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета

ДАУЛЕТОВА Виктория Александровна - кандидат филологических наук, доцент Кубанского государственного технического университета

ИВАНИЛОВ Василий Михайлович – аспирант кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета

КАБАЧЕНКО Екатерина Геннадьевна – ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

КОУРОВА Ольга Ивановна – докторант, кандидат филологических наук, доцент Щадринского государственного педагогического института

КУШНЕРУК Светлана Леонидовна – ассистент кафедры английской филологии Челябинского государственного педагогического университета

МАКАРОВА Виктория Владимировна - младший научный сотрудник, магистр Вильнюсского университета, Каунасский гуманитарный факультет, Институт социокультурных исследований

НАХИМОВА Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Уральского юридического института МВД

ПАЛЮТИНА З.Р. – докторант, кандидат филологических наук, доцент Башкирской государственной медицинской академии

ПЕРЕСКОКОВА Анна Юрьевна – преподаватель Южно-Уральского государственного университета

ПИМЕНОВА Марина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания Кемеровского государственного университета

ПОПОВА Эльвира Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

СТРЕЛЬНИКОВ Александр Михайлович – преподаватель Нижне-Тагильской государственной социально-педагогической академии

СУРИНА Анна Владимировна - преподаватель Нижне-Тагильской государственной социально-педагогической академии

ТЕЛЕШЕВА Ирина Владимировна – преподаватель Челябинского государственного университета

ХАБИБРАХМАНОВА Юлия Ринатовна – ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

ШАОВА Оксана Александровна – преподаватель кафедры романо-германской филологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького

ШЕВНИН Анатолий Борисович – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета

ШЕХТМАН Наталья Георгиевна – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

ШУСТРОВА Елизавета Владимировна – кандидат филологических наук, преподаватель Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета